Национальный банк Республики Беларусь
Полесский государственный университет

РУСЛАН ГАГУА

ГРЮНВАЛЬД В ИСТОЧНИКАХ: «ХРОНИКА КОНФЛИКТА ВЛАДИСЛАВА, КОРОЛЯ ПОЛЬШИ, С КРЕСТОНОСЦАМИ В ГОД ХРИСТОВ 1410»

Пинск, 2009

УДК 930.22.94(476)
ББК 63.3(4)
Г 12

Рецензенты

Морозова С.В., доктор исторических наук, профессор;
Васюк Г.В., кандидат исторических наук, доцент;
Ксензов С.В., кандидат исторических наук, доцент.

Рисунок на обложке: миниатюра с изображением Грюнвальдской битвы из Бернской хроники Дибольда Шиллинга

Рекомендовано к изданию учёным советом УО «Полесский государственный университет»
(протокол № 11 от 25-26.06.2009)

Г 12 Гагуа Р.Б. **Грюнвальд в источниках: «Хроника конфликта Владислава, короля Польши, с крестоносцами в год Христов 1410»** / Р.Б. Гагуа. – Пинск: ПолесГУ, 2009. – 208 с.
ISBN 978-985-513-053-4

Монография посвящена одному из основных нарративных источников для исследования событий Грюнвальдской битвы 1410 года. Комплексное исследование хроники позволило автору по-новому интерпретировать различные аспекты знаменитого сражения.

Предназначена для историков, культурологов, студентов, а также всех интересующихся средневековой историей Беларуси и Европы.

УДК 930.22.94(476)
ББК 63.3(4)

ISBN 978-985-513-053-4

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Обретение в начале девяностых годов XX столетия Беларусью суверенитета привело к кардинальным изменениям не только в национальной политике, но и в национальной культуре. Начался процесс, получивший название белорусского национально-культурного возрождения, который, так или иначе, затронул все сферы национальной культуры. В белорусской литературе, как художественной, так и научной, появились произведения и работы, посвященные отдельным событиям отечественной истории, которые постепенно стали приобретать символическое значение для белорусской нации.

Одним из таких событий-символов в отечественной истории является сражение при Грюнвальде, которое произошло 15 июля 1410 года между армией Тевтонского ордена с одной стороны и объединёнными войсками Польши и Великого княжества Литовского с другой.

Тевтонский орден, созданный в Палестине в конце XII века, появился в Пруссии в 1226 году по приглашению князя Мазовии Конрада для защиты его владений от набегов воинственных прусских племён. Уже в следующем столетии крестоносцы вступили в конфликт с соседними государствами, такими как Великое княжество Литовское и Королевство Польское, который закончился только в XV веке поражением крестоносцев. Большинство историков, как отечественных, так и зарубежных, видят одну из основных причин упадка Тевтонского ордена в поражении во время так называемой Великой войны 1409 – 1411 годов, которое немецкие рыцари потерпели от объединённых войск Польши и Великого княжества Литовского.

Великая война с Тевтонским орденом 1409 – 1411 годов и её центральное событие – Грюнвальдская битва – является одним из эпохальных событий отечественной и европейской средневековой истории, которое привело к значительным изменениям на Европейском континенте и определило дальнейшее развитие или упадок ряда европейских государств. Сражение оставило яркий след в истории Беларуси, Польши, Литвы, Латвии, Чехии, Германии и ряда других стран. Его историческую важность осознавали уже современники. Фактически во всех европейских хрониках XV – XVI веков содержатся сообщения о Грюнвальдской битве, иногда краткие, иногда достаточно обширные.

Сам термин «Великая война» укоренился в исторической литературе благодаря источникам. Так, в подавляющем большинстве европейских хроник конфликт Польши и Великого княжества Литовского против Тевтонского ордена называется не иначе как «magnum bellum» в латинском варианте или «dy grosse strytte» в старонемецком, что в обоих случаях переводится как «большая война». Уже с конца XIX столетия сначала немецкие, а затем и польские учёные в своих трудах по истории Пруссии начали называть данный конфликт «Великой войной». Во второй половине XX века этот термин

заимствовали советские историки, а в 1990-ые годы он начинает широко использоваться в белорусской исторической науке.

Несколько по-другому обстоит дело с названием центрального сражения Великой войны, которое состоялось 15 июля 1410 года в треугольнике селений Танненберг, Грюнфельд (Грюнвальд) и Людвигсдорф, расположенных примерно в 16 километрах от города Домбровно на территории современной Польши. В немецкой исторической литературе эта битва известна как Танненбергская, в польской, советской, российской и белорусской – как Грюнвальдская, в литовской – как Жальгирисская. Различные исследователи при этом сходятся в одном: сражение являлось одним из крупнейших в средневековом мире. Под Грюнвальдом сражались воины с территорий современных Беларуси, Украины, России, Литвы, Латвии, Польши, Германии, Австрии, Чехии, а также татары. Это обстоятельство определило впоследствии интерес к битве в частности и конфликту в целом со стороны большого числа европейских историков.

Великая война 1409 – 1411 годов привела к геополитическим и территориальным изменениям в регионе. Фактически она положила конец крестоносному движению в Прибалтике. Цвет орденского рыцарства погиб во время конфликта. Тевтонский орден потерял часть территорий и вынужден был перейти к обороне от военных экспедиций Польского королевства и Великого княжества Литовского.

Грюнвальдская битва давно приобрела культовое значение как в национальных традициях Польши и Литвы, так и в польской, а также литовской историографии. Знаковым событием победа при Грюнвальде стала и в истории белорусского народа.

Однако следует заметить, что данное событие стало символом не в народной, а, прежде всего, в элитарной культуре Беларуси. Про Грюнвальд не существует белорусских народных песен, легенд и преданий, но битва занимает центральное место в исторической повести белорусского прозаика Константина Тарасова «Погоня на Грюнвальд»;[1] ей посвятил своё эссе, опубликованное в 1995 г., Святослав Осиновский.[2]

В изобразительном искусстве Беларуси образы Грюнвальда создали художники Гавриил Ващенко (картина «Грюнвальдская битва»), Петр Драчёв (автолитография «Остановим убийства»), Михаил Басалыга (цветная литография «Грюнвальдская битва»), Феликс Янушкевич («Уроки Грюнвальда»).

Сражение под Грюнвальдом стало пристальным объектом исследования белорусских историков.

В 1993 году был опубликован научно-популярный очерк Александра Кравцевича «Тевтонский орден: от Иерусалима до Грюнвальда»,[3] а двумя годами позже, в 1995 году, в историческом альманахе «Адраджэнне» была

[1] Тарасов, К. Погоня на Грюнвальд. Исторический роман. – Минск: ПКМП «Оракул», 1992. – 288 с.
[2] Асіноўскі, С. Сумленна прынялі свой лёс... // Беларуская мінуўшчына, 1995. – № 3. – С. 2-6.
[3] Краўцэвіч, А. Тэўтонскі ордэн ад Ерусаліма да Грунвальда. / А.К. Краўцэвіч. – Мінск: Асвета, 1993.

напечатана специальная работа профессора Анатолия Грицкевича о литовско-орденском конфликте: «Борьба Великого княжества Литовского и Русского (Белорусско-Литовского государства) с Тевтонским орденом в конце XIV – первой половине XV веков».[4] Оба автора уделили битве довольно много места, при этом и один и второй приняли ряд положений, разработанных в польской историографии. Как Александр Кравцевич, так и Анатолий Грицкевич, определяя численность участвовавших в сражении войск, принимают расчеты Стефан Мария Кучиньского.[5] В то же время реконструкция хода битвы производится ими по-разному.

В первом случае даётся следующая интерпретация хода битвы: крестоносцы и союзные войска построились друг против друга. Перед тевтонскими построениями были устроены замаскированные ямы-ловушки и расположена артиллерия Тевтонского ордена. Чтобы вынудить противника первым начать атаку, Ульрих фон Юнгинген прислал союзникам посольство, передавшее королю и великому князю два меча и приглашение к битве. «Литовское войско с кличем «Вильно!» двинулось в атаку. Затем пошли поляки на ходу запев «Богородицу», и в бой вступила тяжёлая конница. На правом литовском фланге и левом польском фактически происходили две отдельные битвы».[6] Далее Александр Кравцевич принимает версию об «обманном бегстве» литовцев. Он пишет: «Маневр с отступлением планировался заранее. Смоленские хоругви Витовт оставил на месте, чтобы прикрыть правый фланг поляков и не дать крестоносцам ударить им в спину».[7] Когда магистр увидел, что «чаша весов склоняется не в пользу Ордена, он предпринял решающую попытку переменить ход битвы. Сформировав из остатков своего левого фланга и резервов ударную группу в 16 хоругвей, он стал у нее во главе и атаковал королевскую армию».[8] Данный маневр получил у автора очень высокую оценку.[9] Причины поражения крестоносцев видятся автору в том, что хотя «отчаянная атака ударной группы в 16 хоругвей могла решить судьбу битвы, но противник был слишком многочисленный и опытный».[10]

Разгром описывается следующим образом: «Войска Витовта после ликвидации отделений крестоносцев, которые прорвались к их обозу, вернулись и напали на группу хохмейстера с тыла и фланга. Посланные в обход польские отделы начали окружать правый фланг крестоносцев с запада. Это было начало конца. Ударная группа хохмейстера и правый фланг орденской армии окружались по отдельности. Некоторое время они еще выдерживали

---

[4] Грыцкевіч, А. Барацьба Вялікага княства Літоўскага і Рускага (Беларуска-Літоўскай дзяржавы) з Тэўтонскім ордэнам у канцы XIV – першай палове XV ст. / А. Грыцкевіч // Адраджэнне: Гіст. Альманах. – Мінск, 1995. – Вып. 1. – С. 36–61.
[5] Краўцэвіч, А. Тэўтонскі ордэн ад Ерусаліма да Грунвальда. / А.К. Краўцэвіч. – Мінск: Асвета, 1993. – С. 33.
[6] Краўцэвіч, А. Тэўтонскі ордэн ад Ерусаліма да Грунвальда. / А.К. Краўцэвіч. – Мінск: Асвета, 1993. – С. 40.
[7] Краўцэвіч, А. Тэўтонскі ордэн ад Ерусаліма да Грунвальда. / А.К. Краўцэвіч. – Мінск: Асвета, 1993. – С. 40–41.
[8] Краўцэвіч, А. Тэўтонскі ордэн ад Ерусаліма да Грунвальда. / А.К. Краўцэвіч. – Мінск: Асвета, 1993. – С. 41.
[9] Краўцэвіч, А. Тэўтонскі ордэн ад Ерусаліма да Грунвальда. / А.К. Краўцэвіч. – Мінск: Асвета, 1993. – С. 41.
[10] Краўцэвіч, А. Тэўтонскі ордэн ад Ерусаліма да Грунвальда. / А.К. Краўцэвіч. – Мінск: Асвета, 1993. – С. 41.

натиск, но, в конце концов, были полностью окружены и разбиты».[11] Автор также указывает на то, что во взятии немецкого обоза активное участие приняла пехота, состоявшая из крестьян и горожан, высказывая при этом мысль, что «возможно как раз от рук пехотинцев погиб хохмейстер Ульрих фон Юнгинген».[12] Работа Александра Кравцевича фактически полностью основана на монументальной монографии Стефана Марии Кучиньского «Великая Война с Орденом крестоносцев в 1409 – 1410 годах» и все основные положения заимствованы именно из неё.[13]

Что касается работы Анатолия Грицкевича, то она также не внесла новизны в исследование проблемы. Указывая, что в начале битвы армия Тевтонского ордена состояла из 51 хоругви,[14] он приходит к выводу, что союзники в бою захватили 52 хоругви крестоносцев,[15] т.е. больше, чем их было изначально. Описывая один из эпизодов битвы, Анатолий Грицкевич делает следующее утверждение: «Над полем звучал радостный крик союзников: «Литва возвращается!» в то время, когда ни один из источников таких сведений не содержит.[16] Вместе с тем, аналогичная фраза имеется в художественном произведении – романе Генрика Сенкевича «Крестоносцы» (– Litwa wraca! – Huknęly radośnie głosy polskie).[17] Следуя за сообщением «Хроники Литовской и Жмойтской», которая указывает, что «самого магистра Прусского Ульриха простый драб ощепом пробив»,[18] Анатолий Грицкевич пишет: «В бою один из простых воинов Витовта, приблизившись к великому магистру Ульриху фон Юнгингену, всадил свою рогатину в шею магистра и сбросил его с коня». В то же время другой источник – Ян Длугош указывает, что на трупе магистра были следующие ранения: «В лоб и в грудь», но никак не в шею.[19] При описании завершающего этапа битвы Анатоль Грицкевич ссылается на работу польского историка Кароля Шайнохи «Ядвига и Ягайло», созданную в XIX веке.[20] При подсчёте потерь Тевтонского ордена историк вслед за Стефаном Марией Кучиньским приводит данные, согласно которым 18000 немцев было убито и

---

[11]Краўцэвіч, А. Тэўтонскі ордэн ад Ерусаліма да Грунвальда. / А.К. Краўцэвіч. – Мінск: Асвета, 1993. – С. 41.
[12] Краўцэвіч, А. Тэўтонскі ордэн ад Ерусаліма да Грунвальда. / А.К. Краўцэвіч. – Мінск: Асвета, 1993. – С. 46.
[13] Kuczyński, S. Wielka Wojna z Zakonem Krzyżackim w latach 1409 – 1411 / S. Kuczyński. – Wyd. 2. – Warszawa: Min. Obrony Nar., 1960. – 622 s.
[14] Грыцкевіч, А. Барацьба Вялікага княства Літоўскага і Рускага (Беларуска-Літоўскай дзяржавы) з Тэўтонскім ордэнам у канцы XIV – першай палове XV ст. / А. Грыцкевіч // Адраджэнне: Гіст. Альманах. – Мінск, 1995. – Вып. 1. – С. 44.
[15] Грыцкевіч, А. Барацьба Вялікага княства Літоўскага і Рускага (Беларуска-Літоўскай дзяржавы) з Тэўтонскім ордэнам у канцы XIV – першай палове XV ст. / А. Грыцкевіч // Адраджэнне: Гіст. Альманах. – Мінск, 1995. – Вып. 1. – С. 49.
[16] Грыцкевіч, А. Барацьба Вялікага княства Літоўскага і Рускага (Беларуска-Літоўскай дзяржавы) з Тэўтонскім ордэнам у канцы XIV – першай палове XV ст. / А. Грыцкевіч // Адраджэнне: Гіст. Альманах. – Мінск, 1995. – Вып. 1. – С. 48.
[17] Grunwald. 550 lat chwaly / opracowali J. St. Kopczewski, M.Siuchniński. – Warszawa: Państwowe Zakłady Wydawn. Szkolnych, 1960. – S. 234.
[18] Хроника Литовская и Жмойтская // Полн. собр. русских летописей: в 35 т. / Под ред. Б.А. Рыбакова. – М.: Наука, 1975. – Т 32. – С. 78.
[19] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 113.
[20] Грыцкевіч, А. Барацьба Вялікага княства Літоўскага і Рускага (Беларуска-Літоўскай дзяржавы) з Тэўтонскім ордэнам у канцы XIV – першай палове XV ст. / А. Грыцкевіч // Адраджэнне: Гіст. Альманах. – Мінск, 1995. – Вып. 1. – С. 48.

14000 взято в плен, кроме того, около 1400 крестоносцев смогли спастись. Общая цифра потерь при этом составляет 33400 человек, хотя первоначально утверждалось, что в армии крестоносцев находилось 21000 конных рыцарей, 6000 пехотинцев и 5000 челяди в обозе – всего 32000 человек.[21] Таким образом, Анатолий Грицкевич, принимая расчёты Стефана Марии Кучиньского, так же как и польский историк, вступает в противоречие, когда цифра потерь превышает первоначальное количество войск. В оценку значения Грюнвальда автор не добавляет ничего нового и следует принятой в российской и советской историографии традиции. Он пишет: «Была остановлена агрессия крестоносцев на Польшу, Беларусь и Литву. Набеги немецких рыцарей на белорусские и литовские земли были фактически остановлены. Для этих народов проблема сохранения была решена. Теперь им не угрожало физическое уничтожение или онемечивание».[22]

В 1995 году на страницах журнала «Беларуская мінуўшчына» было опубликовано эссе Святослава Осиновского «Сознательно приняли свою судьбу».[23] Оценка Грюнвальдского сражения в нём вполне традиционная: победа «Европы славянской защищающейся над Европой крестоносной агрессивной». В эссе допускается ряд грубых ошибок. Так, например, помезанского официала Яна фон Поссильге, который умер ещё до Грюнвальдской битвы (её описывал продолжатель Яна фон Поссильге), Святослав Осиновский считает «немецким исследователем», который «подтверждает стойкость и мужество хоругвей Витовта», о чём в продолжении хроники нет ни слова.[24]

Помещённая в Энциклопедии истории Беларуси статья Сергея Терохина, посвящённая Грюнвальдской битве, содержит ряд откровенно спорных положений.[25] Автор пишет, что большинство источников определяет потери крестоносцев в 40000 человек, хотя такие сведения предоставляет только Ян Длугош, в то время как в большинстве остальных хроник приводится значительно большее число.[26] Потери союзников Сергей Терохин исчисляет 60 тысячами вообще ни на чём не основываясь.[27] Написав, что в источниках упоминается только одна хоругвь с этнически литовских (летувисских) территорий – ковенская, автор не учитывает 12 жмудских хоругвей, выставленных от каждого повета по приказу Витовта.

---

[21] Грыцкевіч, А. Барацьба Вялікага княства Літоўскага і Рускага (Беларуска-Літоўскай дзяржавы) з Тэўтонскім ордэнам у канцы XIV – першай палове XV ст. / А. Грыцкевіч // Адраджэнне: Гіст. Альманах. – Мінск, 1995. – Вып. 1. – С. 44–49.

[22] Грыцкевіч, А. Барацьба Вялікага княства Літоўскага і Рускага (Беларуска-Літоўскай дзяржавы) з Тэўтонскім ордэнам у канцы XIV – першай палове XV ст. / А. Грыцкевіч // Адраджэнне: Гіст. Альманах. – Мінск, 1995. – Вып. 1. – С. 49.

[23] Асіноўскі, С. Сумленна прынялі свой лёс... / С. Асіноўскі // Беларуская мінуўшчына. – 1995. – № 3. – С. 2–6.

[24] Асіноўскі, С. Сумленна прынялі свой лёс... / С. Асіноўскі // Беларуская мінуўшчына. – 1995. – № 3. – С. 4.

[25] Цярохін, С. Грунвальдская бітва 1410 / С. Цярохін // Энцыкл. гіст. Беларусі: у 6 т. – Мінск,: «Беларуская энцыклапедыя» імя Пятруся Броўкі, 1996. – Т. 3. – С. 157–159.

[26] Spieralski, Z. Czy koniec sporów o Grunwald? / Z. Spieralski // Zapiski historyczne / Państwowe Wydawn. Nauk.; red. M. Biskup. – Poznań, 1974. – T. 39, Z. 2. – S. 76–92.

[27] Цярохін, С. Грунвальдская бітва 1410 / С. Цярохін // Энцыкл. гіст. Беларусі: у 6 т. – Мінск,: «Беларуская энцыклапедыя» імя Пятруся Броўкі, 1996. – Т. 3. – С. 159.

Спорным также представляется утверждение Сергея Терохина, согласно которому белорусы преобладали в виленской, трокской и медницкой хоругвях. По крайней мере, Медники находятся на территории Жмуди. Остаётся невыясненным вопрос о появлении на поле боя резервных хоругвей Витовта, которые он периодически вводит в бой и тем самым спасает положение польско-литовской стороны. Ни одним из известных источников не упоминается участие в сражении оршанской и мстиславской хоругвей, которые, согласно утверждениям Сергея Терохина, «особо отличились» в битве под Грюнвальдом.[28]

В 2000 году была опубликована статья Витовта Черопко «Участие войска ВКЛ в Грюнвальдской битве»[29]. Автор представил битву следующим образом: на первом этапе армия Великого княжества Литовского начала битву ударом лёгкой конницы, уничтожила орденскую артиллерию и пехоту, осуществила манёвр обманного бегства, заставив расстроить ряды конницу Фридриха фон Валенрода. На втором этапе битвы под натиском крестоносцев вынуждены были отступить поляки. Тогда Витовт, возглавив вторую линию поляков (8 хоругвей), разбил последние хоругви фон Валенрода, возвращавшиеся из погони. Крестоносцы начали отступать, и магистр ввёл в бой резервные хоругви. Они обошли правый фланг поляков или прорвали их фронт и оказались у них в тылу, но положение спасла третья линия польской армии и ударившие в левый фланг крестоносцев вернувшиеся из обманного бегства литовские хоругви. Орденские хоругви были обращены в бегство, часть их спряталась в укреплённом лагере, который был взят союзниками штурмом.

Общая картина сражения не находит достаточного обоснования сообщениями источников. Так, источники ничего не сообщают о действиях отдельных хоругвей Великого княжества Литовского, кроме трёх смоленских полков. Витовт Черопко же описывает действия некоторых отрядов Великого княжества Литовского. При этом он ссылается на компиляцию XVI века – рифмованную Хронику Матея Стрыйковского. Кроме того, в его описании упоминается участие в битве хоругви из Новгорода Великого (о чём ничего не сообщается в источниках, в том числе и в Новгородских летописях).[30]

Никак не обосновывая свою точку зрения, Витовт Черопко произвольно указывает количество участвовавших в сражении войск – 40 тысяч человек со стороны союзников, 30 – 33 тысячи человек со стороны Тевтонского ордена.[31] Принимая сообщение Хроники Быховца о наличии на поле боя «волчьих ям», Витовт Черопко не учитывает современного состояния исследования сражения.

---

[28] Цярохін, С. Грунвальдская бітва 1410 / С. Цярохін // Энцыкл. гіст. Беларусі: у 6 т. – Мінск,: «Беларуская энцыклапедыя» імя Пятруся Броўкі, 1996. – Т. 3. – С. 159

[29] Чаропка, В. Удзел войска ВКЛ у Грунвальдскай бітве / В. Чаропка // Беларускі гістарычны часопіс. – 2000. – № 2. – С. 14–22.

[30] Чаропка, В. Удзел войска ВКЛ у Грунвальдскай бітве / В. Чаропка // Беларускі гістарычны часопіс. – 2000. – № 2. – С. 14–22.

[31] Чаропка, В. Удзел войска ВКЛ у Грунвальдскай бітве / В. Чаропка // Беларускі гістарычны часопіс. – 2000. – № 2. – С. 15.

Так, археологические раскопки поля битвы показали, что никаких замаскированных ловушек там не было.[32]

В 2004 году Геннадий Саганович рассмотрел в небольшой статье проблему участия белорусов и украинцев (русинов) в битве под Грюнвальдом. При этом он пришёл к выводам, что их в армии Витовта было не меньше половины. Вместе с тем, Геннадий Саганович, отмечая, что хотя белорусы составляли значительную силу, указывает на неоправданность приписывания им главной заслуги в победе над Тевтонским орденом.[33]

Статья Геннадия Сагановича о Великой войне, помещённая в первом томе энциклопедии «Великое княжество Литовское» (2005 год) содержит только общие сведения о конфликте. При этом автор разделяет общепринятое в белорусской историографии мнение о том, что поражение в войне 1409 – 1411 годов привело к потере Орденом доминирующего положения в Балтийском регионе.[34]

Следует признать, что в своих ранних публикациях, таких как «О тактическом ходе сражения при Грюнвальде» (1999 год) и «Великая война Великого княжества Литовского и Королевства Польского с Тевтонским орденом в 1409 – 1411 годах» (2003), я так же допустил ряд ошибок, распространённых в отечественной историографии, принимая на веру наличие на поле боя «волчьих ям» и признавая, таким образом, положение об оборонительном тактическом плане битвы со стороны крестоносцев.[35]

Представляется характерным, что и художниками, и литераторами, и даже учёными-историками сражение рассматривается исключительно с национальных позиций. Основные заслуги в победе приписываются белорусам. Их борьба с Тевтонским орденом представляется как общенародная борьба за сохранение своего этноса, культуры и религии. Результаты Грюнвальда значительно преувеличиваются.[36]

Фактически усилиями современной белорусской культурной элиты из Грюнвальдской битвы создаётся миф, имеющий мало общего с исторической действительностью. Сражение становится символом белорусских национальных амбиций.

Такое положение существует во многом благодаря тому, что большинство источников для исследования Грюнвальдского сражения являются неизвестными не только широкому кругу лиц, интересующихся национальной

---

[32] Nadolski, A. Grunwald: problemy wybrane / A. Nadolski. – Olsztyn: OBN, 1990. – S. 139.

[33] Сагановіч, Г. Русіны пад Грунвальдам (Дуброўнай) у 1410 г. / Г. Сагановіч // Беларускі гістарычны агляд [Электронный ресурс]. – Т. 11. – Сшытак 1–2, (20–21) снежань 2004. – Режим доступа: http://kamunikat.net.iig.pl/www/czasopisy/bha/11-1-2/02.htm. – Дата доступа: 12.04.2007.

[34] Сагановіч, Г. Вялікая вайна 1409 – 1411 / Г. Сагановіч // Вялікае княства Літоўскае: энцыкл.: у 2 т. – Мінск,: «Беларуская энцыклапедыя» імя Пятруся Броўкі, 2005. – Т. 1. – С. 473–474.

[35] Гагуа, Р.Б. О тактическом ходе сражения при Грюнвальде / Р.Б. Гагуа // Свежий ветер’ 99: сб. науч. работ студентов Гр.ГУ им. Янки Купалы / Гродн. гос. ун-т; под ред. А.И. Буть. – Гродно, 1999. – С. 93–95. Гагуа, Р.Б. Вялікая вайна Вялікага Княства Літоўскага і Каралеўства Польскага з Тэўтонскім ордэнам у 1409–1411 г. / Р.Б. Гагуа // Гіст. альманах. – 2003. – Т. 8. – С. 145–166.

[36] Сагановіч, Г. Грунвальд у беларускай гістарыяграфіі / Г. Сагановіч // Беларускі гістарычны агляд [Электронный ресурс]. – Т. 9. – Сшытак 1–2. – Режим доступа: http://www.lingvo.minsk.by/~bha/09/Sahanovic.htm. – Дата доступа: 15.05.2006.

историей, но и профессиональным историкам, несмотря на то, что на настоящий момент введено в научный оборот и опубликовано их огромное количество.

Существует более ста опубликованных летописных сообщений о Великой войне с Тевтонским орденом 1409 – 1411 годов, созданных практически на всей территории Европы. Летописные свидетельства дополняются ещё двумя группами источников: письмами и донесениями, а также актовым материалом того времени. Общее количество опубликованных на настоящее время источников для реконструкции событий Великой войны, как прямых, так и косвенных, достигает двухсот.[37]

Однако в исторической науке не существует единого мнения об их познавательной ценности, исторической достоверности и значимости. Кроме того, подавляющее большинство источников на восточнославянские языки не переводилось, что делает их труднодоступными для отечественных исследователей.

Историки отдают предпочтение свидетельствам различных источников в зависимости от своих взглядов и того, какие из источников они определяют в качестве базовых для себя. Вследствие этого остаётся нерешённым ряд вопросов, касающихся Великой войны 1409 – 1411 годов. Так, численность армий, участвовавших в войне, определяется от 11 тысяч до 83 тысяч со стороны Тевтонского ордена и от 16,5 тысяч до 163 тысяч со стороны союзников. Численность татар в армии Великого княжества Литовского определяется от 300 человек до нескольких десятков тысяч. Окончательно не решена проблема участия в войне швейцарцев и молдаван. Продолжаются споры об участии в военных действиях крестьян со стороны союзников и о качественном составе армий. Одни исследователи считают, что армия союзников состояла из рыцарской конницы и крестьянской пехоты, другие полагают, что союзное войско включало в себя исключительно конных рыцарей. Нет единого мнения и о вооружении армий.[38]

Остаётся открытым вопрос о верховном командовании союзной армией во время Великой войны.[39]

До сих пор в исторической литературе нет единого мнения о переходе армий от Кужетника к Танненбергу, о времени прибытия к месту битвы и о локализации войск на Грюнвальдском поле.[40]

Несмотря на результаты археологических исследований, показавших, что на поле боя «волчьих ям» не было, остаются историки, которые

---

[37] Гагуа, Р.Б. Роль экономических источников в исследовании Грюнвальдской битвы. / Р.Б. Гагуа // Социально-экономическое и гуманитарное развитие Белорусского общества в XXI веке: материалы респ. науч. конф. студентов, магистрантов, аспирантов, Минск, 16 декабря 2004 г. / Бел. гос. экон. ун-т; редкол.: И.Л. Василец [и др.]. – Минск, 2005. – С. 457–459.

[38] Гагуа, Р.Б. Вялікая вайна Вялікага Княства Літоўскага і Каралеўства Польскага з Тэўтонскім ордэнам у 1409–1411 г. / Р.Б. Гагуа // Гіст. альманах. – 2003. – Т. 8. – С. 155–158.

[39] Гагуа, Р.Б. Вялікая вайна Вялікага Княства Літоўскага і Каралеўства Польскага з Тэўтонскім ордэнам у 1409–1411 г. / Р.Б. Гагуа // Гіст. альманах. – 2003. – Т. 8. – С. 160–161.

[40] Гагуа, Р.Б. Западноевропейская и американская историография Великой войны с Тевтонским орденом в 1409 – 1411 годах / Р.Б. Гагуа // Весн. Гродн. дзярж. ун-та імя Я.Купалы. Сер. 1, Гуманітарныя навукі. – 2005. – № 3 (33). – С. 41.

придерживаются точки зрения об их существовании, делая из этого вывод о том, что Ульрих фон Юнгинген пытался осуществить оборонительный план сражения.[41]

Существует четыре версии о бегстве армии Великого княжества Литовского во время битвы при Грюнвальде. Первая заключается в том, что хоругви княжества не выдержали удара тяжёлой кавалерии Фридриха фон Валенрода и обратились в бегство. Согласно второй – литовская армия осталась на поле боя. Третья гласит, что бежала только часть хоругвей Великого княжества Литовского, а приверженцы четвёртой версии склоняются к мнению, что войска Витовта осуществили маневр так называемого «заманного бегства».

Сам ход сражения разными историками представляется по-разному.[42]

В связи с этим представляется очень важным осуществление перевода, публикации и анализа источникового корпуса для исследования Грюнвальдского сражения. Решение этой задачи автор начинает в представленной на суд читателей монографии, которая посвящена одному из важнейших примарных нарративных источников для реконструкции событий битвы – «Хронике конфликта Владислава, короля Польши в год Христов 1410».

---

[41] Гагуа, Р.Б. Великая война с Тевтонским орденом 1409 – 1411 гг. в исследованиях С.-М.Кучиньского / Р.Б. Гагуа // Весн. Гродн. дзярж. ун-та імя Я.Купалы. Сер. 1, Гуманітарныя навукі. – 2006. – № 3 (39). – С. 12.

[42] Гагуа, Р.Б. Проблема бегства армии ВКЛ в битве под Грюнвальдом / Р.Б. Гагуа // Славянскі свет: мінулае і сучаснае: матэрыялы Рэсп. навук. канф., 26 сакавіка 2004 г.: в 3 ч. / Бел. дзярж. пед. ун-т; рэдкал.: А.П. Жытко (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2004. – Ч. 1. – С. 17–22.

ГЛАВА 1. ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

1.1 Источники

Впервые манускрипт, получивший в историографии название «Хроника конфликта Владислава, короля Польши, с крестоносцами в год Христов 1410», был обнаружен в 1857 году в библиотеке графов Дзялыньских в Курнике (современная территория Польши) польским историком Августом Беловским. Август Беловски изготовил в Лемберге факсимиле рукописи, на основании которого немецкий исследователь Эрнст Штрельке поместил первую публикацию хроники в третьем томе «Scriptores rerum Prussicarum», увидевшем свет в Лейпциге в 1866 году.[43] Впоследствии сам Август Беловски опубликовал её под названием «Битва под Домбровно» во втором томе «Monumenta Poloniae Historica», вышедшем в 1872 году.[44]

В то время манускрипт считался утерянным, однако его вновь обнаружил в 1890 году Игнацы Закшевски в той же библиотеке в Курнике «под бумажными завалами».[45] Тем не менее, данный факт оставался неизвестным в исторических кругах вплоть до третьего – и наилучшего на данный момент – издания манускрипта, осуществлённого в 1911 году Зигмунтом Целиховским в Познани. Познаньское издание содержит факсимиле рукописи, транскрипцию текста и обширное (10 страниц) – в сравнении с предыдущими публикациями – предисловие издателя.[46]

В настоящее время латинская транскрипция текста по изданию Зигмунда Целиховского доступна в электронном виде на сайте memo.laborunion.lt.[47]

Во второй половине XX столетия один из лучших в Польше специалистов в истории Тевтонского ордена (правда, занимавшийся в основном догрюнвальдским периодом истории Пруссии) Герард Лабуда заметил, что часть «Анналов краковских викариев» («Annales Mansionariuorum Cracoviensium») практически дословно повторяют рукопись «Хроники конфликта» из собрания библиотеки Дзялыньских в Курнике.[48]

---

[43] Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 434–439.

[44] Bitwa pod Dąbrównem. (Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum Cruciferis anno Christi 1410) // Monumenta Poloniae Historica – Pomniki dziejowe Polski / hrsg. Bielowski A. – Lwów, 1872. – T. 2. – S. 897–904.

[45] Zakrewski, I. Bitwa pod Grunwaldem / I. Zakrewski // Rozcnik Poznańskiego towarystwa przyjacół nauk. – Poznań: Wydawn. Poznanskie, 1890. – T. 17, Z. 2. – S. 13.

[46] Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum Cruciferis anno Christi 1410. Z rękopisu Biblioteki Kórnickiej / wyd. Dr. Zygmunt Celichowski. – Poznań: Nakł. Biblioteki Kórnickiej, 1911. – 31 s. (kart 10).

[47] Cronica conflictus Wladislai, regis Poloniae, cum cruciferis. [Электронный ресурс] http://www.laborunion.lt/memo/modules/sections/index.php?op=viewarticle&artid=4. – Дата доступа: 18.03.2009.

[48] Ekdahl, S. Die Schlacht bei Tannenberg 1410. Quellenkritische Untersuchungen. Einführung und Quellenlage. / S. Ekdahl. – Berlin: Duncker & Humblot, 1982. – Bd. I. – S. 145. Следует заметить, что автор не нашёл в «Анналах краковских викариев», опубликованных в «Scriptores rerum Prussicarum», ни слова из «Хроники конфликта…», поэтому слепо полагается на информацию, представленную Свеном Экдалем. Вероятно речь идёт о неопубликованной рукописи, найденной Герардом Лабудой.

В 1983 году польскими исследователями Иолантой Данкой и Анджеем Надольским был опубликован перевод «Хроники конфликта…» на польский язык, который выдержал ещё два издания – в 1984 и 1986 годах.[49]

В Беларуси автором был выполнен перевод хроники на белорусский язык и с кратким предисловием опубликован в «Белорусском археографическом ежегоднике» в 2005 году.[50]

В настоящее время манускрипт хранится в Курницкой библиотеке в Республике Польша (главное здание расположено по адресу: Biblioteka Kórnicka Polskiej Akademii Nauk, ul. Zamkowa 5, Kórnik-Zamek, 62-035; филиал: Biblioteka Kórnicka Polskiej Akademii Nauk, Oddział w Poznaniu, Pałac Działyńskich, Stary Rynek 78/79, Poznań, 61-772).[51]

---

[49] Kronika konfliktu Władysława króla polskiego z Krzyżakami w roku pańskim 1410 / pod. red. J. Danka, A. Nadolski. – Olsztyn: Muzeum Warmii i Mazur: Towarzystwo Przyjaciół Muzeum, 1983. – 16 s. Kronika konfliktu Władysława króla polskiego z Krzyżakami w roku pańskim 1410 / pod. red. J. Danka, A. Nadolski. – Olsztyn: Muzeum Warmii i Mazur, 1984. – 17 s. Kronika konfliktu Władysława króla polskiego z Krzyżakami w roku pańskim 1410 / pod. red. J. Danka, A. Nadolski. – Olsztyn: Muzeum Warmii i Mazur, 1986. – 17 s.

[50] Гагуа, Р.Б. Хроніка канфлікту Ўладіслава караля Польшчы з крыжакамі ў год хрыстоў 1410 / Р.Б. Гагуа // Беларускі археаграфічны штогоднік. – 2005. – № 6. – С. 61–69.

[51] Официальный сайт Курницкой библиотеки польской Академии наук. [Электронный ресурс]: http://www.bkpan.poznan.pl. – Дата доступа: 18.03.2009.

1.2 Историография

Первый издатель «Хроники конфликта…» – Эрнст Штрелькe – ограничился при её описании несколькими строчками, сообщив, что автором рукописи является, по-видимому, очевидец событий, вероятно, какое-то духовное лицо из окружения короля Ягайлы, отметил пропольский характер изложения и предположил, что текст был создан в конце 1410 года.[52]

Впоследствии обращение к хронике со стороны различных исследователей, как правило, сводилось к попыткам ответить на три вопроса:

- Что является более достоверным в качестве исторического источника для исследования Грюнвальдской битвы: «История Польши» Яна Длугоша или «Хроника конфликта…»?
- Когда «Хроника конфликта…» была создана?
- Кто является автором текста рукописи?

Однако практически все авторы основывали свои утверждения-выводы как по первому – основному, так и по двум остальным вопросам больше на собственных пристрастиях и взглядах по данному вопросу, чем на объективном анализе источников.

Уже после первого издания манускрипта из библиотеки в Курнике, мнения о его ценности как исторического источника разделились. Если Иоханнес Фойт в своей «Истории Пруссии с древнейших времён до заката господства Ордена», опубликованной в 1836 году – ещё до введения рукописи в научный оборот – следовал исключительно реляциям Яна Длугоша,[53] то уже Якоб Каро в своей «Истории Польши», напечатанной в 1869 году, подверг критике ряд сообщений «отца польской истории», ссылаясь, что они противоречат сведениям «очевидца событий», под которым подразумевал автора «Хроники конфликта».[54]

Гюстав Кёлер поддержал мнение Якоба Каро в своей работе, посвящённой военному искусству средневековой Европы, увидевшей свет в 1886 году.[55]

Немецкий исследователь Франц Тунерт в своей монографии «Великая война Польши с Немецким орденом в 1410 и по 1 февраля 1411 года» выдвинул предположение, что как автор «Хроники конфликта…», так и Ян Длугош использовали для написания своих произведений один общий более короткий источник. Однако, по его мнению, большего доверия заслуживает описание Яна Длугоша, хотя каких-либо веских обоснований в пользу своего предположения

---

[52] Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 434.

[53] Voigt, J. Geschichte Preussens von den ältesten Zeiten bis zum Untergange der Herrschen Ordens / J. Voigt. – Königsberg: Grafe und Unzer, 1836. – B. 6–7.

[54] Caro, J. Geschichte Polens // Geschichten der Europäischen Staaten . – Gotha: Heeren and Ukert, 1869. – B. 3. – S. 326.

[55] Kohler, G. Die Entwickelung des Kriegswesens und der Kriegfuhrung in der Ritterzeit. / G. Kohler. – Breslau, 1886. – B.2. – S.714.

Франц Тунерт не привёл.[56] Далее Франц Тунерт выдвинул гипотезу, согласно которой источником для создания «Хроники конфликта…» стал обвинительный акт против Тевтонского ордена, подготовленный польской стороной для выступления на Констанцком соборе 1416 года. Таким образом, немецкий историк, определив дату возникновения хроники временем после собора в Констанце, отнёс её к вторичным источникам.[57]

Положение Франца Тунерта о времени создания «Хроники конфликта…» поддержали его соотечественник Карл Хевекер в своей диссертационной работе, посвящённой Грюнвальдской битве,[58] и польский исследователь Станислав Куйот в монографии «Год 1410. Война».[59] Однако Карл Хевекер не принял положения об общем источнике для написания хроники и «Истории Польши» Яна Длугоша.[60] Впрочем, Карл Хевекер в своей работе показал очень слабое знакомство с источниками. Так, он утверждал, что Ян Длугош, автор самого обширного описания сражения при Грюнвальде, заботился в первую очередь о создании выгодного имиджа своего патрона – Збигнева Олесьницкого, в канцелярии которого он проработал долгие годы.[61] В действительности в описании сражения польский хронист отводит Збигневу Олесьницкому, бывшему в то время королевским нотарием, всего один значительный эпизод – при описании защиты во время битвы польского короля Ягайлы от напавшего на него рыцаря Тевтонского ордена Диппольда Кёкерица фон Дибера.[62] Станислав Куйот же полностью положился на мнение своих немецких коллег, посвятив «Хронике конфликта…» в исследовании менее десяти строк.

Более жёсткой критике мнение Франца Тунерта было подвержено со стороны российского историка Александра Барбашева, который признал его аргументы недостаточными и неубедительными.[63]

Александр Барбашев в двух дополнениях к своей статье «Танненбергская битва» обратился к анализу эпизода с присылкой Ягайле и Витовту двух мечей, а также сравнению Францем Тунертом «Хроники конфликта…» с «Историей Польши» Яна Длугоша.

---

[56] Thunert, F. Der grosse Krieg zwishen Polen und dem Deutschen Orden 1410 bis 1 Februar 1411 / F. Thunert // Zeitschrift des Westpreussischen Geschichtsvereins. – Danzig, 1886. – Bd. 16. – S. 93–101.

[57]Thunert, F. Der grosse Krieg zwishen Polen und dem Deutschen Orden 1410 bis 1 Februar 1411 / F. Thunert // Zeitschrift des Westpreussischen Geschichtsvereins. – Danzig, 1886. – Bd. 16. – S. 101.

[58] Heveker, K. Die Schlacht bei Tannenberg: Inaugural-Dissertation zur Erlangund der Doktorwürde genehmigt von der philosophischen Fakultat der Friedrich-Wilhelms-Universität / K. Heveker. – Berlin: Verlag von Georg Nauck, 1906. – S. 11.

[59] Kujot, S. Rok 1410. Wojna / S. Kujot // Roczniki Towarzstwa naukowego w Toruniu. – Toruń: TN, 1910. – T. 17. – S. 139.

[60] Heveker, K. Die Schlacht bei Tannenberg: Inaugural-Dissertation zur Erlangund der Doktorwürde genehmigt von der philosophischen Fakultat der Friedrich-Wilhelms-Universität / K. Heveker. – Berlin: Verlag von Georg Nauck, 1906. – S. 11.

[61] Heveker, K. Die Schlacht bei Tannenberg: Inaugural-Dissertation zur Erlangund der Doktorwürde genehmigt von der philosophischen Fakultat der Friedrich-Wilhelms-Universität / K. Heveker. – Berlin: Verlag von Georg Nauck, 1906. – S. 10.

[62] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 105–106.

[63] Барбашев, А. Танненбергская битва / А. Барабашев // Журн. М-ва нар. просвещ. – 1887. – Т. 154, № 12. – С. 151–194.

Проведя сравнение с сообщениями о Грюнвальдской битве, которые содержат другие источники, Александр Барбашев убедительно показал, что все десять противоречий, найденных Францем Тунертом между «Хроникой конфликта…» и реляциями Яна Длугоша, либо не являются таковыми, либо возникают ввиду искажений, сделанных Яном Длугошем. [64]

В 1910 году польский историк Антони Прохаска опубликовал статью «Ян Длугош и Хроника конфликта о Грюнвальдской битве», в которой, на взгляд автора, пришёл к несколько парадоксальным выводам. С одной стороны Антони Прохаска считал, что «Хроника конфликта…» стала источником для Яна Длугоша. С другой (на основании того, что реляция с описанием Великой войны 1409 – 1411 годов у Яна Длугоша более чем в десять раз превышает текст «Хроники конфликта…») утверждал, что последняя заслуживает гораздо меньшего доверия, в сравнении с трудом знаменитого польского летописца.

Данное противоречие Антони Прохаска попытался преодолеть, выдвинув гипотезу о том, что найденная в библиотеке в Курнике рукопись является сокращённым вариантом более обширной и подробной хроники, созданной в конце 1410 года, которая и легла в основу сообщений Яна Длугоша, но на настоящий момент является утерянной. При этом разница в объёме выдвигалась Антони Прохаской как научный аргумент.[65]

Версию о существовании первоначального обширного варианта «Хроники конфликта…» поддержал и попытался доказать библиотекарь из Польши Зигмунт Целиховски, осуществивший третье издание курницкого манускрипта в 1911 году.[66]

Его доказательство основывалось на том обстоятельстве, что на последней, двадцатой странице рукописи из библиотеки в Курнике, содержался план проповеди для верующих. Зигмунд Целиховски выдвинул предположение, что автор проповеди сделал себе своеобразный сокращённый «конспект» более подробной хроники, которая существовала в обширном варианте для ознакомления с событиями прусской кампании 1410 года заинтересованных лиц.[67] Он датировал гипотетическую обширную хронику 1411 годом (потому что она не могла писаться «в обозе при лязге оружия, а только после заключения мира») и выдвинул предположение, что её автором мог являться польский вице-канцлер Миколай Тромба, возглавлявший во время прусской экспедиции полевую канцелярию Ягайлы.[68]

В послевоенной Польше автор монументальной монографии, посвящённой Великой войне с Тевтонским орденом, выдержавшей шесть

---

[64] Барбашев, А. Танненбергская битва / А. Барабашев // Журн. М-ва нар. просвещ. – 1887. – Т. 154, № 12. – С. 151–194.

[65] Prochaska, A. Jan Długosz a Cronica conflictus o grunwaldzkiej bitwie / A. Prochaska // Kwartalnik Historyczny. – 1910. – T. 24, Z. 3–4. – S. 410–420.

[66] Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum Cruciferis anno Christi 1410. Z rękopisu Biblioteki Kórnickiej / wyd. Dr. Zygmunt Celichowski. – Poznań: Nakł. Biblioteki Kórnickiej, 1911. – 31 s. (kart 10).

[67] Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum Cruciferis anno Christi 1410. Z rękopisu Biblioteki Kórnickiej / wyd. Dr. Zygmunt Celichowski. – Poznań: Nakł. Biblioteki Kórnickiej, 1911. – 31 s. (kart 10).

[68] Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum Cruciferis anno Christi 1410. Z rękopisu Biblioteki Kórnickiej / wyd. Dr. Zygmunt Celichowski. – Poznań: Nakł. Biblioteki Kórnickiej, 1911. – 31 s. (kart 10).

переизданий, Стефан Мария Кучиньски склонился к точке зрения, что дошедшая до нас рукопись является сокращением гораздо более обширной хроники, созданной либо в конце 1410, либо в начале 1411 года в королевской канцелярии кем-то из ближайшего окружения Ягайлы. При этом, хотя более достоверной признавалась именно «Хроника конфликта…», реконструкция событий войны основывалась в основном на сообщениях Яна Длугоша.[69]

После рецензии Хенрика Ловмяньского на первое издание монографии (1955 год), в которой он обратил внимание на данное обстоятельство, а также выдвинул версию, что хроника является специфическим дневником военных действий,[70] Стефан Мария Кучиньски в позднейших редакциях «Великой войны с Орденом крестоносцев в 1409 – 1411 годах» попытался «примирить» ряд противоположных мнений относительно «Истории Польши Яна Длугоша и «Хроники конфликта…». Оставшись верен мнению о существовании обширного варианта хроники, Стефан Мария Кучиньски выдвинул гипотезу, согласно которой её можно соотнести с «дневниками королевских путешествий», которые, по мнению учёного, «существовали без сомнения в пятнадцатом столетии».[71] Несомненность существования подобных дневников было выведена из записки Збигнева Олесьницкого, который «многие события видя своими собственными глазами, каждую деталь усердно записывал».[72] Однако при этом авторство хроники отдавалось Миколаю Тромбе.[73]

Далее, выразив сожаление о том, что таковая не найдена и неизвестно, отыщется ли когда-либо вообще, Стефан Мария Кучиньски писал, что сокращённый вариант всё-таки более достоверен, чем сообщения Яна Длугоша вследствие его тенденциозности. Однако тут же указывает, что данное обстоятельство ни в коей мере не умаляет значения «Истории Польши…» для реконструкции событий, поскольку ошибки, которые допустил Длугош в своей работе «являются мелкими в сравнении с ошибками остальных летописцев».[74]

На практике в своих работах историк в подавляющем большинстве случаев предпочитает следовать сведениям Яна Длугоша, объявляя свидетельства «Хроники конфликта…» то менее достоверными, то «абсолютно ложными». При этом подобный выбор аргументируется тем, что Ян Длугош располагал обширным вариантом хроники, гораздо более подробным.

Следует заметить, что данный аргумент не выдерживает элементарной критики, так как даже если допустить, что обширный вариант рукописи существовал, что является не более чем гипотезой, то, естественно, автор,

---

[69] Kuczyński, S. Wielka Wojna z Zakonem Krzyżackim w latach 1409 – 1411 / S. Kuczyński. – Wyd. 1. – Warszawa: Min. Obrony Nar., 1955. – 551 s.
[70] Łowmiański, H. Recenzyia I wydania „Wielkoj Wojny” S. M. Kuczyńskiego / H. Łowmiański // Kwartalnik Historyczny. – 1955. – № 4. – S. 228–229.
[71] Kuczyński, S. Wielka Wojna z Zakonem Krzyżackim w latach 1409– 1411 / S. Kuczyński. – Wyd. 6. – Warszawa: Min. Obrony Nar., 1989. – S. 38.
[72] Kuczyński, S. Wielka Wojna z Zakonem Krzyżackim w latach 1409– 1411 / S. Kuczyński. – Wyd. 6. – Warszawa: Min. Obrony Nar., 1989. – S. 38.
[73] Kuczyński, S. Wielka Wojna z Zakonem Krzyżackim w latach 1409– 1411 / S. Kuczyński. – Wyd. 6. – Warszawa: Min. Obrony Nar., 1989. – S. 47.
[74] Kuczyński, S. Wielka Wojna z Zakonem Krzyżackim w latach 1409– 1411 / S. Kuczyński. – Wyd. 6. – Warszawa: Min. Obrony Nar., 1989. – S. 47.

сделавший сокращение, располагал им *по определению*, что вполне очевидно. А вот Ян Длугош мог и не располагать. В любом случае, отдавая предпочтение тому или иному источнику, Стефан Мария Кучиньски руководствуется своими субъективными соображениями, то есть *выступает как тенденциозный историк*. Сначала он создаёт свою концепцию реконструируемых событий, а впоследствии пытается подтвердить её сообщениями источников, жонглируя ими, как цирковой артист.

Создаётся впечатление, что Стефан Мария Кучиньски, немного сделав для проведения научного анализа источников, проделал значительную работу для оправдания своей методики исследования.

В 1980 году Анджей Надольски в статье «Размышления о Грюнвальде» выдвинул предположение, что автором «Хроники конфликта» является не Миколай Тромба, а Збигнев Олесьницки, практически являвшийся первым лицом в Польском королевстве во времена правления Казимира Ягеллона.

В 1982 году немецкий историк шведского происхождения Свен Экдаль опубликовал первый (и до настоящего момента единственный) том монографии, посвящённой сражению при Грюнвальде. Этот первый том был полностью посвящён источникам, среди которых историк отвёл девять страниц «Хронике конфликта…».[75]

Свен Экдаль подверг критике статью Антони Прохаски, заявив, что его выводы «не соответствуют современным научным требованиям», и если он хотел обосновать существование более длинного варианта хроники, то должен был бы привести более весомые аргументы в пользу его существования.[76]

Поддержав мнение Зигмунда Целиховского и Стефана Марии Кучиньского, согласно которому автором хроники являлся Миколай Тромба, Свен Экдаль также склонился к мысли о том, что её происхождение следует отнести к концу 1410 или началу 1411 года. При этом он выдвигает предположение, что хроника являлась польским «пропагандистским письмом».[77]

Данное письмо не было рассчитано на горожан Пруссии или подданных Тевтонского ордена, но было адресовано некой третьей стороне, являющейся в то же время и объектом орденской пропаганды, то есть должно было оказывать информационное и пропагандистское воздействие на образованного иностранного читателя. При этом письмо было построено так, чтобы основной акцент ставился на то, что закон и Бог стояли на стороне Польши, а Орден, напротив, являлся нарушителем мира и действовал в нарушение норм права и справедливости.[78]

---

[75] Ekdahl, S. Die Schlacht bei Tannenberg 1410. Quellenkritische Untersuchungen. Einführung und Quellenlage. / S. Ekdahl. – Berlin: Duncker & Humblot, 1982. – Bd. I. – S. 140–149.

[76] Ekdahl, S. Die Schlacht bei Tannenberg 1410. Quellenkritische Untersuchungen. Einführung und Quellenlage. / S. Ekdahl. – Berlin: Duncker & Humblot, 1982. – Bd. I. – S. 146.

[77] Ekdahl, S. Die Schlacht bei Tannenberg 1410. Quellenkritische Untersuchungen. Einführung und Quellenlage. / S. Ekdahl. – Berlin: Duncker & Humblot, 1982. – Bd. I. – S. 146–147.

[78] Ekdahl, S. Die Schlacht bei Tannenberg 1410. Quellenkritische Untersuchungen. Einführung und Quellenlage. / S. Ekdahl. – Berlin: Duncker & Humblot, 1982. – Bd. I. – S. 147–148.

В заключение Свен Экдаль делает довольно неопределённый вывод о том, что, хотя хроника является, с одной стороны, самым важным источником для исследования Грюнвальдской битвы, с другой стороны, одновременно она определённым образом «сковывает» исследователя в его изысканиях.[79]

Организовать полемику со Свеном Экдалем попытался Анджей Надольски в увидевшей свет в 1990 году монографии «Грюнвальд: избранные проблемы».[80] В упрёк ему польским коллегой были поставлены «исключительно негативная» трактовка работы Яна Длугоша, которая наряду с «Хроникой конфликта» является «базовым источником» для исследования Грюнвальда; а также то, что он «иногда слишком далеко заходит в своих интерпретациях», например, объявляя «Хронику конфликта…» слишком тенденциозной.[81]

Данный выпад был проигнорирован Свеном Экдалем, который к тому же так и не закончил до настоящего времени свою монографию о Грюнвальде.

Впоследствии Анджей Надольски фактически занимает общепринятые в польской исторической науке позиции в отношении «Хроники конфликта…». В своей книге «Грюнвальд 1410» он пишет: «Среди источников, возникших в польском окружении, необходимо, в первую очередь, отметить «Хронику конфликта…» (Cronica conflictus Wladislai Regis Poloniae cum Cruciferis). Эта короткая, содержательная и очень правдоподобная реляция возникла в королевской канцелярии, несомненно, по инициативе Миколая Тромбы в короткое время после битвы. Написал её, вероятно, Збигнев Олесьницки, в то время секретарь, а впоследствии кардинал и епископ краковский. Она представляет официальную точку зрения польского двора, незаметно приспособленную к актуальным политическим требованиям. Сохранилась она, к сожалению, в неполной версии, служащей основой для чтения проповеди на годовщину битвы, которая в польских церквях праздновалась как торжественный государственный и религиозный праздник».[82]

Для сравнения приведём цитату из монографии одного из ведущих польских специалистов по истории Тевтонского ордена Мариана Бискупа. В книге «Грюнвальдская битва. Генезис – ход – значение – традиции» читаем следующее: «Во главе польских источников выступает так называемая «Хроника конфликта» (Cronica conflictus), которая возникла сразу после битвы либо в конце 1410 года в польской королевской канцелярии, при этом её автором, вероятно, являлся секретарь Збигнев Олесьницки (хотя часть исследователей принимает авторство вице-канцлера Миколая Тромбы). К сожалению, более обширная версия (так называемая «обширная хроника конфликта») не сохранилась, а сохранилось только её сокращение, выполненное в первой половине XV века неизвестным польским духовным лицом, которое должно было быть использовано при подготовке к проповеди

[79] Ekdahl, S. Die Schlacht bei Tannenberg 1410. Quellenkritische Untersuchungen. Einführung und Quellenlage. / S. Ekdahl. – Berlin: Duncker & Humblot, 1982. – Bd. I. – S. 149.
[80] Nadolski, A. Grunwald: problemy wybrane / A. Nadolski. – Olsztyn: OBN, 1990. – 242 s.
[81] Nadolski, A. Grunwald: problemy wybrane / A. Nadolski. – Olsztyn: OBN, 1990. – S. 21–22.
[82] Nadolski, A. Grunwald 1410 / A. Nadolski. – Wyd. 2. – Warszawa: Bellona, 1996. – S. 8.

по случаю годовщины Грюнвальдской победы. Однако даже сокращённая версия «Хроники конфликта…» является очень ценной…». [83]

Как мы видим, обе цитаты практически идентичны по содержанию и отражают господствующую и, похоже, единственную на настоящий момент в польской историографии точку зрения в отношении «Хроники конфликта…». Более чем сто лет исследование «Хроники конфликта…» как исторического источника носило довольно формальный характер. Никто из польских, равно как и немецких исследователей, не осуществил исчерпывающий анализ данного источника, который, тем не менее, большинство из них определяют в качестве базового для исследования Грюнвальдских событий.

При этом польские историки выдвинули и поддерживают гипотезу о существовании «обширного» прототипа хроники, что связано, по-видимому, с нежеланием признать её полное превосходство над сообщениями Яна Длугоша. И это неудивительно, так как в противном случае концепция Грюнвальда, созданная в польской историографии, в значительной мере потеряла бы свою убедительность, в то время как признание того обстоятельства, что имеющаяся в наличии «Хроника конфликта…» – всего лишь сокращение, позволяет польским историкам достаточно вольно распоряжаться источниками, «лавируя между выгодными для себя сообщениями анонимной хроники и реляциями Яна Длугоша».

В современной «западной» исторической науке (за исключением немецкой) представление об источниковом корпусе для исследования сражения при Грюнвальде вообще носит поверхностный характер. Так, Стивен Тернбулл в опубликованной в 2003 году в Великобритании книге «Танненберг 1410. Катастрофа тевтонского рыцарства» написал только, что существует три основных источника для реконструкции событий Грюнвальдской битвы. Первой среди них указана «Cronica Conflictus» анонимного летописца, опубликованная в «Scriptores rerum Prussicarum» (Лейпциг, 1866). Далее Стивен Тернбулл замечает, что Ян Длугош пользовался при создании своего основного труда, между прочим, и «Хроникой конфликта…».[84]

Первая попытка произвести более основательный анализ хроники была произведена автором в статье «Письма Ягайлы и анонимная «Хроника конфликта» как источники для исследования Грюнвальдской битвы», опубликованной в 2007 году в журнале «Гістарычны альманах».[85] Эта статья стала началом воплощения авторского замысла провести подробный анализ хроники, реализация которого осуществлена в рамках представленной монографии.

[83] Biskup, M. Grunwaldzka bitwa. Geneza - przebieg - znaczenie – tradycje / M. Biskup. – Wyd. 1. – Warszawa: Interpress, 1991. – S. 69–70.
[84] Turnbull, S. Tannenberg 1410. Disaster for the Teutonic Knights / S. Turnbull. – Oxford: Osprey, 2003. – S. 94.
[85] Гагуа, Р.Б. Лісты Ягайлы і ананімная «Хроніка канфлікту» як крыніцы па даследаванню Грунвальдскай бітвы / Р.Б. Гагуа // Гістарычны альманах. – 2007. – Т. 13. – С. 118–140.

ГЛАВА 2 «ВНЕШНИЙ» АНАЛИЗ «ХРОНИКИ КОНФЛИКТА…»

2.1 Описание манускрипта

Найденный Августом Беловским в 1857 году в библиотеке графов Дзялыньских манускрипт, получивший название «Хроника конфликта Владислава, короля Польши с крестоносцами в год Христов 1410» написан на бумаге, которая, вероятно, была изготовлена во второй четверти XVI столетия в мастерской по производству бумаги Боннеров в Балицах.[86] Об этом свидетельствует наличие на втором листе манускрипта частично видимого водяного знака в виде щита с гербом «Гоздава», который употребляли Боннеры в своём производстве.

Рисунок 1. Водяной знак "Гоздава" на бумаге XVI столетия французского производства

Рукопись имеет размеры 15,5 на 9,5 сантиметров и состоит из двадцати страниц (10 листов).[87] Девятнадцать страниц рукописи посвящены описанию военной кампании 1410 года, осуществлённой Польским королевством в союзе с Великим княжеством Литовским против Тевтонского ордена. На последней – двадцатой – странице манускрипта помещён план проповеди для верующих, которая, вероятно, была прочитана по случаю годовщины победы в Грюнвальдской битве 15 июля 1410 года союзного блока над крестоносцами:

Проповедь о конфликте п[оляков].	*Sermo de conflictu P[olonorum].*
Все воздают хвалу Господу небес и творцу добра, который с места своего пречистого взирает…	*Omnes benedixerunt dominum celi et benedictus, qui locum suum incontaminatum servavit...*
В проповеди этой три видимых	*In sermone isto tria sunt videnda:*

[86] Cronica conflictus Polonie Regis cum Cruciferis Anno 1410 // Biblioteka Kórnicka Polskiej Akademii Nauk. – Sygn. BK 01506. – S. 3–4.
[87] Cronica conflictus Polonie Regis cum Cruciferis Anno 1410 // Biblioteka Kórnicka Polskiej Akademii Nauk. – Sygn. BK 01506.

части:
1. Слово Святое.
2. Исторический обзор.
3. Подчинение полякам.
Как видим, сначала Слово Святое.

1. Proloquium sanctificum.
2. Scrutinium hystoricum.
3. Obsequium polonicum.
Quo ad [pr]im[um] videamus proloquium sanctificum.[88]

В правом верхнем углу первой страницы имеется надпись: ***«Брест»*** *(«Brzesczye»)*, которая, вероятно, указывает на место, в котором был сделан данный список.[89] Однако и здесь мы не можем точно локализовать место создания рукописи, так как не понятно о каком Бресте идёт речь – Бресте Куявском, который располагался на территории Польского королевства (сейчас город в Республике Польша), либо о Бресте Литовском, находившемся в Великом княжестве Литовском (в настоящее время областной центр в Беларуси).

Манускрипт написан мелким готическим шрифтом, характерным для первой половины XVI столетия, одним почерком. В рукописи имеются дописки на полях и между строк, сделанные более тёмными чернилами другим почерком, которые имеют более позднее происхождение и относятся ко второй половине XVI века либо к первой четверти XVII столетия.[90]

Заглавие манускрипта и инициалы написаны красными чернилами.

Текст хроники написан на латинском языке и представляет собой законченное повествование о военных событиях 1410 года, довольно большой по объёму, если учесть время её создания.[91] В центре хроники лежит рассказ о центральном событии Великой войны с Тевтонским орденом – сражении при Грюнвальде, который занимает 80% текста, в то время как остальные события описываются довольно поверхностно и неполно. По-видимому, её создатель ставил перед собой цель составить рассказ именно о битве, которая по своим масштабам сопоставима с величайшими сражениями средневековой Европы, а возможно и превосходит их.

Текст заканчивается словами, которые указывают на переписчика – некоего польского монаха:[92]

И это её конец. Написано будто бы заботами [и] посредством руки брата К. из Радо[м]а.

Et est huius finis. Scripsi quasi in spinis per manus fratris C. de Rado[mi]a.

[88] Cronica conflictus Polonie Regis cum Cruciferis Anno 1410 // Biblioteka Kórnicka Polskiej Akademii Nauk. – Sygn. BK 01506. – S. 20.
[89] Cronica conflictus Polonie Regis cum Cruciferis Anno 1410 // Biblioteka Kórnicka Polskiej Akademii Nauk. – Sygn. BK 01506. – S. 1.
[90] Cronica conflictus Polonie Regis cum Cruciferis Anno 1410 // Biblioteka Kórnicka Polskiej Akademii Nauk. – Sygn. BK 01506.
[91] Гагуа, Р.Б. Хроніка канфлікту Ўладіслава караля Польшчы з крыжакамі ў год хрыстоў 1410 / Р.Б. Гагуа // Беларускі археаграфічны штогоднік. – 2005. – № 6. – С. 62.
[92] Cronica conflictus Polonie Regis cum Cruciferis Anno 1410 // Biblioteka Kórnicka Polskiej Akademii Nauk. – Sygn. BK 01506. – S. 19.

Далее другой рукой сделана приписка: ***«Хроника заканчивается»*** *(«Explicit Cronica»).*[93]

Манускрипт переплетён в кожаный переплёт во второй половине XIX столетия. На переплёте имеется декоративная рамка, а также красным цветом напечатано заглавие «Cronica conflictus Polonie Regis cum Cruciferis Anno 1410».

В каталоге рукописей Курницкой библиотеки манускрипт имеет обозначение «BK 01506». Кроме указанного списка в библиотеке хранятся две копии, выполненные в XIX веке, вероятно, по просьбе Августа Беловского (обозначения в каталоге «Mf 1894» и «Mf 682»).

[93] Cronica conflictus Polonie Regis cum Cruciferis Anno 1410 // Biblioteka Kórnicka Polskiej Akademii Nauk. – Sygn. BK 01506. – S. 19.

2.2 Время и место создания хроники. Вопрос о существовании «обширного» варианта рукописи

Надпись ***«Написано будто бы заботами [и] посредством руки брата К. из Радо[м]а»*** довольно неопределённа. Слово *«quasi»*, которое можно перевести *«будто бы»* или *«как бы»*, создаёт впечатление неуверенности и указывает на то, что мы имеем дело со списком хроники, а не с её оригиналом. Вместе с этим перед нами встаёт вопрос: где и когда данная хроника возникла?

Версия о появлении «Хроники конфликта…» после 1416 или 1417 года представляется необоснованной. Так, приводя для сравнения отрывок из обвинительного представления, выдвинутого польской стороной против Тевтонского ордена 13 февраля 1416 года на Констанцком соборе (1414 – 1418),[94] замечаем, что он по форме совершенно не согласуется с «Хроникой конфликта…»:

…и поэтому, собрав народы вооружённые и армии наши, равно как магистр Ульрих и братья Дома немецкого в Пруссии с величайшими армиями сами против нас собрались, спешно выступили туда, и, тогда, наконец, войска их и наши сблизились так, что сами могли увидеть глазами, где располагаемся мы с нашими армиями, остановившись и с большим терпением достаточно прождав мира, на который надеялись, но который они посчитали недостойным уважения и оскорбительным, выступил (король) за многочисленные преступления против тех, кто проливает кровь человеческую. Они же, нетерпеливые и объятые чрезмерной гордыней, и всегда жаждущие пролития крови

...et ob hoc congregatis gentibus armorum et exercitibus nostris, eisdem magistro Ulrico et fratribus domus Theutonicorum de Pruszia cum maximis exercitibus per ipsos contra nos congregates, processimus in oecursum, et tandem dum exercitus ipsorum et nostri tam prope convenerant, quod se videre intuitu oculato ibi nos stetimus cum nostris exercitibus, fixi, et satis pacientes expectantes aliquam spem concordie, que in talibus casibus frequenter provenit ab his, qui effusionem sanguinis humani, non diligunt sed abhorrent. Ipsi autem impacientes et elati in tumorem superbie et semper avidi madefieri sanguine Christiano, quid fecerunt, precamur studiose attendatis. Nobis

[94] Констанцкий собор (1414–1418) - 16-й Вселенский собор (согласно принятому в Римско-католической церкви счету), второй из трех великих соборов, созванных с целью положить конец великой западной схизме, расколовшей Западную церковь в 1378. Констанцский собор, наиболее плодотворный из трех, начался 5 ноября 1414 в небольшом городке Констанце в Германии. При поддержке императора Священной Римской империи Германской нации Сигизмунда фон Люксембурга собор низложил и заключил в тюрьму «пизанского» папу Иоанна XXIII (по инициативе которого собор и был созван), а затем подверг анафеме последнего значительного «авиньонского» папу, испанца Бенедикта XIII. Новый папа, Мартин V, был избран собором в ноябре 1417 и вскоре был признан во всей Западной Европе. Собор осудил лействия тевтонского Ордена против Польского королевства и Великого княжества Литовского.

христианской, что и творят, лицемерно вознося усердные молитвы. Нам же с войсками нашими, изволившими остановиться и со слезами стоящими в надежде долгожданного мира дождаться, что с герольдами принесли? А вполне определённо посредством Рамриха, герольда князя господина Сигизмунда, короля римского, а также согласно желанию магистра Ордена и маршала, два меча нам были пожертвованы, которых было достаточно, чтобы убедить кого угодно – очевидно, нас с братом нашим, господином князем Витовтом – защищаться; и нам сражение было объявлено через этих герольдов посредством их слов: «Вот! Жертвуем вам два меча: для вас, король, один и для вас, князь Витовт, другой со стороны магистра и маршала и братьев Тевтонского ордена. Также выберите поле в любом месте, где только пожелаете. А так как имеете эти мечи себе в помощь для начала битвы – в бою с вами сойдёмся; и не медлите, временем пренебрегая. Почему в лесу прячетесь? Почему вы скрываетесь? Почему войны избегаете? Почему войны сторонитесь, которой всё равно избежать не сможете?» Такие и подобные слова не к миру, но к войне и кровопролитию наши души понуждали; сверх того же, не без великой доброты им ответили, сказав: «Помощь любую всегда принимаем – только бы от Бога она исходила – в чьё имя эти два меча и берём. И знайте, что нам не

etenim cum exercitibus nostris sie fixe et paefice stantibus spemque concordie prestolantes etpeticionibus, et ecce per quosdam heraldos et signanter per Ramrich heraldum Serenissimi principis domini Sigismundi Romanorum regis, magistri ordinisque et marsalci iussionibus, duo gladii nobis sunt presentati, quorum altero quilibet, videlicet nos cum fratre nostro domino duce Witoldo se defenderet; et nobis prelium indictum est per eosdem heroldos sub hiis verbis: «Ecce offerimus vobis duos gladios: pro vobis, rex, unum et pro vobis, dux Witolde, alterum ex parte magistri et marschalei et fra-trum ordinis Theutonicorum, ut eligatis campum in quacumque parte volueritis. Habeatis ergo vobis istos gladios in subsidium ad princepium congressionis in prelio vobiscum faciendo; et non tardetis nec tempus negligatis. Cur in silvis latitatis? Cur vos absconditis? Quare bellum subterfugitis, quod utique evitare non potestis»? Hiis et consimilibus verbis non ad pacem sed ad prelium et effusionem sangvinis nostros animos irritantes; adh[a]ec autem non sine magna mansuetudine ipsis respondimus inquientes: «Auxilium aliquod nunquam ab alio nisi a Deo quesivimus, et istud nobis nunc assumimus, in cuius nomine et hos duos gladios recepimus; hoc attendentes, quod nobis non licet campum eligere nisi in qua parte

позволено поле выбирать иначе, чем с Его (Бога) для нашей стороны решения, которое принять желаем, как дар и судьбу».

И, закончив ответ этими словами, с большим пылом бросившись в атаку, мы с ними в сражении сошлись без всякого промедления, пока упомянутый магистр и братья с войсками не нашей либо человеческой, но Божественной силой могущества был лишён…

nobis campum dedit, hunc acceptare volumus pro donato et electo».

Et hiis verbis prolatis et finitis, cum ipsi nos cum maximo impetu invadere cepissent, prelium sine omni intermissione est commissum, ubi predicti magister et fratres cum eorum exercitibus non nostra aut humana sed divina pocius potencia ac iusticia corruerunt…[95]

Сразу же бросается в глаза его ярко выраженный пропагандистский характер. В этом случае сведения о сражении вообще отходят на второй план, поскольку в дипломатической борьбе тактический ход битвы не был никому интересен. Всё внимание акцентируется на эпизоде с двумя мечами, в то время как обо всех остальных событиях упоминается мельком, в нескольких словах. Письма, представленные в Констанце польской стороной, были созданы в соответствии с уже сложившейся традицией польской антиорденской пропаганды. В отличие от Свена Экдаля, который в данном событии не увидел ничего необычного либо предосудительного для эпохи Средних веков, связывая его с рыцарскими традициями вызова на бой,[96] средневековые авторы усматривали в таком акте, как минимум, исключительное высокомерие. Случай с вручением королю и Витовту мечей, как аргумент доказательства гордыни (*superbia*) и воинственности должностных лиц и братьев Тевтонского ордена, выносится в центр нарратива польской пропагандой уже в 1410 году. В письме от 11 ноября 1410 года, адресованном представителю императора Вацлава Люксембурга в папской курии Генриху фон Розенбергу, находим следующее:

…мы же, видя, какие нам и королевству нашему от самих крестоносцев опустошения исходят, с людьми нашими вооружёнными в поле против них сразились и таким способом равным образом отплатили. Но не так наша польза усилилась, как ранее уже о конфликте говорили мы, хотя имеем мы достаточно

...nos autem videntes nobis et regno nostro ab ipsis Cruciferis finale excidium imminere, cum gentibus nostrisarmatorumcampum contra ipsos ascendimus, ut saltim per hoc ad faciendam nobis [a]equalitatem faciliores redderentur. Sed nec hoc nobis potuit proficere, ymmo dum iam ad conflictum perreximus,

[95] Ekdahl, S. Die Schlacht bei Tannenberg 1410. Quellenkritische Untersuchungen. Einführung und Quellenlage. / S. Ekdahl. – Berlin: Duncker & Humblot, 1982. – Bd. I. – S. 214–215.
[96] Ekdahl, S. Die Schlacht bei Tannenberg 1410. Quellenkritische Untersuchungen. Einführung und Quellenlage. / S. Ekdahl. – Berlin: Duncker & Humblot, 1982. – Bd. I. – S. 156–159.

народу для нашей обороны. Более того, охотно желаем не допускать огня сражений, и добротой гасим конфликты, омерзительные обилием проливаемой христианской крови, равно как и армию нашу в боевые порядки строим и делаем остановку. На месте битвы мы шаг свой останавливаем и таким образом даже в определённой степени свою ярость в это время обуздываем добротой; сами же, народу не желая благоденствия, охотнейше провоцируют нас и наших рыцарей, понуждая вступить в сражение. Воистину! Тогда два меча обнажённых нам отправили со словами: «Не медли, поспеши скорее в битву! Вот тебе два меча присылаем в помощь, чтобы таким образом свою жизнь от нас защитил»; которые в кротости души мы приняли и с самими на борьбу с несправедливостью, не без сильного плача и пролития слёз, из-за того, что скоро, возможно, нас ждут большие потери, в битву вступили, уповая на Божью помощь, которой нельзя было избежать, хотя мы всегда с христианами живём [в мире].

quamvis habuimus sufficientes gentes pro nostra defensione. Adhuc libenter voluimus parcere ignibus preliorum et manum reflectere a conflictu, profusionem sanguinis Christiani abhorrentes, et proinde exercitibus nostris ordinatis ad standum et pausandum. In loco prelii gressus nostros defecimus, ut saltim ipsorum furia potuisset aliqualiter interim mitigari; ipsi autem populo nolentes indulgere dispendio, avidissime aspirare inceperunt ad certamen, nos et nostros multis motivis provocantes. Tunc enim duos gladios vibratos nobis direxerunt inquientes: «Tolle moram, accelera velocius ad conflictum! Ecce tibi duos gladios dirigimus in succursum, ut se nobis tutius valeas defensare»; quos in mansuetudine animi suscep[t]imus et cum ipsis ad reprimendastam graves iniurias, non sine nimio fletu et emissione lacrymarum, que nobis magne stragis occasionem imminebant, ad prelium, Dei invocato auxilio, processimus, ex quo tam a preliis non potuimus supportari, que semper cum christianis vitavimus [in pacem].[97]

При этом опять мы не находим никаких подробностей относительно самого сражения.

Представляется весьма сомнительным, что автор хроники использовал для её создания польские пропагандистские письма и в частности материалы Констанцского собора. Более того, вполне очевидно, что в них не содержится практически никаких сведений относительно хода сражения.

Заметим, что в «Хронике конфликта…», в свою очередь, опущена такая деталь, как имя одного из герольдов – Рамриха, указание на которого содержится в константском обвинительном письме поляков против Ордена.

[97] Ekdahl, S. Die Schlacht bei Tannenberg 1410. Quellenkritische Untersuchungen. Einführung und Quellenlage. / S. Ekdahl. – Berlin: Duncker & Humblot, 1982. – Bd. I. – S. 210–214.

Наконец, в хронике просто не акцентируется внимание на оскорбительности в отношении польско-литовской стороны действий великого магистра и верховного маршала Ордена, приславших обнажённые мечи Ягайле и Витовту.

Вывод напрашивается вполне однозначный – создание «Хроники конфликта…» *не носило ярко выраженного пропагандистского характера* и преследовало цель, в первую очередь, описать само сражение при Грюнвальде, которое поразило её автора, бывшего, по всей видимости, свидетелем воспроизводимых событий.

Обращаясь к тексту хроники, мы обнаруживаем, что, *во-первых*, *её автор был хорошо осведомлён о ходе антиорденской военной кампании*, и, *во-вторых*, *хроника заканчивается событиями осени 1410 года*, о которых упоминается очень кратко, практически мельком. Действительно, описание событий, произошедших во время похода после победы под Грюнвальдом, занимают менее одной рукописной страницы, а осада столицы Тевтонского ордена отражена в одном предложении:

Потом, в день Святого Иакова король взял в осаду замок Мальборк и держал его в осаде до самого праздника Апостола Матфея, после чего все земли Пруссии и Поморья, за исключением некоторых замков Пруссии, а именно Мальборка, согласно праву присягнули на вечную верность королю, но потом присягу – как светские господа, так и обыватели, и все жители всех земель Пруссии и Поморья, не заботясь о своей чести и забыв о собственном спасении, – позорно, без каких-либо причин, нарушили и ей пренебрегли, отступив без повода от послушания своему королю и своей Польской Короне.

Igitur ipso die sancti Jacobi apostoli circumvallavit rex castrum Mariemburk. Et ab illo die usque ad festum Mathaei apostoli ipsum expugnavit, infra quod tempus tota terra Prussiae et Pomoraniae exceptis tantum castris in Prussia, videlicet Mariemburk, regi fidelitatem perpetuam juramento promiserunt observare firmiter, quam postea frangentes tam spirituales quam saeculares nobiles, cives et omnes totius terrae Prussiae et Pomoraniae honorum ipsorum prodigi et salutis propriae immemores turpiter et sine aliqua causa violaverunt et fregerunt, ab ipsius regis et coronae suae Poloniae obedientia se sine causa subtrahentes.[98]

Как видим, в хронике нет никаких упоминаний о заключении первого Торуньского мирного договора, которым закончилась Великая война 1410 –

[98] Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruceferis anno Christi 1410. // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 439.

1411 годов, что заметил ещё Александр Барбашев.[99] Учитывая отличную осведомлённость хрониста о происходящих в то время событиях, можно присоединиться к мнению российского историка, согласно которому хроника была написана ещё до подписания мирного соглашения между Польской короной и Великим княжеством Литовским с одной стороны и Тевтонским орденом с другой, то есть до 1 февраля 1411 года.

Действительно, создаётся впечатление, что хронист ещё не знает об окончании конфликта, хотя уже и указывает на снятие осады Ягайлой замка Мальборк, резиденции великого магистра, которое произошло 21 сентября 1410 года, и на переход захваченных в войне территорий Ордена под власть Генриха фон Плауэна (октябрь – ноябрь 1410 года).[100]

Следовательно, время создания хроники приходится на период ***с ноября 1410 по январь 1411 года.***

Второй вопрос – об авторстве хроники – представляется ещё более сложным, чем вопрос о её датировке. Характер текста позволяет сделать лишь несколько общих выводов по данной проблеме.

Можно вполне определённо утверждать, вследствие ярко выраженной пропольской окраски изложения событий, что автор «Хроники конфликта…» являлся поляком по национальности. Действительно, если польская сторона находится в центре повествования, то их союзник – Великое княжество Литовское – находится «в тени» нарратива.

Хорошая осведомлённость и отличная ориентация в ходе Грюнвальдской битвы указывает на то, что хронист являлся непосредственным её свидетелем и находился, по-видимому, в непосредственном окружении Ягайлы, о чём свидетельствует ряд деталей, связанных с действиями польского короля во время сражения. Например, автор хроники знает, что

Король же, согласно советам своих баронов, не позволил преследовать так быстро бегущего врага, не желая, чтобы люди рассеялись (нарушив боевые порядки), но в тот же миг, сняв в чрезмерном запале свой шлем, со всеми своими людьми подошёл к лагерю крестоносцев.

Rex igitur ex consilio baronum suorum inimicos ita cito fugientes persequi non permisit, nec populum a se voluit dispergere, sed statim deposita de se galea sua propter calorem solis nimium cum omni gente sua ad stationes cruciferorum venit.[101]

или что

король прибыл к месту, где

rex procedens ad locum quendam

[99] Барбашев, А. Танненбергская битва / А. Барабашев // Журн. М-ва нар. просвещ. – 1887. – Т. 154, № 12. – С. 151–194.

[100] Daniłowicz I. Skarbiec dyplomatów papiezkich, cesarskich, krolewskich,książęcych; uchwał narodowych, postanowień różnych władz i urzędów, posługujączch do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiej i ościennzch im krajów / wyd. J.Sidorowicz. – Wilno: w drukarni A. H. Kirkora i sp., 1860. – S. 373.

[101] Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruceferis anno Christi 1410. // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 438

приказал разбить лагерь, и, спешившись, <u>приказал наломать веток с дерева и разостлать на земле, на которых после трудов лёг и там же отдохнул.</u>

veniens, ibi castra metari fecit <u>et ab equo descendens de arbore ramos frangi mandavit et humo prosterni, in quibus post fatigam se deposuit et ibidem pausavit.</u>[102]

Однако в других случаях выражается весьма неопределённо:

<u>Один его дворянин</u>, который в тот день был назначен на охрану войск, разговаривал в это время с королём, говоря и утверждая, что видел врага.

<u>Quidam familiaris suus</u>, qui in excubiis exercitus constitutus fuerat illo die, regem alloquitur dicens et asserens pro certo, se hostes vidisse.[103]

Таким образом, хронист в своём повествовании *не пользуется дополнительными источниками, основываясь, в первую очередь, на собственных впечатлениях, которые были во время его создания ещё достаточно свежи*. Данное замечание также подтверждает датировку хроники концом 1410 – началом 1411 годов.

Лицо из окружения короля, следовавшее вместе с ним в перемещениях по полю боя, несомненно, занимало достаточно высокое положение в Польском королевстве. Следовательно, автор хроники должен был быть либо рыцарем или знатным молодым дворянином, либо высокопоставленным духовным лицом, однако религиозная окраска текста показывает, что автор имел сан священнослужителя.

В начале XV столетия канцелярской работой в Польше занимались, как правило, духовные лица, равно как и летописанием, что закрепляет авторство «Хроники конфликта…» за представителем польского клира.

Среди участников сражения при Грюнвальде указанным требованиям отвечали два человека: Збигнев Олесьницки и Миколай Тромба.

Збигнев Олесьницки происходил из знатной польской семьи. Он родился в Сенно 5 декабря 1389 года. В двадцатилетнем возрасте Збигнев поступил на государственную службу к королю Ягайле и участвовал в военной кампании 1410 года Польского королевства и Великого княжества Литовского против Тевтонского ордена. Во время Грюнвальдской битвы юный Збигнев Олесьницки принял участие в убийстве напавшего во время боя на польского короля вражеского рыцаря. Данный факт нашёл отражение в документе Папы римского Мартина V[104] от 1423 года, подтверждающем назначение Збигнева Олесьницкого на должность епископа.[105]

---

[102] Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruceferis anno Christi 1410. // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 438.

[103] Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruceferis anno Christi 1410. // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 436.

[104] Мартин V (в миру Оддоне Коллоне) – верховный понтифик в 1417 – 1431 годах. Был избран во время Констанцского собора вместо ушедшего в 1415 году в отставку Папы римского Григория XII, низложенного

Возвышение Збигнева началось после Грюнвальдской битвы, когда он вошёл в тайный королевский совет. В1412 году Олесьницки был посвящён в сан священника, 9 июля 1423 года стал краковским епископом, а 18 декабря 1439 года Папой римским Евгением IV[106] был возведён в достоинство кардинала.

После смерти в 1434 году польского короля Владислава II (Ягайлы) Збигнев Олесьницки стал регентом при малолетнем короле Владиславе III, а после его гибели в 1444 году в битве с турками под Варной,[107] фактически управлял Польским королевством до избрания королём Казимира Ягеллона в 1447 году.

Умер Збигнев Олесьницки в Сандомире 1 апреля 1455 года в возрасте 66 лет.

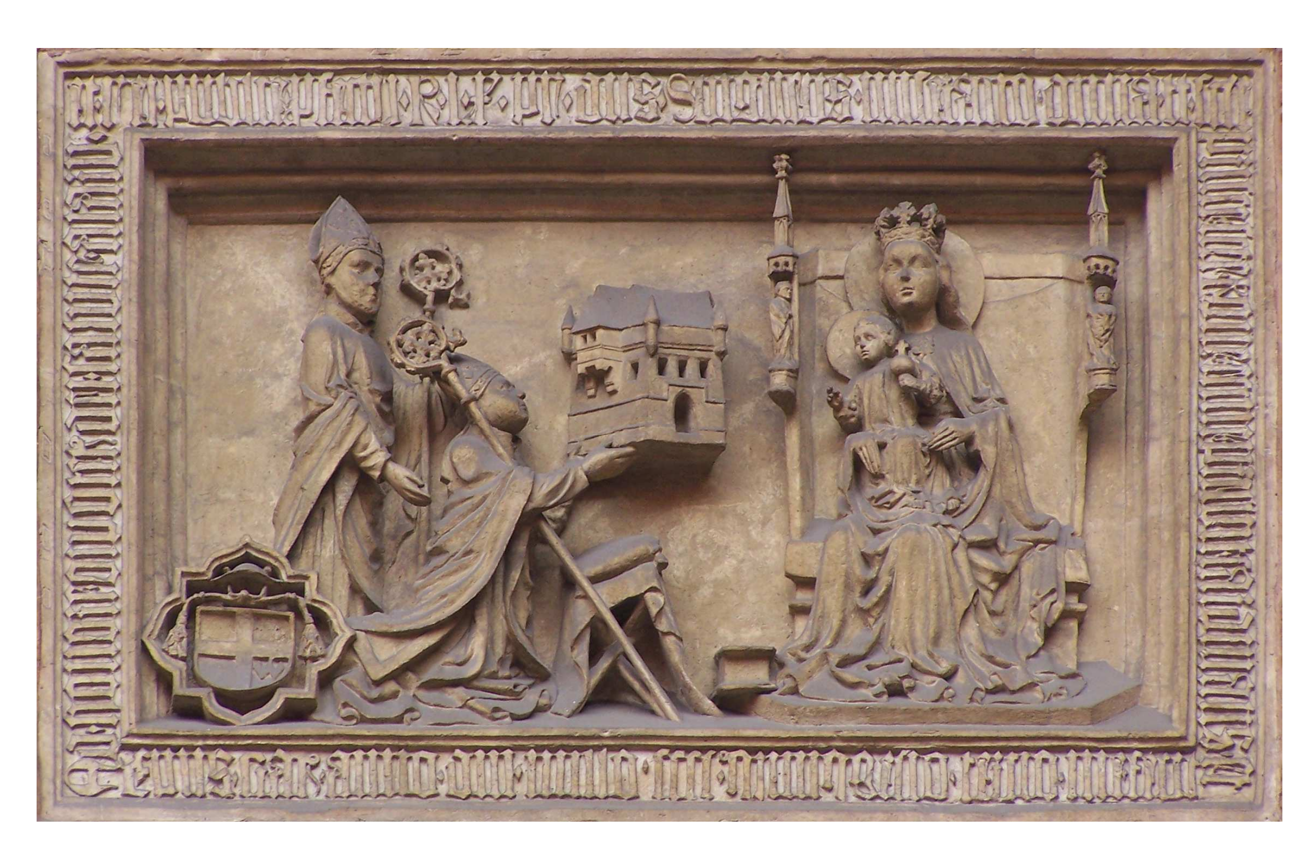

Рисунок 2. Барельеф с изображением Збигнева Олесьницкого. Краков. Польша.

Ряд исследователей (прежде всего Анджей Надольски) именно Збигнева Олесьницкого считали автором «Хроники конфликта…». На взгляд автора с данным мнением трудно согласится. Против такой версии свидетельствуют следующие аргументы:

– знакомство с текстом хроники показывает, что его написал зрелый и уравновешенный человек, избегающий открытых проявлений экспрессии, в то

«пизанского Папы» Иоанна XXIII, а также преданного анафеме «авиньонского Папы» Бенедикта XIII и признан во всей Западной Европе.

[105] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С.106.

[106] Евгений IV – Папа римский в 1431 – 1447 годах, в миру – Габриеле Кондульмер.

[107] Битва под Варной состоялась 10 ноября 1444 года. В ней турецкие войска султана Мурада II разбили объеденённые армии Польши и Венгрии, под командованием Владислава III, и Яноша Хуньяди.

время, когда Збигневу Олесьницкому на момент её создания исполнилось не более 21 года, и находился он в возрасте, в котором большинство людей ещё достаточно плохо контролируют свои эмоции;

– в «Хронике конфликта…» помещена реляция следующего содержания:

Тогда один хорошо вооружённый рыцарь из Тевтонского ордена, хотевший (который хотел)? в поединке обратить коня своего против короля, подъехал ближе к нему. Король же, схватив в руку своё копьё, смертельно ранил его в лицо, в то же время он, другими с коня сброшенный, упал на землю мёртвым.	*Itaque unus miles decenter armatus de ordine cruciferorum sine acie equum suum dirigere volens contra regem propius ipsum acceserat. Rex autem, accepta manu hasta sua, ipsum letaliter in faciem vulneravit, et statim per alios equo projectus in terram cecidit interfectus.*[108]

Другой польский летописец и государственный деятель, Ян Длугош, долгое время бывший секретарём Збигнева Олесьницкого, этот же эпизод в своей «Истории Польши» описал по-другому. Согласно свидетельству Яна Длугоша «Збигнев Олесьницки … без доспехов и безоружный, предупредив удар, грозивший королю, обломком копья поразил рыцаря в бок, сбросив его с коня на землю».[109] Ян Длугош в создании своего труда пользовался многими источниками, равно как и устными рассказами очевидцев, *в том числе и Збигнева Олесьницкого*. Заметим, этот случай приобрёл широкую огласку в Западной Европе, раз потребовалось официальное отпущение данного греха со стороны Папы римского при подтверждении назначения Збигнева Олесьницкого главой Краковской епархии. Однако в «Хронике конфликта…» его участие вообще не упоминается. Автор хроники *описывает случай так, как если бы он наблюдал его со стороны*;

– стиль написания «Хроники конфликта…» отличен от стиля эпистолярного наследия Збигнева Олесьницкого;

– Збигнев Олесьницки на момент возникновения хроники ещё *не являлся духовным лицом*.

Миколай Тромба, по мнению автора, гораздо больше подходит на роль создателя хроники. Он родился около 1358 года в Сандомире и занимал должность королевского нотария (секретаря) в канцелярии Ягайлы с 1390 года. С 1403 по 1412 год являлся вице-канцлером Польского королевства. С 1410 по 1412 год был Галицким архиепископом, а в 1412 произошло его назначение на должность архиепископа в Гнезно.

Во время Констанцкого собора Миколай Тромба возглавлял польскую делегацию. На соборе его кандидатура была выдвинута на пост Верховного

---

[108] Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruceferis anno Christi 1410. // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 438.
[109] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 106.

понтифика, однако папой римским был избран итальянец Одоне Коллоне и Миколай Тромба стал первым примасом Польши (Primas Regni). Умер 2 декабря 1422 года в Венгрии. Похоронен в Гнезно.

Рисунок 3. Изображение Миколая Тромбы из рукописной книги XVI века

Миколай Тромба являлся любимым советником, другом и *духовником Ягайлы*.

Принимая участие в антиорденской военной кампании 1410 года, Миколай Тромба возглавлял походную канцелярию Ягайлы.

После Грюнвальдской битвы армии Польского королевства и Великого княжества Литовского в течение трёх дней находились на поле битвы. В это время в королевской канцелярии был написан ряд писем: королеве Анне, гнезненскому архиепископу Миколаю Куровскому, нобилям, руководившим

обороной краковского замка, краковскому магистрату, в краковский университет, в магистрат города Торунь, а также Альберту Ястжембцу, епископу Познани.[110]

Письма Альберту Ястжембцу и Миколаю Куровскому очень похожи как по форме, так и по содержанию. Они одинаково датированы – 16 июля 1410 года *(«feria quarta in crastino Diuisionis apostolorum»)*, в них указано одно место написания: ***«дано возле Оструды на поле нашего сражения»*** *(«datum prope Hasterad in campo prelii nostri»)* и они содержат одинаковую приписку: ***«сообщение господина Миколая, вице-канцлера польского королевства»*** *(«ad relacionem domini Nicolai regni Polonie vicecancellarii»)*.[111]

Данная приписка свидетельствует о том, что эти письма были составлены Миколаем Тромбой.

Если сопоставить текст «Хроники конфликта…» с текстом писем, то можно обнаружить некоторое сходство. Например, в хронике читаем: ***«Rex et Vitolde! Magister et marsalcus hos gladios vobis mittunt in subsidium et ad pugnam vos invitant…»***, соответственно в письме Альберту Ястжемцу находим: ***«Vobis duos gladios dirigimus in vestrum subsidium, ut hodie nobiscum per conflictum campestrem duellare debeatis…»***. Далее в хронике: ***«Rex autem et Vitoldus gladios praedictos cum magna mansuetudine animi receperunt et haec magistro et marsalco per nuntios responderunt…»***, в письме: ***«Quibus taliter in manswetudine animi nostri respondimus…»***.[112]

Кроме некоторого сходства в форме, мы находим поразительное сходство в содержании между «Хроникой конфликта…» и письмами, составленными Миколаем Тромбой. Например, в хронике:

На этот холм привели к королю бесчисленных (дословно – бесконечных!) пленных, среди которых собственно князей Казимира Щетинского и Конрада, князя Силезии, а также множество рыцарей, баронов и так далее, и других людей из разных стран мира и разных народностей, которые пришли на помощь крестоносцам…

Ad illum autem montem adducti fuerunt ad regem infiniti captivi, inter quos duo praecipui duces, scilicet Kazimirus Sceciniensis et Conradus, Slesiae dux, multi etiam milites, barones etc., ex diversis mundi partibus diversarum nationum homines, qui cruciferis venerant in subsidium…[113]

---

[110] Гагуа, Р.Б. Лісты Ягайлы і ананімная «Хроніка канфлікту» як крыніцы па даследаванню Грунвальдскай бітвы / Р.Б. Гагуа // Гістарычны альманах. – 2007. – Т. 13. – С. 122–123.

[111] Гагуа, Р.Б. Лісты Ягайлы і ананімная «Хроніка канфлікту» як крыніцы па даследаванню Грунвальдскай бітвы / Р.Б. Гагуа // Гістарычны альманах. – 2007. – Т. 13. – С. 123.

[112] Гагуа, Р.Б. Лісты Ягайлы і ананімная «Хроніка канфлікту» як крыніцы па даследаванню Грунвальдскай бітвы / Р.Б. Гагуа // Гістарычны альманах. – 2007. – Т. 13. – С. 138.

[113] Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruceferis anno Christi 1410. // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 438.

В письме познаньскому епископу:

…и бесчисленных (дословно также – <u>бесконечных!) пленных</u> к нашим шатрам согнали, и имеющихся пленных, среди которых <u>князя Конрада младшего и князя Щетинского Казимира</u> и других врагов, столь многочисленных, что числа их не знаем, приняли и в плен отправили…

…et <u>captivos infinitos</u> ad nostra tentoria deduximus et habemus captivatos, inter quos ducem Conradum juniorem, ducem Stetynensem Casimerum et alios hospites valde multos, quorum numerum ignoramus, recepimus et in captivitatem duximus…[114]

Указанные сходства позволяют сделать вывод о том, что, по всей вероятности, *именно Миколай Тромба являлся автором «Хроники конфликта…»*.

В пользу данной версии так же свидетельствует ряд обстоятельств. *Во-первых*, Миколай Тромба на момент создания хроники находился в возрасте около пятидесяти двух лет, был зрелым уравновешенным человеком и отличным политиком, то есть автором, который мог избежать излишней экспрессивности при изложении материала. *Во-вторых*, Миколай Тромба являлся духовным лицом – занимал пост архиепископа в Галиче, что наложило отпечаток религиозности на текст хроники. *В-третьих*, Миколай Тромба являлся духовником короля, отсюда осведомлённость о содержании молитвы, произнесённой Ягайлой перед Грюнвальдской битвой:

Тебе, – сказал,– господь Бог, доверяю дух, свою душу и отдаю своих братьев по оружию. Сбереги меня, господь, вместе с ними. А у вас, милые братья по оружию, прошу и требую, чтобы помнили о моей душе.

Tibi, inquit, domine deus, spiritum meum commendo et commilitones meos committo. Serva me, domine, una cum ipsis. Et vos, o mei commilitones dilecti, ad memoriam animae meae commoneo et requiro.[115]

Наконец, дружеские отношения между Миколаем Тромбой и королём Польши объясняют то внимание, которое в «Хронике конфликта…» отведено королевской персоне. Действительно, главным героем этого произведения является ни кто иной, как Ягайло.

Несомненно, битва при Грюнвальде была наивысшим военным успехом Ягайлы, и создание произведения, описывающее и прославляющее короля, по-

[114] Гагуа, Р.Б. Лісты Ягайлы і ананімная «Хроніка канфлікту» як крыніцы па даследаванню Грунвальдскай бітвы / Р.Б. Гагуа // Гістарычны альманах. – 2007. – Т. 13. – С. 139.

[115] Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruceferis anno Christi 1410. // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 436.

видимому, являлось королевским заказом. И лучшую кандидатуру для его исполнения, чем Миколай Тромба трудно себе представить.

«Хроника конфликта…» является законченным произведением, достаточно большим по объёму для подобных произведений начала XV столетия. Из всех летописей, созданных в первой половине XV века, именно она содержит самое обширное и подробное описание сражения при Грюнвальде.

Версия о существовании так называемого «обширного варианта» хроники, ещё более подробного и объёмного, с которого путём сокращения был сделан Курницкий список, основана исключительно на домыслах историков, прежде всего Антони Прохаски и Зигмунда Целиховского. Каких- то весомых аргументов в поддержку такого предположения в историографии до настоящего момента не выдвинуто.

На сегодняшний день *не найдено ни одного* «полного» списка «Хроники конфликта…» и ни в одном из источников нет указаний, что таковой когда-либо существовал.

Аргументы Зигмунда Целиховского также не выглядят убедительными. Непонятно, зачем делать такое большое сокращение на латинском языке для проповеди, которая читалась уже в XV веке на национальных языках (в данном случае на польском), в отличие от всей остальной литургии, поскольку латынь, как правило, была неизвестна никому, кроме представителей клира.

Так, у Яна Длугоша находим сообщение, что 2 июля 1410 года Ягайло и Витовт провели день посещения пресвятой девы Марии в Червеньском монастыре, где плоцкий епископ Иаков[116] «в качестве пастыря этой епархии, отслужив торжественную обедню, прочитал также проповедь на польском языке всему войску, собравшемуся в большом количестве у храма…».[117]

Текст хроники при этом абсолютно не похож на текст проповеди, которая носит, во-первых, *нравоучительный характер*, и, во-вторых, постоянно аппелирует к авторитету Святого Писания, проводя аналогии с библейскими событиями либо с деяниями канонизированных святых.

Подтверждение находим в продолжении вышеприведённого отрывка из опуса Яна Длугоша, который, как известно, долгое время являлся краковским каноником: ***«Будучи человеком на редкость высокообразованным и обладая даром речи, он (епископ плоцкий Иаков) много рассуждал (обращаясь с проповедью к верующим) о войне справедливой и несправедливой, многими и очевидными соображениями доказывая, что война, предпринятая королём против крестоносцев, будет справедливейшей и своим удивительным даром убеждения воодушевил сердца всех внимавших ему рыцарей на защиту королевства и Родины, на мужественный бой с врагами».***[118]

Однако «Хроника конфликта…» просто повествует о произошедших событиях без каких-либо значительных религиозных и моральных отступлений,

---

[116] Иаков – возглавлял епархию в Плоцке с 1396 по 1425 год.
[117] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 68.
[118] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 68.

хотя подобные отступления широко практиковались в средневековом летописании.

Вывод напрашивается вполне однозначный: *обширного варианта «Хроники конфликта…» никогда не существовало*.

ГЛАВА 3. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ «ХРОНИКИ КОНФЛИКТА…» В ОТНОШЕНИИ ИСТОЧНИКОВОГО КОРПУСА ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ГРЮНВАЛЬСКОГО СРАЖЕНИЯ

3.1 «Хроника конфликта…» и хроники Тевтонского ордена

На территории Тевтонского ордена события, связанные с военными действиями 1410 года, получили отражение в нескольких летописных списках, среди которых, в первую очередь, следует отметить Торуньские анналы и «Хронику Прусских земель» Яна фон Поссильге.

Рукопись, получившая название Торуньских анналов, была найдена в Гданьском городском архиве в списке, датируемом второй четвертью XVI столетия. В начале манускрипта одной рукой на латинском языке описаны события с 941 по 1410 годы включительно, на полях и после основного текста имеются разрозненные, дополняющие основной текст, записи до 1540 года, сделанные разными почерками. Далее в манускрипте помещены списки великих магистров Тевтонского ордена, немецких лянтмистров и кульмских епископов вплоть до XVI века включительно.[119]

При описании событий, начиная с первой половины 1380-х годов, в рукописи появляются речевые обороты, указывающие на то, что автор использует изустные источники для записи своих реляций. Так, под 1384 годом хронист сообщает, что Витовт не смог захватить врасплох замок Мариенвердер на Немане (Мемеле):

и был рассказан этот случай	*et dicebatur ista causa*[120]

Некоторые сообщения записаны от первого лица. В реляции от 1398 года читаем, что королева Польши Ядвига со своим супругом[121] находилась в Куявии[122]

…и, <u>как я слышал</u>, охотно встретилась бы с господином магистром, но магистр к ним не приехал…	*…et <u>ut accepi</u>, libenter convenisset cum domino magistro;sed magister non venit ad eos …*[123]

а под 1408 годом прусский летописец сообщает следующее:

---

119 Franciscani Thorunensis Annales Prussici (941–1410) // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 13– 399.

120 Franciscani Thorunensis Annales Prussici (941–1410) // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 134.

121 Ядвига Анжуйская (по материнской линии Пяст) была замужем за Ягайлой с 1386 года до своей смерти в 1399 году.

122 Куявия – историческая область на территории Польши.

123 Franciscani Thorunensis Annales Prussici (941–1410) // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 218.

…в воскресенье после дня святой Епифании[124] в Троках наши господа с Витовтом и королём Польши вели беседу и при этом присутствовали многие князья. И после их возвращения домой ничего не было слышно о переговорах и решениях, а я только слышал, что король у наших господ потребовал замок Дризен.[125]

…dominica post Epiphanie in Trakken domini nostri habuerunt placita cum Wytold et rege Poloni[a]e, et fuerunt ibi multi principes. Et post reditum eorum nihil audiebatur, quid esset actum vel conclusum; sed percepi solum, quod rex postulasset castrum Drysen a dominis nostris.[126]

Указанные сообщения свидетельствуют, что летописец из Пруссии являлся современником событий, описываемых в «Хронике конфликта…», что делает сравнение сообщений двух источников особенно интересным. К сожалению, в Торуньских анналах военные события 1410 года описаны чересчур лаконично. Хронист сообщает следующее:

Но господин король Польши,[127] собрав великую армию, множество наёмников из Богемии, Моравии и других земель, Витовта со всеми его силами, а также императора татар[128] с бесчисленными людьми имея себе в помощь, мост построил через Вислу и со всеми силами земли Польской и наёмниками пересёк Мазовию с хорошей поддержкой и помощью для войны. Поставил шатры свои недалеко от города Гильгенбурга[129] близ поля, что зовётся Вирцигубен, у господина Ульриха фон Юнгингена, который находился со своей армией возле Лаутербурга. Когда магистр увидел многочисленных врагов, созвал всех феодалов и местное

Sed dominus rex Polonie congregato magno exercitu, stipendiariis multis de Bohemia, Moravia et aliis terris, Wytoldo cum tota potencia sua, imperatore eciam Tartarorum cum populo innumerabili sibi assistentibust, pontem fecit per Vislam, et cum omni potencia terre Polonie et stipendiariis transivit per Mazoviam ad bellum bene fulcitus el munitus. Fixit tentoria sua non longe a civitate Gilgenborg prope campum, qui dicitur Virczighuben, [ad] domino Ulrico de Jungingen magistro cum ejus exercitu existente prope Lauterberg. Qui[a] magister videns inimicorum multitudinem vocavit omnes pr[a]eceptores terre et notabiliores

---

124 8 января 1408 года.

125 Замок Дризен (по-польски Дрезденко) известен с XIII столетия. Замки Дризен и Санток являлись предметом спора между Королевством Польским и Тевтонским орденом в начале XV столетия.

126 Franciscani Thorunensis Annales Prussici (941–1410) // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 289.

127 Имеется в виду Ягайло (Владислав II).

128 Имеется в виду Джелаль ад Дин.

129 Гильгенбург – немецкое название польского Домбровно. В настоящее время деревня на территории Республики Польша.

дворянство оставить всю землю Ордена и замки все без старост, по-другому губернаторов, и без защитников, оружия и другой экипировки, за исключением замка Свеце, хорошо защищённого.

Тогда перед праздником святой Маргариты[130] татары город Гильгенбург атаковали и полностью разрушили, женщин и девушек насиловали и вырезали всё население, облатки для евхаристии и распятия на землю бросали и ногами топтали.

Услышав это, господин магистр, объятый сильной ненавистью, в ночь рассеяния Апостолов[131] выступил против господина короля и прошёл со своей армией за эту ночь четыре мили.[132] И в сам день [рассеяния] Апостолов[133] вступили в сражение и пруссы наши бежали, и были подобны там острову, и погибли наши, и были убиты господин магистр, маршал, великий комтур, казначей и сановники, и сеньоры всего Ордена. И немногие из Ордена спаслись бегством, из которых некоторые были пленены, и многие из наших, за исключением уже упомянутых, вернулись посредством бегства. Затем господин король через небольшое количество дней со всей армией своей выступил, повернув к Мариенбургу,[134] и в день святого Иакова[135] подошёл к Мариенбургу.

locius ordinis relicta tota terra et castris omnibus sine capitaneis seu gubernatoribus et sine munitione populi, armorum et aliorum necessariorum, excepto Castro Svvetz beno munito.

Tunc appropinquante festo s. Margarete Tartari civitatem Gilgonborg invaserunt et totaliter destruxerunt, mulieres et virgines violantes et interficientes totum populum, sacramentum eucharistie et imagines crucifixi ad terram projiciendo et pedibus eorum conculcantes.

Hoc audiens dominus magister nimio zelo motus in nocte divisionis apostolorum ivit cum exercitu suo ea nocte quattuor miliaria contra dominum regem.

Et ipso die [divisionis] apostolorum habuerunt conflictum et Pruteni nostri fugerunt, et similiter illi de Insula; et interierunt nostri; interfectique fuerunt dominus magister, marscalcus, magnus commendalor, thesaurarius et notabiliores et seniores tocius ordinis. Et pauci de ordine evaserunt, de quibus aliqui fuerunt capti; et multi de nostris pr[a]eter jam dictos in fugam sunt conversi. Dominus itaque rex post paucos dies cum toto exercitu suo processit versus Marienburg et in die s. Jacobi venit ante Marienborg .[136]

[130] 13 июля 1410 года.
[131] Ночь с 14 на 15 июля 1410 года.
[132] Миля немецкая или великопольская составляла 7,420 километра. Таким образом, четыре мили составляли примерно 30 километров.
[133] 15 июля 1410 года.
[134] Мариенбург – немецкое название Мальборка, столицы Тевтонского ордена в Пруссии и резиденция великих магистров Ордена с 1309 года. В настоящее время город Мальборк в Республике Польша.
[135] 25 июля 1410 года.

Однако даже такое краткое сообщение имеет интересные соответствия в «Хронике конфликта…». Сначала торуньский анналист акцентирует внимание на том, что союзная армия переправилась через Вислу по мосту. Данная деталь свидетельствует о том, что специальная постройка моста для переправы армии через реку, тем более такую широкую, как Висла в районе Плоцка, являлась случаем достаточно удивительным и необычным для начала XV столетия. Из других источников мы знаем, что мост был понтонным,[137] что и было подчёркнуто в «Хронике конфликта…»:

…(король) дошёл в пятницу до реки Вислы, и через указанную реку вместе с частью своих войск, которые в то время ещё целиком не собрались у него, а также с орудиями, машинами и другими военными приспособлениями, без какого-нибудь вреда и опасности переправился по мосту удивительной конструкции.	*…(rex) feria VI ad flumen Vysla venit et per eundem fluvium cum aliquibus suis exercitibus, ex quo nondum ad eum omnes convenerant, et cum pixidibus, machinamentis ceterisque bellicosis instrumentis pontem mirabili structura compositum sine aliquo damno et periculo pertransivit.*[138]

Следующее соответствие летописей друг другу находится при описании захвата города Домбровно (Гильгенбурга). Оба источника указывают, что данный город был захвачен 13 июля 1410 года, и оба они подчёркивают, что город был захвачен *не рыцарством союзников*. При этом в Торуньских анналах утверждается, что город был взят татарами, которые устроили в захваченном Домбровно резню с бесчинствами и осквернениями христианских святынь, в то время как автор «Хроники конфликта…» осторожно замечает, что Ягайло ***«под вечер приказал захватить город не своему рыцарству, а горожанам»*** (*«circa vesperam civitatem praedictam tantum communi populo et non militiae suae expugnare mandavit»)*. При этом согласно его предыдущей реляции король Польши расположился лагерем в трёх милях от города, то есть в 22 километрах от Домбровно (торуньский летописец уточняет: ***«близ поля, что зовётся Вирцигубен»***), то есть для того, чтобы только добраться до города горожане, участие которых в заграничных кампаниях того времени *вообще не практиковалось*, должны были совершить дневной переход. Подобная трактовка событий, по всей видимости, являлась попыткой автора «Хроники конфликта…» снять с польской стороны «вину» за использование в военных действиях татар, не являвшихся христианами, что диктовалось политической и дипломатической необходимостью в то время.

[136] Franciscani Thorunensis Annales Prussici (941–1410) // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 314 – 316.
[137] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 68–69.
[138] Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruceferis anno Christi 1410. // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 434.

Гораздо больше сведений и соответственно корреляций с «Хроникой конфликта…» находим в другой прусской летописи – хронике помезанского официала Яна фон Поссильге.

Хроника Яна фон Поссильге, официала (духовного судьи) замка Резин, первоначально написанная на латинском языке, дошла до нас в более поздних списках в немецком переводе. Начальный текст Яна фон Поссильге, умершего, вероятно, в 1405 году, был переведён на верхнесредненемецкий язык (хохмитльдойч) и продолжен неизвестным лицом.

Продолжатель хроники Яна фон Поссильге был хорошо информирован о событиях и делах Тевтонского ордена. Вероятно, он имел доступ к официальным орденским документам и так же, как и автор Торуньских анналов, являлся современником событий, описанных в «Хронике конфликта…».

Начало описания похода в Пруссию союзных армий совпадает в смысловом отношении с описанием, приведённом в Торуньских анналах:

Также король Польши пожелал собраться вместе с нехристианами и Витовтом: все на помощь [ему] пришли в Мазовию. Объединившись с князем, и поляками и валахами, собралась такая большая армия, что и не высказать, и вторглись от Плоцка в земли Пруссии.	*Also sich der koning von Polan wol besamelt hatte mit den uncristin und mit Wytold: dy im alle czu hulffe czogin qwomen durch, dy Masow, mit den herczogin und Polan und Walachin mit so eyme grossin here, das is iinsprechlichin ist, und czogin von Ploczk kegen den landen von Pruszin.*[139]

Далее продолжатель Яна фон Поссильге сообщает о посредничестве послов венгерского короля Сигизмунда фон Люксембурга, о чём находим сообщение в «Хронике конфликта…», но в Торуньских анналах подобная реляция, как мы видели, отсутствует. При этом мы наблюдаем две противоположные трактовки одних и тех же событий. В «Хронике конфликта…» Ягайло показывается королём, который готов заключить мир и остановить вторжение, в то время как Ульрих фон Юнгинген отвергает мир, заносчиво заявляя:

Король Польши желает себе мира, которого ни в коей мере иметь не может, потому что на наших глазах принёс огонь в наши земли и отнёсся к нам с такой гордыней, с которой никто до этого к нашему Ордену не относился. Почему же,	*Rex Poloniae pacem optat, quam habere nullomodo potest, ex quo videntibus nobis in terras nostras ignes immisit et pompam erga nos ostendit, quam a nullo homine unquam passus fuit ordo noster.*

[139] Johanns’s von Posilge officials von Pomesanien, Chronic des landes Preussen (von 1360 an, fortgesetzt bis 1419) // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 314.

когда желал мира, не просил о нём перед нашествием на наши земли? Следует, чтобы за то, что причинил, получил соответствующее наказание. Пускай не выйдет безнаказанным за границы наших земель и не избежит нашей руки. Звались бы мы женщинами, а не мужчинами, если бы не хотели одержать победу над нашим врагом, которая сама идёт к нам в руки.

Quare ergo, si pacem voluit, ipsam, dum terras nostras visitare non inceperat, non quaesivit? Opportet igitur, ut pro eis, quae exercuit, recipiat a nobis debitam ultionem. Non evadet inultus de oris nostrarum terrarum nec manus nostras effugiet. Feminae enim et non viri diceremur, si victoriam nobis sponte oblatam de hostibus nostris recipere non vellemus. [140]

Заметим, что в данном случае летописец допускает существенное логическое противоречие: сначала он указывает, что послы прибыли для того, *что бы заключить мир от имени короля Венгрии и крестоносцев* (!), *а далее крестоносцы*, то есть Орден, *от мира отказываются*. Непонятно, для чего тогда было вообще отправлять посольство королю. В конечном счёте, Сигизмунд фон Люксембург потребовал остановить вторжение союзных войск в Пруссию под угрозой объявления войны Польскому королевству, после чего, ввиду того, что кампания против Ордена не была прекращена, Венгрия объявила Польше войну.

Продолжатель Яна фон Поссильге описывает события следующим образом:

...и находились в Торуне великий граф из Венгрии и господин Стиборий, которых король Венгрии особо прислал в Пруссию для обсуждения и рассмотрения дела между Орденом и Польшей. Они ничего не смогли сделать и покинули, наконец, короля, пожелавшего поступить мерзко и зло, выжигая христианство. И, не довольствуясь одними язычниками и поляками, господин (король) пожелал ещё больше иметь людей за плату из Богемии и Моравии и всех людей из рыцарей и кнехтов, которые все против и Бога и чести

…und bynnen des worin czu Thorun der grose grafe von Ungern und her Stybor, dy der koning von Ungern sunderlichin gesant hatte ken Pruszin, die sachin und sehelunge czwusschin dem ordin und Polan czu undirnemen. Dy künden bie den sachin nicht thun, und schidin ane ende von deme koninge, der do volgete noch synem bosin und schedelichin willin, dy cristinheyt czu vorterbin. Und im genugete nicht an der undyt der heydin und Polan; her hatte vil luthe gewonnen uf sold von Behemen, Merhern und allirleye lute von rittern und knechten, dy do alle weder ere und

[140] Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruceferis anno Christi 1410. // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 435.

вместе с язычеством выступили на христианство, и для того, чтобы Прусскую землю выжечь.

got und redelichkeit mit der heydenschaft czogin uf dy cristin, und das land czu Pruszin czu forterbin.[141]

В отличие от орденских хроник в «Хронике конфликта…» *не акцентируется внимание на национальном составе армий*. Татары не упоминаются в ней вообще, а наёмная хоругвь Святого Георгия упоминается лишь дважды и то мельком, исключительно из-за того, что она оказалась в эпицентре сражения.

Более сжато, чем «Хроника конфликта…», продолжатель Яна фон Поссильге описывает противостояние на реке Дрвенце, после чего в почти дословном изложении передаёт сообщение Торуньских анналов о взятии Домбровно:

И выступил магистр со своей армией и гостями и наёмниками против короля и всех к границе к Дрвенце у Кужетника, и стали две армии одна против другой, однако король Польши не стал переправляться через Дрвенцу и выступил против Гильгенбурга (Домбровно) и захватил город, и сжёг его, и перебили молодых и старых и учинили большую резню с язычниками, что были погибелью и для церквей, и для девушек, и для женщин: швыряли их, оголяли груди и безжалостно мучили и к себе в рабство угоняли. Также устроили язычники большое осквернение святынь: где бы ни заходили они в церкви – везде предавали их поруганию, грабя и бросая святыни под ноги.

Und do czoch der meister mit synir macht unde den gestin und soldenern dem konige enkegen an dy grenilczen by der Drewantz, by Kurnik und alumme; und logen dy czwey here den andern enkegen, also das der konig von Polan nicht torste obir dy Drewantz, und czoch kegen Uginburg und gewan dy stad obirhoupt, und vorbrante sy; und slugin tot jung und alt, und begingen so grosin mort mit den heyden, das das unsegelich ist, und an kirchiu und an juncfrowen und frouwin, dy sy smethin und yn ere bröste abesnelin undjemerlichin pynegeten und czu eyginschaft weg lyssin trybin. Ouch begingen dy heydin grose smoheyt an dem sacramento; wo sy qwomen in dy kirchin, so czurebin sy in den henden unde worffin is undir dy fusze, und hattin dorus erin spot.[142]

По мнению продолжателя хроники Яна фон Поссильге, так же как и автора Торуньских анналов, именно события в Домбровно (о чём «Хроника

[141] Johanns's von Posilge officials von Pomesanien, Chronic des landes Preussen (von 1360 an, fortgesetzt bis 1419) // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 314–315.

[142]Johanns's von Posilge officials von Pomesanien, Chronic des landes Preussen (von 1360 an, fortgesetzt bis 1419) // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 315.

конфликта…», естественно, умалчивает) вызвали гнев великого магистра Ульриха фон Юнгингена и заставили его искать полевой битвы с врагом:

Это страшное осквернение и поругание затронуло сердца магистра, всего ордена и всех рыцарей и кнехтов из гостей очень сильно, и мужественно выступил (магистр) на защиту и пожелал двинуться от Любавы к Танненбергу, деревне в округе Оструда, и пошёл господин против короля незаметно, и в великом гневе спешно пройдя три мили за день достиг (Танненберга) к празднику рассеяния Апостолов.

Dese grose smoheyt und lastir ging dem meister, dem ganezin ordin und allin rittern und knechtin von gesten gar gros czu herczin, und czogin mit eyntrechtigim mute und willin dem konige enkegen von der Lobow czum Tannenberge, dem dorffe im gebite czu Osterrode, und qwomen uff des koniges her ungewarnet, und hattin mit grosim gejaget wol ylen dry mylen mit dem tage, an der hochcziit der apostolin divisionis.[143]

Как мы видим, акцент в хрониках Тевтонского ордена делается на жестокости и нехристианском поведении союзных армий при взятии города Домбровно, в то время как в «Хронике конфликта…» об этом деликатно умалчивается. Зато в «Хронике конфликта…» красочно описывается ночь перед битвой, когда стояла плохая погода, а польские рыцари якобы видели необычные небесные явления.

В целом описание событий в «Хронике конфликта…» вполне коррелируется с реляциями орденских летописцев, хотя при этом каждая сторона привносит в нарратив собственную идеологическую окраску.

В орденских летописях описание сражения при Грюнвальде значительно более лаконично, чем в «Хронике конфликта…», однако сопоставление летописных свидетельств с некоторыми другими источниками позволяет решить ряд вопросов, касающихся Грюнвальдской битвы, до настоящего времени окончательно не решённых в исторической науке. Например, вопрос о бегстве армии Великого княжества Литовского с поля боя во время сражения.

[143] Johanns's von Posilge officials von Pomesanien, Chronic des landes Preussen (von 1360 an, fortgesetzt bis 1419)// Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 315–316.

3.2 «Хроника конфликта…» и проблема бегства армии Великого княжества Литовского в битве при Грюнвальде

Самое обширное описание сражения при Грюнвальде принадлежит польскому хронисту Яну Длугошу, и многие историки сделали и делают выводы о деталях битвы, основываясь на его сообщениях. Сообщая о ходе боя, польский летописец пишет, между прочим, что ***«Крестоносцы, заметив, что на левом крыле против польского войска завязалась тяжёлая и опасная схватка (так как их передние ряды уже были истреблены), обратили силы на правое крыло, где построилось литовское войско; войско литовцев имело более редкие ряды, худших коней и вооружение, и его, как более слабое, казалось, легко было одолеть. Отбросив литовцев, крестоносцы могли бы сильнее ударить по польскому войску. Однако их расчёт не вполне оправдал надежды. Когда среди литовцев, русских и татар закипела битва, литовское войско, не имея сил выдерживать вражеский натиск, оказалось в худшем положении и даже отошло на расстояние одного югера; когда же крестоносцы стали теснить сильнее, оно было вынуждено снова и снова отступать и, наконец, обратилось в бегство. Великий князь литовский Александр тщетно старался остановить бегство побоями и громкими криками. В бегстве литовцы увлекли с собой даже большое число поляков, которые были приданы им в помощь. Враги рубили и забирали в плен бегущих, преследуя их на расстоянии многих миль. И считали себя уже вполне победителями. Бегущих же охватил такой страх, что большинство их прекратило бегство, только достигнув Литвы; там они сообщили, что король Владислав убит, также и Александр, великий князь литовский, и что, сверх того, их войска совершенно истреблены»***.[144]

Приведённая реляция послужила причиной распространения в историографии мнения, согласно которому правое крыло войск союзников, которое составляла армия великого князя литовского Витовта, действительно обратилась в бегство с поля боя, а вся тяжесть сражения легла либо на три смоленские хоругви, которые единственные остались на месте, либо на левое крыло, которое составляла армия польского короля Ягайлы.

В дальнейшем, однако, хроника Яна Длугоша сообщает об участии в осаде Мальборка литовской армии, что побудило некоторых исследователей поставить под сомнение описание бегства литовцев.[145] Уже историки Якоб Каро и Кароль Шайноха подвергли свидетельства Яна Длугоша критике в своих трудах.

Так Кароль Шайноха в книге «Ядвига и Ягайло» предположил, что изменение судьбы битвы ускорило «давно ожидаемое возвращение Литвы и татар на поле боя».[146] Такая точка зрения была поддержана немецким исследователем Лотарем Вебером, заметившим, что в этом случае нет ничего,

---

[144] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 102.
[145] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 127 – 132.
[146] Szajnocha, K. Jadwiga i Jagiełło / K. Szajnocha // Dzieła Karola Szajnochy. – Lwow: Z drukarni E. Winiarza, 1861. – T. 4. – S. 300.

что свидетельствовало бы о катастрофе для литовской стороны.[147] Польский историк Станислав Куйот в своей монографии «Война», опубликованной в 1910 году, указывал на противоречивость описания Яна Длугоша. Удивляясь, каким образом бежавшие с поля боя литовцы приняли непосредственное участие в последующей осаде Мальборка, Станислав Куйот пришёл к выводу, что «за их бегством скрывалась татарская хитрость. Легкая литовская кавалерия, которая не могла устоять под натиском вражеских хоругвей, бежала – как бывало у них часто – маленькими группами отдельно друг от друга, чтобы избежать поражения и дезориентировать преследователей. Без сомнения, группы начали собираться вскоре после этого, когда предполагаемые победители уже находились на поле сражения, наверное, вступив в бой со смоленскими хоругвями. Это было литовским методом, хорошо известным Витовту».[148]

Так что же на самом деле произошло на поле боя 15 июля 1410 года? Бежало ли крыло Витовта или нет? Или, может быть, Ульрих фон Юнгинген попал в хитроумную ловушку, устроенную ему союзниками?

Никто из летописцев, за исключением Яна Длугоша, не представлял ситуацию в подобной интерпретации. «Хроника конфликта…» сообщает по данному поводу следующее:

Другая же часть врагов среди тех, самых лучших людей крестоносцев, сошлись с большим запалом и криками с людьми Витовта, и после без малого часа взаимной битвы, потери с обеих сторон были настолько велики, что люди князя Витовта вынуждены были отступить. Тогда враги, преследуя их, решили, что уже одержали победу и, нарушив строй, отдалились от своих хоругвей и рядов своих отрядов, и перед теми, кого вынудили бежать, начали отступать. В скором времени, когда пожелали вернуться, отрезанные от своих людей и хоругвей королевскими людьми, которые их хоругви напрямую от крыльев прорезали, были либо схвачены, либо порублены мечами. Те же, что стояли с левой стороны

Alia autem pars hostium ex eisdem electis cruciferorum hominibus cum maximo impetu et clamore cum gente ducis Vitoldi congressa et fere per horam proeliantes mutuo inter se plurimi ex utraque parte ceciderunt, ita quod gens Vitoldi ducis cogitur retrocedere. Et ita ipsos insequentes existimabant jam obtinuisse victoriam dispersique hostes ab ipsorum banariis in ordinatione suarum acierum erraverunt et illos, quos retrocedere coegerant, fugere inceperunt. Postmodum autem reverti volentes, a suis hominibus et banariis per homines regis, qui directe banaria ipsorum per latera diviserunt, seclusi aut capti et gladio perempti perierunt. llli autem, qui de

[147] Weber, L. Preußen vor 500 Jahren in culturhistorischer, statistischer und militairischer Beziehung nebst Special-Geographie / L. Weber – Danzig, 1878. – S. 647.
[148] Kujot, S. Rok 1410. Wojna / S. Kujot // Roczniki Towarzstwa naukowego w Toruniu. – Toruń: TN, 1910. – T. 17. – S. 154–155.

от тех, что были отрезаны, остались в живых, вернулись к своим людям от войск противника и, снова соединившись, сошлись с большой хоругвью кастеляна краковского, воеводы сандомирского, земли Велюньской, земли Галицкой и многочисленными другими хоругвями. В этой стычке разгорелся очень жестокий бой, и поэтому тогда многие пали. Битва длилась шесть часов, и только после начали (крестоносцы) отступать. В этот раз бежали до самого лагеря.

parte laeva illorum, qui divisi fuerunt, remanserant superstites, ad suos homines exercitus hostilis reversi, iterum. uniti ad invicem cum banario magno castellani Cracoviensis, palatini Sadomiriensis, terrae Vyelyunensis, terrae Haliciensis et aliis multis banariis convenerunt. In quorum congressu bellum gerebatur asperrimum et multi hinc inde ceciderant mortui. Durabat ergo bellum sex horis et demum terga vertunt cruciferi. Illa vice usque ad stationes fugerunt.[149]

Сообщение «Хроники конфликта…» удивительным образом подтверждается реляцией продолжателя Яна фон Поссильге:

Вступили язычники с ними в битву, и его милостью господином (магистром) были разбиты, когда бежали прочь. И поляки пришли им на помощь, и была великая битва, и магистр вместе со своими людьми трижды пробивался сквозь них, и король так отступил, что они уже начали петь «Христос воскрес». Но пришли его гости и наёмники, когда они не были построены, и напали с одной стороны, а язычники с другой, и окружили их, и люди магистра, и великие сановники, и очень много братьев Ордена – все погибли. Вернувшись, они захватили других, как братьев, так и лошадей.

Des czoch die heydinschaft von irstin in den strit; und von den gnadin des herrin wordin sy vor fuse weg geslagin. Und dy Polan qwomen in czu hulfe, und wart eyn grosir stryt, und der meister mit den synen slugin sich drystunt dorch mit macht, und der koning was gewichen, also das dese sungen: «Christ ist entstandin». Des quomen syne geste und soldener, als dese nu vormuet worin, und troff in mit yn uff dy syte und dy heydin uf dy ander, und umbgobin sy, und slugin den meister und dy grostin gebiteger und gar vil bruder des ordins alle tot, wend sy nymant anders remetin, als der bruder und der pferde.[150]

---

[149] Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruceferis anno Christi 1410. // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 438.

[150] Johanns's von Posilge officials von Pomesanien, Chronic des landes Preussen (von 1360 an, fortgesetzt bis 1419)// Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 316.

События здесь описываются в разных ракурсах, однако, на основании приведённых реляций, мы вполне очевидно можем сделать выводы о том, что

– определённая часть армии великого князя Витовта (у продолжателя Яна фон Поссильге – язычники) под натиском хоругвей Фридриха фон Валенрода (в «Хронике конфликта…» – лучшие люди крестоносцев) была обращена в бегство, либо отступила;

– однако крестоносцы не смогли одержать победу, которая, казалось, была столь близка, что они уже пели победную песнь, поскольку на поле битвы остались столь значительные силы союзников, что смогли их окружить и уничтожить;

– такая ситуация сложилась из-за того, что войска Тевтонского ордена расстроили боевые порядки (***«нарушив строй, отдалились от своих хоругвей и рядов своих отрядов»*** по «Хронике конфликта…» и ***«когда они не были построены»*** согласно продолжателю Яна фон Поссильге).

Такие умозаключения подтверждаются источником, введённым в научный оборот Эрихом Иоахимом и Вальтером Губачем в 1948 году,[151] однако получившим широкую известность после появления в 1963 году статьи профессора Гётингенгского университета Свена Экдаля, посвящённой вопросу бегства армии Великого княжества Литовского под Грюнвальдом. Ссылаясь на анонимное письмо одному из великих магистров Тевтонского ордена, помещённое в издании Эриха Иоахима и Вальтера Губача под названием «Советы в случае полевой битвы», Свен Экдаль пришёл к выводам, согласно которым так называемые «гости прибывали из Центральной и Западной Европы, чтобы оказать помощь Ордену, и едва ли могли быть знакомы с восточноевропейскими методами ведения войны. И именно при Танненберге случилось нечто, что может быть обозначено как восточноевропейская тактика, поскольку мнимое бегство могло выполняться только легковооруженными и опытными рыцарями на быстрых лошадях».[152] Таким образом, Свен Экдаль присоединился к мнению, высказанному сначала Станиславом Куйотом, затем польским офицером Адамом Кортой, далее литовским исследователем Константином Юргелой, и практически общепринятым в современной литовской историографии.

Адам Корта считал, что произошедшее под Грюнвальдом «не было бегством татарско-литовской кавалерии, а намеренным маневром против тяжеловооруженной конницы крестоносцев, который имел целью выманить их с места битвы. Этот маневр, который часто можно встретить в военном искусстве монголов, был на Западе совсем неизвестен».[153]

Константин Юргела, ссылаясь на «Хронику конфликта…», утверждал, в свою очередь, следующее: «отборные силы рыцарей поддались иллюзии победы и нарушили боевое построение для преследования бегущей легкой

---

[151] Index Tabularii Ordinis S. Mariae Theutonicorum, Regesten zum Ordensbriefarchiv, 1198– 1454 // Regesta historico-diplomatica Ordinis S. Mariae Theutonicorum 1198 – 1525 / hrsg. von E. Joachim, W. Hubatsch. – Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1948. – Nr. 2024. – S. 124

[152] Ekdahl S. Die Flucht der Litauer in der Schlacht bei Tannenberg // Zeitschrift für Ostforschung. – 1963, № 12.

[153] Korta, A. Strategia i taktyka bitwy grunwaldzkiej / A. Korta // Nasza myśl. – 1949. – R. 3, № 7–8. – S. 83–91.

литовской кавалерии, только чтобы быть отрезанными от своих рядов людьми короля, попасть в окружение и погибнуть», что, по его мнению, «содержит все компоненты и представляет каждый элемент превосходно выполненной татарской тактики».[154]

Свен Экдаль посчитал, что именно письмо, содержащее советы великому магистру, подтверждает возможность осуществления армией Великого княжества Литовского манёвра «заманного бегства». Он пишет, что сходство ситуации в письме с описанием «Хроники конфликта…» вполне очевидно. Поэтому он предположил, что в обоих случаях подразумевался один и тот же процесс: подразделения Ордена считали битву выигранной и преследованием нарушили свои боевые порядки. В битве под Танненбергом левое крыло армии Ордена совершило тяжелую тактическую ошибку, которая сразу же была использована врагом, то есть манёвр заманного бегства в Грюнвальдской битве был вполне возможен, и, вероятно, именно его осуществление привело литовцев к успеху.[155]

Ведущий исследователь Грюнвальдской битвы в Литве Мечиславос Ючас в последней своей монографии, посвящённой сражению, указал, что обнаружение указанного письма является последним значительным успехом в исследовании Грюнвальда, и принял версию об осуществлении Витовтом с санкции Ягайлы блестящего манёвра, заманившего крестоносцев в ловушку.[156]

Поэтому автор считает вполне целесообразным обратиться к этому загадочному письму, чтобы попытаться выяснить, насколько оно действительно указывает на возможность осуществления крылом Витовта тактического бегства с целью заманить противника в ловушку.

Манускрипт хранится в Архиве Тевтонского ордена в Геттингене среди писем, написанных в 1413 году, хотя сам не содержит ни даты, ни подписи, ни печати. Его датировка затрудняется также тем, что он написан на бумаге без водяных знаков.

Совершенно непонятно, является манускрипт оригиналом или копией. Свен Экдаль посчитал его оригинальным письмом, которое некое высокопоставленное лицо, находившееся в комтурстве Шлохов, в первое десятилетие после Грюнвальдской битвы написало великому магистру. При этом он приводит такие аргументы в пользу его оригинальности, как «растянутые начальные буквы в первой строке и прекрасный вид всего письма»,[157] что, на наш взгляд, не выдерживает элементарной критики.

Собственно, мы не знаем, кто и когда написал это письмо. Мы даже не знаем, кому оно было адресовано – Генриху фон Плауэну или Михаэлю Кухмайстру. В конечном счёте, обращение «дорогой господин магистр» может

---

[154] Jurgėla, C. Tannenberg (Eglija-Grunwald) 15 july 1410 / C. Jurgėla. – New York: Lith. Veterans Assoc. «Ramove», 1961. – P. 48

[155] Ekdahl S. Die Flucht der Litauer in der Schlacht bei Tannenberg // Zeitschrift für Ostforschung. – 1963, № 12.

[156] Гагуа, Р.Б. Литовская историография Великой войны с Тевтонским орденом (1409 – 1411) / Р.Б. Гагуа // Problemy cywilizacyjnego rozwoju Bialorosji, Polski, Rosji i Ukrainy od końca XVIII do XXI wieku: zb. nauk. art. / Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego; pod red. P. Franaszka, A.N. Nieczuchrina. – Kraków, 2007. – Wydanie 1. – S. 89–92.

[157] Ekdahl S. Die Flucht der Litauer in der Schlacht bei Tannenberg // Zeitschrift für Ostforschung. – 1963, № 12.

обозначать, что оно было адресовано не великому магистру, а, например, инфлянтскому или немецкому лантмайстру.

Непонятным также остаётся оптимизм Свена Экдаля относительно идентификации автора письма. Он утверждает, что в архиве писем Ордена хранится еще несколько писем, написанных той же рукой, поэтому речь идет о том же самом авторе, который находился, по крайней мере, в 1416 и 1417 году в комтурстве Шлохов, что, в свою очередь, исключает возможность того, что отправитель хотел оставаться анонимным.[158] Если он определил, что в архиве находятся письма, написанные тем же почерком, подписанные 1416 и 1417 годами, с указанием места написания – Шлохов, то выходит, что они также не были подписаны. Иначе абсолютно не ясно, почему тогда Свену Экдалю не удалось определить имя их автора.

Однако даже одинаковый почерк писем не свидетельствует о том, что их автор являлся одним и тем же лицом, поскольку письма могли писаться под диктовку писцом. Так, письма, написанные от имени Ягайлы на следующий день после сражения при Грюнвальде в полевой канцелярии, писались Миколаем Тромбой, а не самим королём.

Возможно, данный манускрипт вообще не являлся письмом, а был запиской, которая была передана адресату лично, тогда отсутствие подписи и даты становится понятным.

Единственное, в чём можно согласиться со Свеном Экдалем, так это в том, что письмо датировано XV столетием, о чём свидетельствуют особенности готического шрифта, которым оно написано и, кроме этого, с тем, что речь в нём идёт о Грюнвальдской битве, поскольку название ***«великое сражение»*** *(«grossen streythe»)* применялось в то время в Пруссии только в отношении Грюнвальда.

Текст записки гласит:

Дорогой господин магистр, если по Божьей воле вам придётся с вашими врагами отрядами сойтись, и вам придётся созывать ополчение и против врагов послать, таким будет наш совет: чтобы гости, которые прибудут к вам, а также ополчение, которое вы призовёте, и вы их возьмёте с собой, были послушны вам и вашим командирам, и если велено, чтобы оставались в боевом строю. Может случиться так, что ваши враги замыслят осторожность и,

Liber her meister, ab is got ffugete, das ir mit euwirn vinden tzu hoffe qwemet, unde ir sult euwir ding bestellen unde schigken ken euwirn vinden, so were unsir ratd, das ir die geste, die ir bey euch hat, die ir dirkennet dortzu tochtig seyn, das ir die dotzu nemet, unde bestellet mit euwirn gebitigern, das die gehorsam seyn wie sie geschigk werden, das sie do bleyben in der schigkunge. Is muchte geschen, das euwir vinde den uffsatz vorsich nemen, unde lissen

[158] Ekdahl S. Die Flucht der Litauer in der Schlacht bei Tannenberg // Zeitschrift für Ostforschung. – 1963, № 12.

оставив хоругвь, проявив слабость, обратятся в бегство; [однако] может случиться, что они задумали расстроить ваши ряды, так как люди имеют обыкновение охотиться (пускаться в преследование), как это произошло в Великой битве. Ополчение, так же как и те, что пришли, как и все ваши подданные могут оставить боевые ряды: хотя даже один отряд может заставить поверить всё боевое построение, что людям не грозит избиение, во время того, когда кто-то охотится (преследует бегущих), и начинают охоту, стремясь победить в игре, не зная о том, что половина может быть уже потеряна. И поэтому мы вам с уверенностью советуем, чтобы вы своим высоким положением над подчинёнными, отряды удерживали в боевом порядке, и чтобы одни других не покидали до тех пор, пока не будет видно, что вражеский отряд обращён в бегство окончательно. И поэтому проявите усердие со своими командирами, чтобы сохранить твёрдость, когда битва в разгаре, что сделает вам честь в бою. Ведь 20 присоединившихся к тридцати охотникам невольно расстроят ряды, люди не смогут проявить послушание и битва закончится большим поражением.

eyne banirh addir tzwu weychin addir fluchtig werden: das were eyn uffsatz do mete sie meynten euwir schigkunge tzubrechen, noch deme als die luthe phlegen gerne noch tzu yagen, als ouch geschach in dem grossen streythe. Das bestellet, ab das alzo tzu gynge, so ir aller hertiste kunnet, das yo die euwirn in erer schigkunge bliben: wann wenne eyn huffe addir eyne schigkunge tzutrauth wirt, so sintd die Iwthe nicht so rischlichen weddir umbe tzubrengen, wann denne eyn ydirman will yagen, unde waenth, das spil das sey gewunnen unde wissen nicht, das is halp mag seyn vorloren. Unde dorumbe so rothe wir euch, so wir getrwlichste kunnen, das ir die euwirn, so ir hogeste kunnet, mit eren schigkungen tzu haeffe haldet unde mit nichte von enandir losset, so lange bys das ir seet, wie sich euwir vinde huffe hindir dem fluchtigen an lesset. Unde dorumbe so bestellet das fleisseclichen mit euwirn gebitigern, das is veste gehalden werde, wann is kumpth wol das tzu angesichte in sotanem gescheffte, do XX addir dreysig yagen, das die machin, das undirwilen vil schigkunge gebrochin werden, do man wenth undirwilen ffromen tzu schaffen unde kumpth tzu grossem schaden.[159]

Как мы видим, автор записки обозначает себя множественным числом: ***«наш совет»*** («*unsir ratd»), **«мы»** («wir»),* что позволяет выдвинуть предположение о том, что советы давал не один человек, а группа лиц, возможно *капитул*. В пользу такого предположения говорит также тон письма

[159] Ekdahl S. Die Flucht der Litauer in der Schlacht bei Tannenberg // Zeitschrift für Ostforschung. – 1963, № 12.

и обращение ***«дорогой** господин магистр»* (*«liber her meister»),* которое является традиционной для сообщений должностных лиц Тевтонского ордена.

Текст записки подтверждает сообщения «Хроники конфликта…» и продолжателя хроники Яна фон Поссильге о том, что, пустившись в преследование противника, армия Тевтонского ордена расстроила ряды и поэтому потерпела неудачу, однако прямого указания на то, что бегство врага было заранее спланированным манёвром, не содержит. Фраза «***может случиться, что они задумали расстроить ваши ряды, так как люди имеют обыкновение охотиться, как это произошло в Великой битве»***, содержит уточнение ***«как это произошло в Великой битве»,*** которое относится, по всей видимости, к дискурсу ***«люди имеют обыкновение охотиться»***, а не к части «***они задумали расстроить ваши ряды***». Об этом можно сделать заключение из того, что ниже в записке приведены масштабы ситуации: при бегстве людей из одного отряда (хоругви), даже пятьдесят человек, пустившихся в преждевременное преследование, могут вызвать своим поведением поражение. Такие масштабы несопоставимы с масштабами битвы при Грюнвальде, в которой сражались *десятки тысяч людей* и *хоругви вступали в бой не одновременно*.

Версия «заманного бегства» была подвергнута критике ещё Стефаном Марией Кучиньским. Считая невозможным выполнение заманного бегства целой армией, он предлагает следующий вариант развития событий: «Литовско-татарско-русские отряды, которые находились на правом крыле войск Ягайлы, были рассеяны … в нескольких направлениях, и существенная часть их убежала безвозвратно, либо погибла. Из этих войск вернуться могли только татары, и они вернулись…».[160] Далее Стефан Мария Кучиньски пишет, что большая часть литовско-русских сил, переместившись либо за свой лагерь, либо в сторону Ульновского леса, «никогда оттуда не убегала», после чего была использована Ягайлой и Витовтом для «уничтожения возвращающихся из преследования войск левого крыла крестоносцев, и приняла активное участие в окружении крестоносцев на главном участке боя в конце сражения».[161]

В последнее время версия о тактическом отступлении армии Великого княжества Литовского подвергается ещё большей критике.

Британский историк Стивен Тернбулл на страницах своей книги «Танненберг 1410. Катастрофа тевтонских рыцарей» вернулся к версии о том, что бежала только часть литовской армии. При этом он выдвинул следующие аргументы против версии о «заманном бегстве»: «во-первых, отступала не часть, а вся литовская армия, в отличие от классической модели Чингисхана; во-вторых, контратака начала осуществляться поздно днём, когда, по крайней мере, некоторые из литовцев уже вернулись, то есть было слишком поздно отвечать на стремительное преследование тевтонских рыцарей. Результатом

[160] Kuczyński, S. Wielka Wojna z Zakonem Krzyżackim w latach 1409– 1411 / S. Kuczyński. – Wyd. 2. – Warszawa: Min. Obrony Nar., 1960. – S. 353.
[161] Kuczyński, S. Wielka Wojna z Zakonem Krzyżackim w latach 1409– 1411 / S. Kuczyński. – Wyd. 2. – Warszawa: Min. Obrony Nar., 1960. – S. 353.

стало не окружение лёгкой кавалерии войск Ордена, а разгром правого крыла союзников и всеобщая паника, что было желательным исходом».[162]

Такие аргументы выглядят не менее наивно, чем доводы, приводимые сторонниками осуществления тактического отступления.

Во-первых, «классическая тактика» монголов к XV веку претерпела значительные изменения: так, в 1380 году во время Куликовской битвы армия золотоордынского тёмника хана Мамая сама попала в засаду, устроенную московским князем Дмитрием Ивановичем и была разбита.[163] В 1399 году великий князь литовский Витовт поддержал хана Тохтамыша в борьбе за золотоордынский престол и в битве на реке Ворскле был наголову разбит объединенными войсками Едыгея и Тамерлана. При этом Тамерлан использовал не «заманное бегство», а фланговый обход сил противника. В то время как армии Витовта и Тохтамыша сошлись в битве с туменами хана Едыгея, Тамерлан зашёл со стороны во вражеский фланг и его воины с расстояния перестреляли незащищённых доспехами вражеских коней.[164] Как мы видим, *татары не использовали какую-то универсальную неизменную тактическую схему ведения сражения*.

Во-вторых, заманивание в засаду, являлось хорошо известным манёвром в Центральной и Западной Европе. Только Ян Длугош описывает как минимум четыре случая применения тактики «заманного бегства» во время кампании 1410 года. Причём первый раз упоминает осуществление подобной тактики ещё до Грюнвальдской битвы. В конце июня староста города Быдгощ Януш Бжозогловы совершил поход на город Свеце на территории Ордена. При этом, подойдя к городу, Януш Бжозогловый ***«расположил в подходящем месте засаду», а сам с небольшим числом своих воинов стал грабить и жечь окрестности Свеце. Гарнизон Свецкого замка произвел вылазку и погнался за Янушем Бжозогловым. Он же «искусно избегая встречи с ними, завлёк врагов до самого места засады. Когда же рыцари, скрывавшиеся в засаде, выскочили, и враги были окружены сзади и спереди, и у них уже не осталось никакой надежды или возможности ускользнуть, они воспламеняются отчаянием на борьбу и дают бой, более ожесточённый, чем можно было ожидать при их числе. В конце концов, они были либо взяты в плен, либо убиты».***[165] После чёго великий магистр Ордена Ульрих фон Юнгинген оставил в Свеце его комтура Генриха фон Плауэна со всеми вассальными рыцарями комтурства и наёмниками для того, чтобы *«отражать хитрые засады»* Януша Бжозоглового.[166]

Заметим, ни разу за своё повествование Ян Длугош не описывает засаду, примененную во время крупной битвы.

---

[162] Turnbull, S. Tannenberg 1410. Disaster for the Teutonic Knights / S. Turnbull – Oxford: Osprey, 2003. – P. 48–49.

[163] Гейсман, П.А. Поход великого князя Димитрия Иоанновича Донского от Москвы к Дону и сражение на Куликовом поле 8 сентября 1380 / П.А. Гейсман // Военный сборник. – Киев, 1910. — № 7. – С. 14–20.

[164] Хроника Быховца // Полн. собр. русских летописей: в 35 т. / Под ред. Б.А. Рыбакова. – М.: Наука, 1975. – Т 32. – С. 148. Хроника Литовская и Жмойтская // Полн. собр. русских летописей: в 35 т. / Под ред. Б.А. Рыбакова. – М.: Наука, 1975. – Т 32. – С. 76.

[165] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 71.

[166] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 71.

В любом случае, *ни один из источников не свидетельствует о том, что союзники устроили засаду во время Грюнвальдского сражения*, даже «Хроника Быховца…», созданная в Великом княжестве Литовском, передаёт нам легенду, согласно которой армия великого князя Витовта сама попала в устроенные крестоносцами ловушки – так называемые «волчьи ямы». Археологические исследования поля битвы, проведённые польскими археологами, показали, что никаких ям на самом деле не существовало.[167] И это вполне объяснимо: для того, чтобы выкопать ямы-ловушки или устроить засаду, необходим был такой фактор, как *время*. А *времени не было ни у Тевтонского ордена, ни у союзников*: источники единогласно сообщают, что противники встретились утром после совершённых значительных переходов и *случайно обнаружили один другого*. При этом, производя спешное построение к битве, *стороны не имели чёткого представления ни о поле боя, ни о численности и качественном составе армии врага*, что само по себе уже свидетельствует о невозможности устройства засады, без которой осуществление манёвра «заманного бегства» теряет какой-либо смысл.

Таким образом, *версия о «заманном бегстве» должна быть однозначно отвергнута*. Практически все источники прямо указывают на то, что армия Великого княжества Литовского была обращена в бегство рыцарями, гостями и наёмниками Тевтонского ордена, которые при этом увлеклись преследованием и расстроили свои ряды. Записка магистру свидетельствует, что подобные действия являлись серьёзной тактической ошибкой, при этом ясно указывается, в чём именно она заключалась. Атакующая сторона, не дождавшись бегства всей армии, преследовала бегущую часть и оказывалась беззащитной перед ударом части, оставшейся на месте и сохранившей строй.

Ситуация полностью проясняется, если предположить, что бежала только левая часть крыла армии Великого княжества Литовского, находившаяся на стыке с польской армией. Большинство атаковавших правое крыло крестоносцев устремились в образовавшийся проём во вражеских рядах и оказались между польскими отрядами с одной стороны и частью литовских хоругвей, оставшейся на поле боя с другой.

Вместо того, чтобы атаковать фланги союзников, они, расстроив ряды, увлеклись преследованием и упустили возможность использовать критическую для польской армии ситуацию, когда упало большое королевское знамя. Правый фланг крестоносцев в этот момент сражался с польским крылом союзников, и часть левого фланга Ордена продолжило сражение с оставшимися на поле отрядами Великого княжества Литовского. На такое положение прямо указывает «Хроника конфликта…»:

В скором времени, когда хотели повернуть, отрезанные от своих людей и хоругвей королевскими людьми, что их хоругви напрямую	*Postmodum autem reverti volentes, a suis hominibus et banariis per homines regis, qui directe banaria ipsorum per*

[167] Nadolski, A. Grunwald: problemy wybrane / A. Nadolski. – Olsztyn: OBN, 1990. – S. 139.

от крыльев прорезали, были уже или захвачены, или порублены мечами. Те же, что стояли с левого края от тех, что были отрезаны, остались в живых, вернулись к своим людям из неприятельского войска и, снова соединившись, сошлись с большой хоругвей кастеляна краковского, воеводы сандомирского, земли Велюнской, земли Галицкой и многочисленными другими хоругвями.

latera diviserunt, seclusi aut capti et gladio perempti perierunt. llli autem, qui de parte laeva illorum, qui divisi fuerunt, remanserant superstites, ad suos homines exercitus hostilis reversi, iterum. uniti ad invicem cum banario magno castellani Cracoviensis, palatini Sadomiriensis, terrae Vyelyunensis, terrae Haliciensis et aliis multis banariis convenerunt.[168]

Кроме прочего, проанализированные нами реляции источников позволяют развеять миф, всё ещё встречающийся в историографии, о том, что после первоначальной сшибки средневековые сражения распадались на отдельные поединки. Как мы видим, *во многом исход сражения зависел от умения рыцарей сохранять боевой строй и сражаться в боевом порядке*.

[168] Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruceferis anno Christi 1410. // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 438.

3.3 «Хроника конфликта…» и письма королевской канцелярии Ягайлы: вопрос об участии польского короля в сражении при Грюнвальде

На основании описания, созданного Яном Длугошем, складывается впечатление, что король Польши Ягайло практически не принимал участия в сражении при Грюнвальде и не участвовал в преследовании крестоносцев, обращённых в бегство на поле боя, наблюдая за происходящим с холма.[169] «Хроника конфликта…» рисует абсолютно другую картину событий. На её страницах находим сообщение, что Ягайло,

…пройдя сквозь небольшой лес, прибыл на вершину холма, где в тот же миг слез с коня и, став на колени, начал благодарить Бога за победу, которую тот позволил ему одержать над врагом.

…silvam parvam penetrans, venit ad verticem cujusdam monticuli, in quo statim de equo descendens flexis genibus in terra deo coepit gratias agere de victoria, quam dominus deus sibi concesserat de hostibus suis.[170]

Однако, в отличие от версии Яна Длугоша, «Хроника конфликта…» сообщает, что король оказался на указанном холме только после захвата укреплённого лагеря крестоносцев:

***…король же… сняв в чрезмерном запале свой шлем, со всеми своими людьми подошёл к лагерю крестоносцев. В лагере же многие, увидев, что отступление не позволит избежать смерти, построив из возов подобие вала, там же все начали обороняться, но всё-таки, побеждённые, в пасти меча погибли. В этом же месте больше полегло, чем во всей битве*.**

…rex igitur… statim deposita de se galea sua propter calorem solis nimium cum omni gente sua ad stationes cruciferorum venit. In loco autem stationis multi videntes, quod per fugam nullo modo evadere possem mortem, ex curribus quoddam propugnaculum facientes ibidem omnes defendere se coeperunt, sed statim devicti omnes in ore gladii perierunt In illo autem loco plus, quam in toto conflictu, cadavera mortuorum apparuerunt.[171]

Про непосредственное участие Ягайлы в преследовании обращённого в бегство врага свидетельствуют также другие источники, а именно письма польского короля, адресованные его жене королеве Анне Килийской, гнезненскому архиепископу Миколаю Куровскому и познаньскому епископу Альберту Ястжембцу.

---

[169] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 87–88.

[170] Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruceferis anno Christi 1410. // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 438.

[171] Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruceferis anno Christi 1410. // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 438.

Известно, что в течение трёх дней, которые союзные войска находились на поле битвы после сражения при Грюнвальде, в королевской полевой канцелярии было написано как минимум семь писем, однако нам известно содержание всего четырёх, кроме трёх вышеперечисленных. До нас дошло также письмо, в котором от имени Ягайло торуньскому бургомистру и другим городам Кульмской земли предлагается перейти под власть польского короля под угрозой опустошения указанных территорий.[172]

Рисунок 4. Державная печать Ягайлы

Письмо королеве Анне несколько отличается от остальных трёх. Хотя оно также датировано днём 16 июля 1410 года, место его написания указано по-другому: ***«Дано под Домбровно на поле битвы…»*** *(«Datum retro Dambrownis in campo prelii…»)*, а также отсутствует приписка ***«Сообщение господина Миколая вице-канцлера короля Польши»*** *(«Ad relacionem domini Nicolai regni Polonie vicecancellarii»)*. Также, в отличие от сообщений Альберту Ястжембцу и Миколаю Куровскому, в письме королеве Анне отмечено, что Ягайло принимал участие в преследовании бежавшего противника на расстоянии

[172] Гагуа, Р.Б. Лісты Ягайлы і ананімная «Хроніка канфлікту» як крыніцы па даследаванню Грунвальдскай бітвы / Р.Б. Гагуа // Гістарычны альманах. – 2007. – Т. 13. – С. 123.

двух миль, а не четырёх.[173] Данные отличия наталкивают на мысль, что это письмо было написано либо самим королём лично, либо под его диктовку.

Несмотря на небольшие расхождения, сообщения всех трёх писем совпадают в описании боевой части.

Тезисное отражение этой информации выглядит следующим образом:

– 15 июля 1410 года армия Тевтонского ордена приблизилась к войскам союзников в то время, когда Ягайло слушал мессу;

– узнав о приближении врага, войска Польского королевства и Великого княжества Литовского были построены в боевые порядки;

– от имени великого магистра и верховного маршала Ордена королю Ягайле и великому князю Витовту были присланы два меча, после чего произошло сражение;

– армия Тевтонского ордена была разбита в битве и обращена в бегство;

– обращённый в бегство противник преследовался на протяжении нескольких миль;

– в результате преследования множество беглецов утонуло в озёрах и болотах.[174]

Анализ текстов писем в сравнении с «Хроникой конфликта…» позволяет сделать ряд выводов относительно как некоторых отдельных аспектов сражения при Грюнвальде, так и относительно научной ценности «Хроники конфликта…» для исследования Грюнвальдской битвы.

Непосредственное *участие короля в сражении не вызывает никаких сомнений*. Сообщение «Хроники конфликта…» о данном факте подтверждается письмами королевской канцелярии. Ягайло сообщает королеве, что в битве

упомянутых великого магистра и маршала, шварцбургского и эльбингского и других комтуров крестоносцев посекли, других же в бегство обратили и лично начали гнать. Две мили они были гонимы, а, убегая, в озёрах и реках, которые находились на их пути, в большом количестве утонули, другие же были убиты, так что очень немногие спаслись.

magistrum generalem et marschalcum predictos, Szwortzborg, Helbingensem et alios multos cruciferorum commendatores peremimus et alios in fugam convertimus et insequi propria persona per duo miliaria fuerunt insecuti, qui tunc fugientes et in aquis et fluviis, quo in via fugiendo habuerunt, infiniti sunt submersi et reliqui interfecti, quod paucissimi ovaserunt.[175]

Аналогичное сообщение содержится в письме познаньскому епископу Альберту Ястжембцу:

---

173 Гагуа, Р.Б. Лісты Ягайлы і ананімная «Хроніка канфлікту» як крыніцы па даследаванню Грунвальдскай бітвы / Р.Б. Гагуа // Гістарычны альманах. – 2007. – Т. 13. – С. 123–124.

174 Гагуа, Р.Б. Лісты Ягайлы і ананімная «Хроніка канфлікту» як крыніцы па даследаванню Грунвальдскай бітвы / Р.Б. Гагуа // Гістарычны альманах. – 2007. – Т. 13. – С. 124.

175 Гагуа, Р.Б. Лісты Ягайлы і ананімная «Хроніка канфлікту» як крыніцы па даследаванню Грунвальдскай бітвы / Р.Б. Гагуа // Гістарычны альманах. – 2007. – Т. 13. – С. 137.

И так врагов победили и в бегство обратили, тех же немногих, которым в живых остаться было позволено, лично собственной персоной преследовали и преследованию отдавались до четырёх миль. Там было убито бесчисленное множество беглецов, и многие беглецы в воде утонули.

Sicque hostibus prostratis et in fugam conversis, qui remanserunt superstites licet pauci, ipsos in propria persona fuimus insecuti et insequi exercitibus per quatuor aut citra miliaria mandavimus, ubi infiniti ex ipsis fugientibus sunt perempti et alii in undis fugientes sunt submerse.[176]

Согласно «Хронике конфликта…» участие Ягайлы в сражении не ограничилось штурмом обозов и преследованием бегущего врага. Она сообщает также, что король, «закончив молитву, в тот же миг приказал всем повязать какие-нибудь повязки из соломы для взаимного распознавания и установил для рыцарей слова боевых кличей – «Краков» и «Вильно»; сам же, сев на коня, лично поспешил взглянуть на врага и в то же время начал построение боевых порядков на поле между двумя рощами», то есть осуществлял непосредственное командование, по крайней мере, польской стороной во время сражения.

Ян Длугош приводит в своём труде совершенно другие сведения, согласно которым построением польской армии должен был заниматься краковский мечник Зиндрам из Машковиц, который и осуществлял непосредственное командование польскими хоругвями.[177]

Королевские письма опровергают свидетельство Яна Длугоша и подтверждают реляцию «Хроники конфликта…». В письме Альберту Ястржембцу Ягайло замечает:

Наконец, сами с твёрдостью и без промедления наши армии приготовили и, построив, направили против врага, выступившего на битву.

Denique statim sine mora exercitibus nostris ordinatis et instructis ipsos dimisimus contra hostes transituros in conflictum.[178]

Соответствующие сведения приводятся также в письме Анне Киллийской, королеве Польши. Король сообщает ей, что:

…мессу до конца набожно выслушав со всей армией нашей, на

…ad finem cum devocione auditis cum omnibus exercituum nostrorum

[176] Гагуа Р.Б. Лісты Ягайлы і ананімная «Хроніка канфлікту» як крыніцы па даследаванню Грунвальдскай бітвы / Р.Б. Гагуа // Гістарычны альманах. – 2007. – Т. 13. – С. 139–140.

[177] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 74.

[178] Гагуа Р.Б. Лісты Ягайлы і ананімная «Хроніка канфлікту» як крыніцы па даследаванню Грунвальдскай бітвы / Р.Б. Гагуа // Гістарычны альманах. – 2007. – Т. 13. – С. 139.

поле битвы вышли, где боевые ряды, построив и разместив, стремились начать бой.	*hominibus campum prelii ascendimus, ubi ordinatis et institutis aciebus ac omnibus dispositis negociis ad conflictum cepimus preparari*.[179]

Вполне очевидно, что Ягайло *лично принимал участие в сражении*, находясь на поле боя, и *осуществлял верховное командование польской армией* во время битвы, хотя лично рыцарство в бой не вёл, удовольствовавшись преследованием обращённого в бегство врага.

Как мы видим, сообщения «Хроники конфликта…» отлично коррелируются со свидетельствами писем, написанных в королевской канцелярии, в то время как письма во многом расходятся с реляциями Яна Длугоша. Данное замечание подтверждает предположение о большей достоверности «Хроники конфликта…» относительно «Истории Польши…» Яна Длугоша и *ставит её на первое место среди нарративных источников для исследования Грюнвальдской битвы*.

---

[179] Гагуа, Р.Б. Лісты Ягайлы і ананімная «Хроніка канфлікту» як крыніцы па даследаванню Грунвальдскай бітвы / Р.Б. Гагуа // Гістарычны альманах. – 2007. – Т. 13. – С. 136.

3.4 «Хроника конфликта…» и реляции о Грюнвальдской битве в трудах Энеа Сильвео Пикколомини

Энеа Сильвио Пикколомини – выдающийся религиозный и политический деятель пятнадцатого столетия – родился 18 октября 1405 года в Пиенце близ итальянского города Сиена и умер 14 августа 1464 года в Анконе. За свои без малого пятьдесят девять лет жизни Энеа Сильвио Пикколомини сделал блестящую политическую и духовную карьеру. Он долгое время являлся имперским советником и секретарём, а также легатом Римской курии в Священной Римской империи Германской нации.

Начиная с 1430 года, Энеа Сильвио Пикколомини выполнял функции секретаря трёх епископов и трёх кардиналов, проявив при этом большие дипломатические способности. В возрасте двадцати шести лет он принял участие в Базельском соборе 1431 – 1449 годов, где прославился ораторским искусством, в котором, по свидетельству ряда современников, не имел себе равных.

Пикколомини служил секретарем у многих влиятельных господ, включая «антипапу» Феликса V и императора Фридриха III, из рук которого получил в 1442 г. лавровый венок поэта. Благодаря его посредничеству Фридрих III встал на сторону Римского Понтифика Николая V в его противостоянии с Базельским собором.

Рисунок 5. Изображение Энеа Сильвио Пикколомини в папской тиаре

Свою церковную карьеру Энеа Сильвио Пикколомини начал в 1446 году с должности субдьякона, но уже в следующем 1447 году был рукоположен в сан епископа. По прошествии девяти лет – в 1456 году – Энеа Сильвио Пикколомини стал кардиналом, а еще через два года – в 1458 году – после бурно прошедшего конклава кардиналов был избран Верховным Понтификом под именем Пия II. В качестве главы Святой Римской Католической Церкви он приобрел славу одного из самых активных Пап-реформаторов XV столетия, выступавшего с идеями организации нового крестового похода с целью освобождения христианских народов от угрозы порабощения Османской империей.

Энеа Сильвио Пикколомини получил широкую известность не только как религиозный и политический деятель – он прославился также своими литературными произведениями. Особое признание ему принесла новелла «Баллада о двух любовниках», которая в переводе на немецкий язык вплоть до середины XIX столетия оставалась одной из самых читаемых книг на всей территории Германии.

Особое место в литературном наследии Пия II занимают его исторические, географо-этнографические, а также биографические произведения.

В нашем случае особый интерес представляют труды, имеющие отношение к истории Пруссии и содержащие сообщения о сражении при Грюнвальде. Энеа Сильвио Пикколомини был активно задействован в процессах, которые Тевтонский орден вел при имперском дворе против Союза Прусских городов в 1453 году, а также в дипломатических переговорах, приведших к началу так называемой Тринадцатилетней войны 1454 – 1466 годов. И если обращение Энеа Сильвио Пикколомини к древней прусской истории являет собой заимствование из сочинений Птолемея или Иордана, дополненное довольно вольным пересказом местных легенд и мифов, а иногда и просто приукрашенное домыслами автора, то описание современных Пию II исторических событий носит большей частью мемуарный характер. При описании отношений между Польской Короной, Великим княжеством Литовским и Тевтонским орденом Энеа Сильвио Пикколомини руководствовался личными наблюдениями и рассказами очевидцев, в том числе, вероятно, и свидетельствами некоторых непосредственных участников Грюнвальдской битвы. Данное предположение подтверждается также тем обстоятельством, что Пий II показывает гораздо лучшую осведомлённость, чем другие западноевропейские хронисты того времени, в событиях сражения при Грюнвальде.

Реляции Энеа Сильвио Пикколомини о Грюнвальдской битве содержатся в нескольких его произведениях и существенно различаются по своему объёму, хотя в содержательной части имеют вполне определённое сходство.

Лаконичная записка о сражении была помещена им в работе «Энеа Сильвио епископ сиенский о землях и происхождении пруссов» («Enee Silvii episcope Senensis de situ et origine Pruthenorum»). Она представляет лишь

краткое упоминание о битве и сопутствующих событиях, мало чем отличаясь от сообщений большинства западноевропейских летописцев:

Наконец отцам нашим памятный Владислав, народами правивший мудро и большой души и культа религиозного достойный, войну объявил (Ордену). И незамедлительно собрался к битве и Витовта, брата своего, великого литовского князя, на помощь призвал, мужа своего времени – наисуровейшего и хитрости полного. Сражение в июль месяц состоялось, сражались в важнейшей битве, днём Марс неясно на чьей стороне был, поэтому там многие убиты были, в конце концов, пали жертвами орденские [братья]. Шестьсот всадников рода знатного в битве пало, людей же незнатных без числа погибло. Победитель польский овладел всей Пруссией, орденский замок Девы Марии осадил. Но вмешательством Сигизмунда императора провинция братьев была восстановлена, золото королю дали, [и] договор с обеих сторон постоянно нарушали.

Denique patrum nostrorum memoria Vladislao gentis regi prudentia et animi magnitudine et religionis cultu memorabili bellum indicunt. Is impigre prelium struit Vitoldumque fratrem suum, magnum Lituanie ducem, in auxilium vocat, virum sui temporis severissimum et astutiarum plenum. Prelium Julio mense committitur, pugnatum est summa contentione; diu Mars dubius fuit, multi hinc atque inde ceciderunt, ad ultimum victi religiosi corruunt. Sexcenti equites natu nobiles ea pugna periere; vulgus ignobile sine numero cesum. Victor Polonus omnem Prusciam invadit, religioni castellum beate Marie tantum remanet. Sed interveniente Sigismundo cesare provincia fratribus restituta est; aurum regi datum; fedus utrinque perpetuo ictum.[180]

Данное описание было сделано Энеа Сильвио Пикколомини, когда он занимал епископскую кафедру в Сиене, то есть предположительно между 1450-ым и 1456-ым годом. Оно лишь немногим короче описания данного в более раннем произведении будущего понтифика, содержащего краткие биографии ряда выдающихся его современников – «О мужах знаменитых» («De viris illustribus»). В данном сочинении, созданном предположительно во второй половине 1440-ых годов, Энеа Сильвио Пикколомини сообщает, что поляки были окружены крестоносцами, пока ещё не сумели построиться. Однако крестоносцы не захотели воспользоваться случаем и посредством герольдов вызвали противника на бой. Послы принесли Ягайле рыцарскую рукавицу, а

[180] Enee Silvii episcope Senensis de situ et origine Pruthenorum // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1870. – B. 4. – S. 219.

Витовту – меч. Витовт ответил послам в резкой форме. Когда же поляки были разбиты и обратились в бегство, князь воодушевил свое войско на битву, приказал полякам возобновить бой и разгромил противника. В битве пало 400 рыцарей Тевтонского ордена.[181]

Гораздо более подробные и информативные свидетельства о Грюнвальде представлены в другом произведении Пия II – «О Европе» («De Europa»), составными частями которой являются главы «О Ливонии» («De Livonia») и «О Пруссах» («De Pruthenis»). Труд «О Европе» был написан с использованием рассказов некоего проповедника, долгое время осуществлявшего миссионерскую деятельность в Литве, с которым Энеа Сильвио Пикколомини встречался во время работы Базельского церковного собора.

Реляция о Грюнвальдской битве помещена в главе, посвящённой Ливонии, и сохранилась до наших дней в нескольких более поздних компиляциях, включивших в себя главы из произведений Пия II. С достаточно значительными расхождениями в форме, но без существенных различий в основном содержании, эти сообщения сохранились в так называемых Арундельском[182] и Чигизском манускриптах.[183]

Чигизский вариант более обширен и включает дополнительно краткое описание борьбы между Витовтом и Тевтонским орденом, которая предшествовала походу союзных войск в Пруссию в 1410 году, отражая, таким образом, события Жмудского восстания 1409 – 1410 годов:

(Ягайло) …самому Витовту против магистра крестоносцев послал помощь, которая таким образом вместе с литовцами выступив, самого магистра крестоносцев и ливонцев покарали, многих убив. Среди которых Зигфрида, командира Рижского, человека воинственного, позорно убили. Также беспрестанно Витовт опустошал везде ленные владения крестоносцев и под Торунем, захватив богатую добычу, в Литву вернулся. Собрались поэтому господа крестоносцы против короля Польши Владислава, который против самих братьев

(Jagillo) eidem Vitoldo contra magistrum cruciferorum misit suppetias, quibus sic una cum Lytwanis coadunatis ipsum magistrum cruciferorum et Livonienses coercuerunt ac multos occiderunt. ínter quos Sifridum prepositum Rigensem hominem bellicosum neci dederunt. Venerat idem Vitoldus uhique dominia cruciferorum vastando usque Thorunii sicque magna abducens spolia in Ly-twaniam est reversus. Commoti ex hoc domini cruciferi contra regem Polonie Vladislaum, qui fratri contra ipsos suppecias dederat, ceperunt terram

[181] Piccolomineus, AE. S. De wiris illustribus / AE. S. Piccolomineus. – Stuttgardle: Sumtibus Societatls Litterbarle Stuttgardiensls, 1842. – S. 47–48.
[182] Ejusdem Enee Silvii Senensis episcope de Livonia // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1870. – B. 4. – S. 231–235.
[183] Der Bericht der Chigi'schen Handschrift // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1870. – B. 4. – S. 235–237.

поддержку оказывал, захватили и опустошили землю Куявскую, а также набеги делали, польское пограничье опустошая огнём и мечом.

Cuiaviensem devastare atque in Poloniam incursiones faceré vastantes Polonorum fines per ignem et gladium.[184]

Однако Чигизский манускрипт изобилует подробностями, которые отсутствуют в арундельской рукописи. Так, в нём вполне определённо указано место битвы – ***«поле, называемое Фрогенау»*** *(«campo qui dicitur Fridenaw»)*. Отводится, равно как и в «Хронике конфликта…», место для описания погодных явлений, случившихся в день битвы:

…и увлажнилось поэтому небо, мглой в тот день покрывшись, и небольшой дождь оросил сражение…

…a mane itaque illius diei nebulis celum tegentibus ac paucis imbribus irrorantibus ceptum est prelium...[185]

Приводятся данные по численности армий со стороны крестоносцев, которым

…около пятнадцати тысяч всадников, не считая своих, на помощь вся Германия, издавна преисполненная ненависти к полякам, прислала.

…prope XL milia equitum preter suos in adiutorium tota Germania prius perosa Polonos miserat.[186]

Следует особо отметить, что **эти данные по численности армии Тевтонского ордена приводят нам одну из самых малых цифр в сравнении со всеми другими известными нарративными источниками**.

Далее автор компиляции, помещённой в Чигизском манускрипте, приводит точные данные по потерям дворян и братьев-рыцарей в Грюнвальдской битве. Согласно его сообщению в бою пали:

– великий магистр Тевтонского ордена;
– сорок орденских комтуров;
– шестьсот конных рыцарей Ордена;
– восемьдесят «гостей» и наёмников рыцарского достоинства.

При этом указывается, что спастись бегством удалось «с трудом» пяти сотням воинов разных национальностей из всей армии.[187] По мнению автора в данном случае подразумевается также исключительно рыцарство.

---

[184] Der Bericht der Chigi'schen Handschrift // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1870. – B. 4. – S. 235.
[185] Der Bericht der Chigi'schen Handschrift // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1870. – B. 4. – S. 235.
[186] Der Bericht der Chigi'schen Handschrift // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1870. – B. 4. – S. 235.

Однако самым удивительным является сообщение компилятора о том, что «…поляки собрали народов разных важнейших пятьдесят хоругвей [и] с очень большой добычей, забранной у убитых, и с триумфом в Краков вернулись, у гроба Святого Станислава, который также в саркофаге находится, все знамёна вывесили, где и находятся по настоящий день». Подобные подробности указывают, вероятно, что автор компиляции лично видел вывешенные трофейные знамёна крестоносцев в Вавеле, так же как и могилу Святого Станислава, то есть бывал в Кракове; однако не исключена возможность, что он получил эти сведения от участников одного из польских посольств в Пруссии.

Тем не менее, оба списка сходятся в ключевых моментах при описании сражения. В обоих случаях указывается, что:

– армии противников расположились друг от друга на расстоянии в 20 стадиев (3700 метров);

– армия Великого княжества Литовского вступает в бой первой, в то время как польские отряды Ягайло оставляет в резерве;

– армия Витовта несёт большие потери, его воины «вырезаются как жертвенные животные», поскольку против них выставлены лучшие рыцари Ордена;

– накал битвы спадает вследствие усталости воинов;

– Ягайло вводит в бой резервные польские хоругви и обращает в бегство крестоносцев;

– в битве гибнет цвет рыцарства, включая великого магистра, членов верховного капитула, комтуров и братьев Ордена.

Данные положения в основном совпадают с сообщениями «Хроники конфликта…» и источников Ордена, то есть мы можем вполне определённо утверждать, что оба источника в полной мире коррелируются в базовой части.

В то же время, сравнение текстов Энеа Сильвио Пикколомини между собой наталкивает на мысль, что Чигизский список содержит существенно подправленную и уточнённую неизвестным лицом версию описания Грюнвальда, в то время как авторский текст Пия II соответствует или близок к версии, представленной в Арундельской рукописи. Таким образом, **Чигизский манускрипт выступает как отдельный исторический источник для исследования событий сражения при Грюнвальде**.

Лицо, внёсшее дополнения в текст Энеа Сильвио Пикколомини, показывает хорошую осведомлённость в событиях, которые происходили в Пруссии в XV столетии. В тексте компиляции мы видим двоякое отношение автора к Тевтонскому ордену. С одной стороны он показывает рыцарей героями, которые с честью приняли смерть в бою с «неверными»; с другой – даёт высокую оценку Ягайле и Витовту. Более того, автор фактически оправдывает вторжение польского короля в Пруссию, показывая её вполне адекватной реакцией на действия крестоносцев в отношении Польского королевства:

---

[187] Der Bericht der Chigi'schen Handschrift // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1870. – B. 4. – S. 236.

…крестоносцы против короля Польши Владислава, который против самих братьев поддержку оказывал, захватили и опустошили землю Куявскую, а также набеги делали, польское пограничье опустошая огнём и мечом. Владислав, видя, что змей извивающихся вырастил, в гневе войну против крестоносцев, в его земли вторгавшихся, возобновил…

…cruciferi contra regem Polonie Vladislaum, qui fratri contra ipsos suppecias dederat, ceperunt terram Cuiaviensem devastare atque in Poloniam incursiones faceré vastantes Polonorum fines per ignem et gladium. Vladislaus videns serpentes in sinu nutritos debacchari prelium contra cruciferos terre sue invasores instaurat...[188]

Если автор «Хроники конфликта…» представляет эпизод с вручением мечей польскому королю как оскорбительный, то неизвестный компилятор ничего удивительного в таком поведении великого магистра не находит, замечая, что это не более, чем обычай военного времени.[189]

Описание эпизода с мечами в Чигизском манускрипте в целом не противоречит сообщению «Хроники конфликта…», однако не соответствует сообщению из Арундельского списка, в котором сообщается, что:

…когда уже приблизительно в двадцати стадиях друг от друга войска стояли, полные надежд, и нетерпеливого нрава магистр крестоносцев герольда, который королю войну объявил и два меча, [которые должны были показать], чья будет победа, прислал в знак могущества, из которых пожелал, чтобы [один] враги выбрали, другой же себе вернуть приказал. Принял король охотно нунция и, подаренный посредством герольда, один меч оставил, другой вернул…

…postquam prope ad viginti ferme stadia uterque consedit exercitus spe plenus et impatiens more Pruthenicorum magister caduceatorem, qui bellum regi denunciaret et dúos enses, in quis staret victoria, misit facta potestate, ut quem vellet hostis eligeret; alterum sibi remitti iussit. Accepit Vladislaus alacer nuntium donatoque caduceatore uno retento gladio remisit alterum...[190]

Таким образом, реляция из Чигизского манускрипта о Грюнвальдской битве значительно превосходит познавательной ценностью и исторической

[188] Der Bericht der Chigi’schen Handschrift // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1870. – B. 4. – S. 236.
[189] Der Bericht der Chigi’schen Handschrift // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1870. – B. 4. – S. 236.
[190] Ejusdem Enee Silvii Senensis episcope de Livonia // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1870. – B. 4. – S. 233.

достоверностью остальные сообщения Энеа Сильвио Пикколомини, а также подтверждает и дополняет «Хронику конфликта…».

Обращение к Чигизскому манускрипту позволяет нам прояснить ряд частных вопросов, связанных со сражением при Грюнвальде.

Во-первых, манускрипт проливает свет на тактические планы сторон. Ульрих фон Юнгинген выставил наиболее хорошо вооружённых и опытных рыцарей для первоначальной сшибки, а остальных оставил в резерве. А Ягайло поступил противоположным образом, оставив в резерве цвет своего рыцарства. Данное предположение подтверждается свидетельством «Хроники конфликта…», которая сообщает:

…большая часть войск пруссов из отборных своих отрядов была построена напротив людей князя Витовта, хоругви Святого Георгия и хоругви нашей передней стражи.	*…majorque exercitus Prutenorum ex electis ipsorum aciebus fuere ad invicem ordinati super gentem ducis Vitoldi, banarium sancti Georgii et banarium nostrae primae aciei congressi.*[191]

Во-вторых, манускрипт подтверждает, что первым в бой вступило крыло, занимаемое хоругвями Витовта, и понесло тяжёлые потери в столкновении с элитными отрядами из армии Тевтонского ордена.

В-третьих, источник предоставляет ценные сведения по потерям Тевтонского ордена в Грюнвальдской битве, согласно которым на поле боя пало со стороны крестоносцев семьсот двадцать человек рыцарского достоинства, не считая простолюдинов, то есть горожан и наёмников незнатного происхождения. При этом наибольший урон понёс Орден, потерявший весь капитул, большую часть комтуров и фогтов – общим числом сорок, шестьсот братьев-рыцарей и вассальных дворян, обязанных нести земскую службу, и восемьдесят гостей и наёмников рыцарского звания.

[191] Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruceferis anno Christi 1410. // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 437.

3.5 «Хроника конфликта…» и «История Польши» Яна Длугоша

Ян Длугош родился в 1415 году, через четыре года после окончания войны, когда память о прошедших событиях была ещё достаточно сильна, в семье польского рыцаря Иоганна из Недельско, герба Перстина (Венова). Отец Яна Длугоша участвовал в Грюнвальдской битве и прославился тем, что захватил в бою командира бранденбургской хоругви Ордена Маркварда фон Зальцбаха, комтура Бранденбурга, который являлся личным врагом великого князя литовского Витовта, с несколькими рыцарями и самим знаменем.[192] Дядя Яна Длугоша, Бартоломей Клобуцки также являлся участником сражения при Грюнвальде, выполняя функции капеллана – военного священника.

Ян Длугош был четвёртым сыном в многодетной семье – только одних братьев у него было 13, хотя двое из них умерли ещё до его рождения. Определённые трудности возникают у историков при исследовании жизни польского хрониста в связи с тем, что все братья Яна Длугоша, кроме умерших до его рождения, так же как и его отец носили одинаковое имя – Ян, поэтому часто при обращении к источникам бывает трудно понять, о ком, собственно говоря, идёт речь.[193]

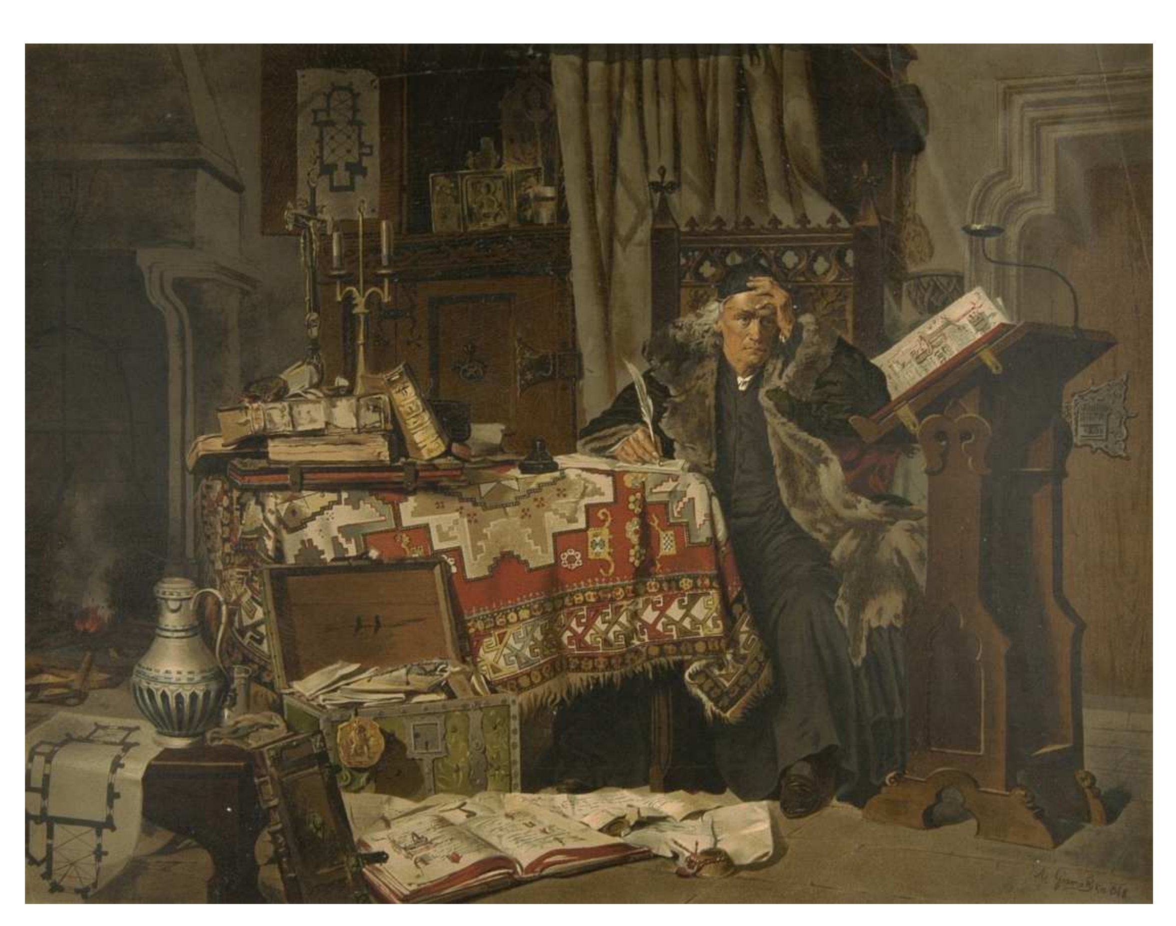

Рисунок 6. Ян Длугош. Литография Антония Граматыки (1878-1879)

[192] Górski, K. Jana Długosza Banderia Prutenorum. / K. Górski. – Warszawa, Państwowe Wydawn. Nauk., 1958. – S. 223.

[193] Семянчук, А.А. Беларуска-Літоўскія летапіс і польскія хронікі / А.А.Семянчук. – Гродна: Выдавецтва ГрДУ імя Я. Купалы, 2000. – С. 58.

Ян Длугош получил по тем временам хорошее образование: после окончания парафиальной и учёбы в кафедральной школе, он с 1428 по 1431 год обучался на философском факультете Краковского университета.[194]

С 1431 года Ян Длугош начинает работать в канцелярии краковского епископа Збигнева Олесьницкого, что открывает ему доступ к различным государственным и церковным документам. Возможность использования актового материала, а также личное знакомство с людьми, участвовавшими в войне 1409 – 1411 годов, такими как Збигнев Олесьницки, дядя Яна Бартоломей Клобуцки и другие, позволило Яну Длугошу впоследствии создать самое обширное описание Великой войны с Тевтонским орденом в средневековом летописании.[195]

В 1436 году Ян Длугош становится краковским каноником, выполняя при этом ряд административных функций в капитуле Кракова. Здесь он получает доступ к капитулярному архиву и библиотеке, содержащей, кроме прочего, списки с ранними польскими летописями.

С 1440 года Ян Длугош начинает работать над «Реестром привилеев Краковского диоцеза» («Liber beneficiorum dioecesis Cracoviensis»), который писал с перерывами до самой смерти.[196]

С 1448 года Ян Длугош трудится над созданием «Прусских хоругвей» («Banderia Pruthenorum»). Данная рукопись содержит описание знамён, захваченных в Грюнвальдской битве и в битве под Короновым в 1410 году, а также четырёх хоругвей, захваченных в битве под Наклом 13 сентября 1431 года.[197] Ян Длугош велел нарисовать хоругви на пергаменте и написал к ним объяснения. Автором большинства (а возможно, и всех) рисунков является Станислав Дуринк. На манускрипте надписи сделаны тремя разными почерками. Первый принадлежит Яну Длугошу, который поместил короткие сообщения о хоругвях. Вторым сделаны дополнения к тексту Яна Длугоша. Записи, сделанные третьим почерком, носят технический характер, так как содержат размеры хоругвей в локтях. Если записи, сделанные первой рукой можно точно датировать и авторизовать, то происхождение дополнений, сделанных второй рукой, носит дискуссионный характер. В исторической литературе существует несколько версий. Согласно первой, дополнения сделаны под диктовку самого Яна Длугоша, согласно второй – кем-то из братьев Яна Длугоша с его согласия, наконец, просто неизвестным лицом. Судя из приписки к описанию Гданьской хоругви о смене королём Казимиром герба

---

[194] Семянчук, А.А. Беларуска-Літоўскія летапіс і польскія хронікі / А.А.Семянчук. – Гродна: Выдавецтва ГрДУ імя Я. Купалы, 2000. – С. 58.
[195] Семянчук, А.А. Беларуска-Літоўскія летапіс і польскія хронікі / А.А.Семянчук. – Гродна: Выдавецтва ГрДУ імя Я. Купалы, 2000. – С. 58.
[196] Семянчук, А.А. Беларуска-Літоўскія летапіс і польскія хронікі / А.А.Семянчук. – Гродна: Выдавецтва ГрДУ імя Я. Купалы, 2000. – С. 59.
[197] Górski, K. Jana Długosza Banderia Prutenorum. / K. Górski. – Warszawa, Państwowe Wydawn. Nauk., 1958. – 338 s.

города Гданьска, которая произошла в 1457 году, следует считать, что добавления производились уже в последующие годы.[198]

В «Прусских хоругвях» описаны пятьдесят шесть трофейных знамён, вывешенных в краковском костёле Святого Станислава. При этом к периоду Великой войны относятся только пятьдесят две хоругви. При их описании Яну Длугошу не было известно, кому принадлежали пять хоругвей: двадцать шестая, двадцать седьмая, тридцать седьмая, сороковая и пятидесятая, обозначенные соответственно «рыцарей немецких», «племён и народов швейцарских», «рыцарей рейнских и немецких», «рыцарей Мишны (Мейсена)» («Мишны» дописано второй рукой) и «комтурства, замка и города Гнев» (всё написано второй рукой).[199] В тридцати одном случае указаны командиры хоругвей. При этом Ян Длугош допускает ряд неточностей.

В своём труде Ян Длугош, а также обладатель второго почерка, указывают численность в семь хоругвей, принимавших участие в Грюнвальдской битве: Рейнская – шестьдесят копий, Мишненская – восемьдесят копий, Гданьская – сто копий, Торуньская – восемьдесят копий, вторая Гданьская – семьдесят копий, епископа Вармийского – сто и выше копий и Гневская – восемьдесят копий.[200]

На настоящий момент «Прусские знамёна» Яна Длугоша являются уникальным источником. Это единственное в своём роде сочинение эпохи средних веков, содержащее точные изображения военных знамён.

Самое обширное и значительное произведение Яна Длугоша – «История Польши» было написано в период между 1455 и 1480 годами.

События, связанные с войной, содержатся в десятой и одиннадцатой книгах двенадцатитомной «Истории Польши», написанной Яном Длугошем.

В 1962 году издательством академии наук СССР была опубликована в переводе на русский язык часть «Истории Польши», в которой повествуется о событиях с 1386 года по 1411 год, что сделало доступным данный источник не только для отечественных исследователей, но и для всех интересующихся историей средних веков.[201] Ян Длугош очень подробно описал дипломатическую, а также военную борьбу Польши и Великого княжества Литовского против Тевтонского ордена. Некоторые акты и документы, имевшие отношение к событиям, приведены им частично или полностью. В качестве повода, приведшего к войне, указывается инцидент с захватом Тевтонским орденом двадцати судов с хлебом, посланных Ягайлой Витовту, а также восстание в Жмуди и отпадение её от Тевтонского ордена.[202] Начало военных действий датируется Длугошем 14 августа 1409 года, когда крестоносцы осадили замок Добжин, что не совпадает с сообщением

[198] Górski, K. Jana Długosza Banderia Prutenorum. / K. Górski. – Warszawa, Państwowe Wydawn. Nauk., 1958. – S. 235.
[199] Górski, K. Jana Długosza Banderia Prutenorum. / K. Górski.. – Warszawa, Państwowe Wydawn. Nauk., 1958. – S. 163, 167, 207, 219, 259.
[200] Górski, K. Jana Długosza Banderia Prutenorum. / K. Górski.. – Warszawa, Państwowe Wydawn. Nauk., 1958. – S. 207, 219, 235, 243, 251, 255, 259.
[201] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 216 с.
[202] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 45–46.

продолжателя Яна фон Поссильге, который датировал начало войны 16 августа.[203] После краткого описания военных действий в 1409 году Ян Длугош подробно описывает подготовку к походу в Пруссию, которую проводили Ягайло и Витовт после заключения перемирия с Тевтонским орденом до Дня Святого Иоанна Крестителя (24 июня) для вынесения третейского решения Венцеслава Люксембурга, короля Чехии. Подготовка заключалась в заготовке провианта, вербовке наёмников, мобилизации рыцарства на войну (в том числе привлечение польского рыцарства, состоявшего на службе при иностранных дворах), написании жалоб, стратегическом планировании военных действий и постройке понтонного моста для переправы войск через Вислу.[204] Центральное место на страницах, посвящённых войне, отводится описанию кампании 1410 года. Согласно стратегическому замыслу, Ягайло и Витовт объединили свои армии в районе Червиньска, после переправы поляков через Вислу, и двинулись в направлении столицы Тевтонского ордена – Мальборка. Сведения о продвижении союзников до места сражения у Грюнвальда, приведённые Яном Длугошем, несколько расходятся с версией, представленной в «Хронике конфликта». Данное расхождение выглядит следующим образом:

День	Хроника конфликта	**Длугош**
Иоанна Крестителя 24.06, вторник	*Прибытие в Вольбож*	*Прибытие в Вольбож*
Четверг 26.06	*Выступление из Вольбожа, прибытие в деревню Любохня*	*Выступление из Вольбожа, прибытие в Любохню*
Пятница 27.06	Прибытие к Висле, начало переправы	Прибытие в Высоконицы
Суббота 28.06		Прибытие в Сеймицы
Петра и Павла 29.06, воскресенье		Прибытие в Козлово
Понедельник 30.06		Прибытие к Висле возле Козениц, выше Червиньского монастыря, начало переправы
Четверг 03.07		Отход от Вислы, достижение Жохова
Пятница 04.07		Выступление из Жохова, остановка у неизвестного селения
Суббота 05.07		Достижение селения Ежово
Воскресенье 06.07	*Вторжение в земли, заложенные крестоносцам Земовитом Мазовецким*	*Достижение реки Вкра. Вторжение в земли, заложенные крестоносцам Земовитом Мазовецким*
Понедельник 07.07		Прибытие в Бендзино над Вкрой
Среда 09.07	Вторжение на территорию Ордена, остановка на поле вблизи Малого Ольштына	Отход из-под Бендзино, вторжение на территорию Ордена и продвижение на расстояние в 2 мили. Смотр знамён, продвижение и остановка меду двух озёр – Тщино и Хелст у Лютерерга

[203] Possilge, J. Chronik des Landes Preussen / J. Possilge // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 301.
[204] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 49–68.

		(Лидзбарк).
Четверг 10.07	*Продвижение на расстояние 2 миль*	*Продвижение на 2 мили* и прибытие к озеру Рубково вблизи Кужетника
Пятница 11.07	Остановка возле Домбровно	Возвращение на стоянку у Лютенберга, продвижение и остановка в селении Высокое близ Дзялдово
Маргариты 13.07, воскресенье	*Штурм и взятие Домбровно*	Продвижение и остановка у озера в полумиле у Домровна. *Штурм и взятие Домбровно*.

Само описание маршрута хотя и совпадает в ключевых моментах, однако имеет достаточно существенные отличия.

Если «Хроника конфликта…» сообщает нам, что Ягайло

…дошёл в пятницу до реки Вислы и через указанную реку вместе с частью своих войск, которые в то время ещё целиком не собрались у него, а также с орудиями, машинами и другими военными приспособлениями, без какого-нибудь вреда и опасности переправился по мосту удивительной конструкции, перейдя который, встретил с великой радостью и удовольствием своего брата, наиславнейшего князя литовского…

…feria VI ad flumen Vysla venit et per eundem fluvium cum aliquibus suis exercitibus, ex quo nondum ad eum omnes convenerant, et cum pixidibus, machinamentis ceterisque bellicosis instrumentis pontem mirabili structura compositum sine aliquo damno et periculo pertransivit. Quo pertransito cum praeclaro principe Alexandro, cognomine Vitoldo, fratre suo, duce Litwaniae…[205]

Ян Длугош же, сначала столь же лаконично свидетельствуя, что польский король ***«подошёл к Висле выше Червиньского монастыря, к месту, где был наведён мост, сооружённый на лодках у Козениц; и в тот же день …перешёл мост и реку, и за ним последовало всё войско в предписанном порядке, с телегами, нагруженными бомбардами и продовольствием, и прочим обозом»***,[206] далее красочно описывает процесс переправы, подробно освещая организационные моменты, такие, например, как выставление у понтонной переправы отряда рыцарей, в чьи обязанности входило следить за тем, что бы в ходе преодоление Вислы происходило постепенно и неорганизованно без давки и суеты.[207]

При описании венгерского посольства к польскому королю Ян Длугош указывает, что они прибыли в лагерь союзников 5 июля, в то время как согласно «Хронике конфликта…» Николай де Гара и Стиборий из Стибожиц

[205] Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruceferis anno Christi 1410. // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 434.
[206] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 68.
[207] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 69.

приехали к Ягайле уже 2 июля.[208] Краткое повествование «Хроники конфликта…» о предложении королём Венгрии своего посредничества между союзниками и Тевтонским орденом, а также выдвинутых королём Ягайлой условий мира, отвергнутых великим магистром, трансформируется в версии Яна Длугоша в обширный рассказ о том, как Ягайло принял посредничество венгерских послов, предложив им «справедливые» условия мирного соглашения. Он потребовал, чтобы Жемайтия была отдана Великому княжеству Литовскому, а Добжиньская земля возвращена Польской Короне. По мнению хрониста, король даже соглашался подчиниться третейскому решению Сигизмунда фон Люксембурга относительно возмещения причинённого им ущерба крестоносцам. Ян Длугош скрупулёзно описывает капитул, якобы собранный Ульрихом фон Юнгингеном для обсуждения мирных предложений противной стороны. При этом происходит перечисление всех членов капитула поимённо, и даже передаются некоторые диалоги.[209] Создаётся впечатление, что *он лично там присутствовал, хотя нам доподлинно известно, что это невозможно*!

Тем не менее, рассматривая данный дискурс в «Хронике конфликта…», мы можем вполне определёно соотнести его с описанием Длугоша, которое содержит в себе все положения хроники.

В обоих случаях:

– Николай де Гара и Стиборий из Стибожиц предлагают посредничество в заключении мирного соглашения между воюющими сторонами;

– Ягайло принимает посредничество и выражает готовность заключить мир;

– Ульрих фон Юнгинген отвергает предложения польского короля по причине того, что эти предложения поступили уже после начала вторжения на территорию Ордена, а посему, по мнению великого магистра, Ягайло и Витовт должны понести наказание за свою агрессию.

Далее упоминание «Хроники конфликта…», согласно которому король Польши вторгся на территорию Ордена ***«во всей силе, и развернул хоругви напоказ и знаки (отличия) и приказал отрядам собраться на определённом поле вблизи Малого Ольштына…»*** у Яна Длугоша описывается как некий религиозный ритуал. Он сообщает, что союзники прибыли на ***«ровное место какого-то поля»***, где ***«впервые были раскрыты и развёрнуты с редкостным и особенным благоговением и сосредоточенностью воинские знамёна, числом восемьдесят два, как собственно королевские и Александра, великого князя Литвы, так и князей Мазовии Земовита и Януша и вельмож Польши»***.[210] При этом впоследствии он же описывает пятьдесят одну польскую хоругвь и сорок хоругвей Великого княжества Литовского – всего девяносто одно знамя.[211] Ян Длугош пишет, что при развертывании знамён произносились

[208] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 71.
[209] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 73–79.
[210] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 73.
[211] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 87–91.

молитвы и даже приводит текст молитвы Ягайло. Апогеем же действа стало коллективное пение «Богородицы», которая, судя по сообщениям «отца польской истории», являлось своеобразным военным гимном в Польше.[212]

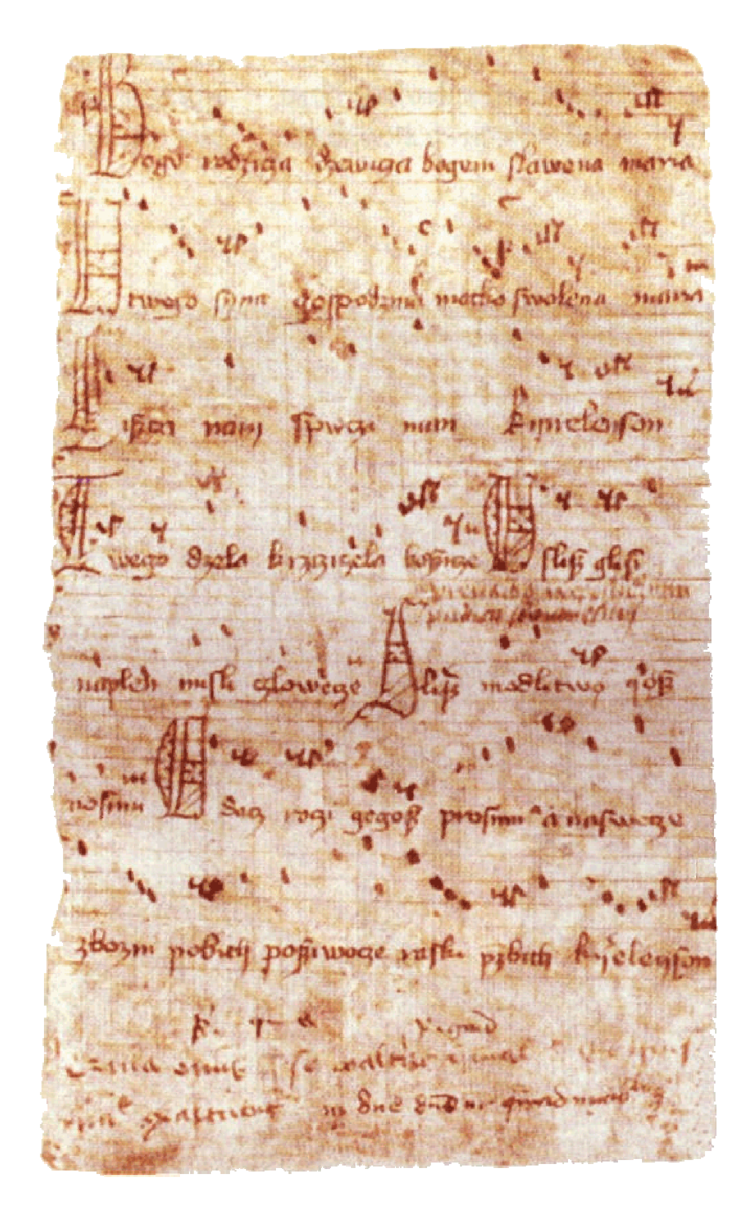

Рисунок 7. Наиболее древний из известных список "Богородицы" (конец XIV века)

Вступление в Мазовию сопровождалось проявлением жестокости в отношении местного населения. Реляция «Хроники конфликта…» об этом заключена в двух предложениях:

В лагере были схвачены те, кто забыл о собственном спасении и кто отважился ворваться в дома Божьи и грабить их. Со всей серьёзностью им было приказано, чтобы сами себя, собственными

In stationibus deprehensi fuere quidam salutis propriae immemores, qui domos dei ausi fuerunt intrare et praedas committere in eisdem; cum omni decreto damnati sunt, quod se ipsos manibus propriis deberent suspendere, quod

[212] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 73–74.

руками повесили, что те были вынуждены исполнить. *ipsos facere opportebat.*[213]

У Яна Длугоша данный эпизод «обрастает подробностями». Он вполне определённо перекладывает вину за жестокость и беззакония на армию Великого княжества Литовского. Так, в его «Истории Польши» читаем следующее:

«В тот же день произошёл новый и неслыханный случай: видя, что литовцы и татары грабят, бесчинствуя, церкви и совершают варварские насилия над женщинами и девушками, а при ограблении одной из церквей выбросили из алтаря святые дары на потеху и посрамление… король Владислав велел произвести строжайший розыск грабителей церквей и осквернителей святейших даров. Когда же ему были предоставлены двое литовцев, наиболее виновных, то по велению великого князя литовского Александра их заставили самих себя повесить. Исполняя веление князя Александра, они сначала ставят виселицу, сколоченную своими руками; затем без всякого понуждения всходят на неё, и, наконец, сами накидывают себе на шею петлю; при этом один понукает другого, который, казалось ему, слишком медлит, скорее выполнить приказание, пока гнев князя не воспламенился сильнее».[214]

Описывая дальнейшее продвижение союзников, автор «Хроники конфликта…» объясняет изменение маршрута, по которому следовали армии, тем, что оно было вызвано естественными преградами, а именно рекой Дрвенцей, которую войска вынуждены были обойти у истоков, чтобы избежать неоправданных потерь.

Как и «Хроника конфликта…», Ян Длугош также сообщает об оставленных союзниками возле Дрвенцы каменных ядрах, однако подробно описывает сомнения магистра по поводу отступления польских и литовских войск.

У Яна Длугоша река Дрвенца на пути следования союзных армий предстаёт укреплённой ***«высоким частоколом»*** по ***«обоим берегам»***. В связи с этим, как сообщает польский хронист, Ягайло, вняв поступавшим ему советам, повернул назад, чтобы, обойдя Дрвенцу у истоков, ***«избежать опасности вести бой в открытом сражении»,*** а также ***«ненужного труда по постройке мостов».***[215] Однако через несколько страниц он же пишет, что Ульрих фон Юнгинген, дойдя с армией до замка Братиан, приказал построить ***«двенадцать мостов»,*** чтобы переправиться через реку и преследовать отступавших, скрытно направляясь к их лагерю, то есть для крестоносцев это большого и «ненужного» труда, согласно мнению Яна Длугоша, не составляло, поскольку магистр был ослеплён гордыней и искал генеральной битвы.[216] В то же время, немецкие источники, такие как Торуньские анналы и продолжение хроники Яна фон Поссильге прямо пишут, что только после зверств, учинённых союзниками после взятия Домбровно,

[213] Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruceferis anno Christi 1410. // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 435.
[214] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 74–75.
[215] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 79.
[216] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 81–82.

разгневанный великий магистр спешно выступил на защиту своих подданных. При этом крестоносцы вышли из Любавы (в Торуньских анналах из Лаутербурга), где находились ещё 14 июля, а не из Братиана, как это сообщает Ян Длугош.[217] То есть польский летописец неверно передаёт сведения о передвижениях войск Ордена от Дрвенцы к Танненбергу. Далее Ян Длугош сам себе противоречит, практически повторяя сообщение немецких хроник. Так, он пишет, что ***«услышав из донесений разведчиков, что польский король Владислав взял приступом и сжёг Домбровно…, магистр Пруссии Ульрих в сильном гневе решил, что нельзя дальше откладывать битву, а надо как можно раньше вступить в сражение всеми решительно силами, и двинулся, сколь мог поспешно, чтобы напасть на короля»***.[218]

Само взятие Домбровно Ян Длугош приписывает польским рыцарям, которые действовали, однако, без приказа короля Ягайлы. По его свидетельству, польские рыцари разграбили и сожгли город, вырезав почти всё его население без всякой жалости, пылая жаждой отмщения за опустошение крестоносцами Добжиньской земли. Данное сообщение противоречит как свидетельству «Хроники конфликта…», так и немецким источником. Торуньские анналы сообщают, что в Домбровно подвергли осквернению святыни и разграбили город татары. Продолжатель Яна фон Поссильге обвиняет в святотатствах язычников, имея в виду тех же татар и литовцев.[219] Наконец, даже в обвинительном акте Тевтонского ордена против поляков, выставленном на Констанцком соборе, крестоносцы не обвинили в резне и осквернении церквей в Домбровно поляков, но, напротив, заявили, что:

…татары и какие-то другие неверные из людей короля, которых считают русскими, город Гильгенбург предательски захватили, в котором муки вечные в наказание заслужили…

…thartari et nonnulli alii infidelis ex gentibus regis oppidum Gilgenburg, quod in metis est Russie, proditorie intraverunt in quo stragem indelebilem commiserunt…[220]

«Хроника конфликта…» дипломатично и как бы вскользь сообщает, что:

…в пятницу, перед праздником Святой Маргариты, король стал лагерем в трёх милях от города

…feria VI ante festum Margaretae fecit rex stationes suas per tria miliaria a civitate Dubrowno, quam ipso die

---

[217] Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 315.
[218] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 84.
[219] Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 315–316.
[220] Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae. 1376-1430 // Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia / Collectus opera A. Prochaska. – Cracoviae: Academia Literarum Crac.,Sumptibus Academiae Literarum Crac., Typis Vlad. L. Anezye et Com, 1882. – T. 6. – S. 1031.

Домбровно, который в самый день Святой Маргариты силой захватил. В том лагере отдыхал два дня, и, двинувшись из того же самого лагеря, стал около самого города. И под вечер приказал захватить город не своему рыцарству, а горожанам...

Margaretae aquisivit violenter. In quibus stationibus pausavit per duos dies et ipso die S. Margaretae de eisdem stationibus recedens circa civitatem praedictam castra metatus est. Et circa vesperam civitatem praedictam tantum communi populo et non militiae suae expugnare mandavit…[221]

Откуда там взялись городские жители (communi populi) совершенно непонятно. В Польше горожане в средние века не принимали участие в заграничных кампаниях, в Великом княжестве Литовском так же, как это следует из привилея Ягайлы от 1387 года: ***«согласно древнему обычаю, военный поход остаётся обязанностью, которая осуществляется собственными затратами и расходами. В том же случае, если придётся преследовать врагов, неприятелей наших, которые бы убегали с нашей литовской земли, то для этого рода преследования, которое по-народному называется погоней, обязуются отправляться не только рыцари, но и каждый мужчина, какого бы он не был происхождения или состояния, только бы он был способен носить оружие»***.[222] В то же время, если свидетельство «Хроники конфликта…» ещё можно рассматривать, как попытку скрыть святотатства, совершённые в Домбровно **язычниками**, которые находились в армии Великого княжества Литовского, то описание Яна Длугоша является ещё более неправдоподобным. Ягайло, который накануне поднимает вопрос о наказании смертью осквернителей храмов в Мазовии, теряет контроль над польской армией, состоящей из католиков, которые без его приказа самовольно захватывают и грабят город. Причём этот случай не вызывает никакой его реакции.

Все немецкие источники в один голос обвиняют в резне и святотатствах в Домбровно татар и армию Витовта. Следует заметить, что именно резня в Домбровно заставляет Ульриха фон Юнгингена срочно пойти на сближение с противником и дать генеральное сражение, то есть служит непосредственным поводом, приведшим к сражению при Грюнвальде. Данное замечание не исключает возможности того, что захват и разграбление Домбровно носили характер провокации. Тогда становится вполне понятным обвинение автором «Хроники конфликта…» в святотатствах мифических горожан, которых на самом деле под Домбровно быть не могло.

Следующее в хронике за взятием Домбровно описание ночи перед Грюнвальдской битвой вызвало споры в историографии. Так, Франц Тунерт посчитал, что при описании погодных явлений, случившихся в ночь с 14 на 15 июля 1410 года, автор «Хроники конфликта…» допустил ряд противоречий,

[221] Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruceferis anno Christi 1410. // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 435.
[222] № 1 – 1387. II. 20. Ліст вялікага князя Ягайлы // Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах / Склалі: ак. В.К.Шчарбакоў, К.І.Кернажыцкі, Д.І.Даўгяла. – Менск, 1936. – Т. 1. – С. 210–211.

которые отсутствуют у Яна Длугоша. Но уже Александр Барбашев подверг его точку зрения аргументированной критике.[223]

Действительно, «Хроника конфликта…» сообщает, что ночью накануне битвы шёл дождь с грозой и бушевала буря, которая повалила шатры и палатки в лагере союзников. При этом летописец ссылается на свидетельства очевидцев, которые в ту ночь наблюдали красный месяц в небе, который указывал как бы на красный меч над собой.

В данном свидетельстве Франц Тунерт усмотрел противоречие: луна не могла быть видна в бурную дождливую ночь.[224] Однако немецкий исследователь не учёл при этом особенности климатических условий в Прибалтике, где кардинальные перемены в погоде в течение даже одних суток *являются вполне обычным явлением*. Короткие ливневые дожди, сменяющиеся периодами прояснений – абсолютно ординарные местные погодные условия в летнее время года.

Таким образом, *«Хроника конфликта…» не содержит в данном контексте никаких противоречий*. Сообщение о красном месяце, указывающем на «красный меч» тоже не выглядит чем-то из ряда вон выходящим. Красная окраска луны на закате – также вполне обычный феномен в этих широтах.

Что касается «небесного меча», то если представить себе просвет в облаках над луной в последних лучах заходящего солнца и совсем немного дать волю фантазии – мы получим великолепный образ, приведённый хронистом, тем не менее, всё-таки со ссылкой на свидетельства очевидцев: дескать, «за что купил, за то и продаю». Как мы видим, опять нет фактических противоречий в реляциях «Хроники конфликта…».

В то же время значительные противоречия содержит описание ночи перед боем, представленное Яном Длугошем.

Первоначально «отец польской истории» рисует перед нами картину тихой и ясной ночи, когда в небе была видна луна. Однако упоминание, помещённое в «Хронике конфликта…», о том, что, по свидетельству рыцарей, ***«достойных доверия»***, серп луны указывал наподобие красного меча в небе, у Яна Длугоша трансформируется в фантастическое описание того, как, по свидетельству мужей, ***«достойных доверия»***, многие наблюдали картину небесного сражения, которое вели на фоне диска луны король и монах, и в котором монах был побеждён.[225]

В данном случае дуалистическая трактовка событий, данная краковским каноником, вполне очевидна. Победа, таким образом, объясняется Господним промыслом, имеющим целью наказать крестоносцев за чрезмерную гордыню. Естественно, добавление в рассказ мистических подробностей, пусть даже и невероятных, было призвано существенно (всё ведь происходит по воле Божьей) подкрепить позицию, занимаемую летописцем. Данная тенденция

---

[223] Барбашев, А. Танненбергская битва / А. Барабашев // Журн. М-ва нар. просвещ. – 1887. – Т. 154, № 12. – С. 151–194.

[224] Thunert, F. Der grosse Krieg zwishen Polen und dem Deutschen Orden 1410 bis 1 Februar 1411 / F. Thunert // Zeitschrift des Westpreussischen Geschichtsvereins. – Danzig, 1886. – Bd. 16. – S. 93–101.

[225] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 85.

мистического обоснования справедливости для польско-литовской стороны происходящих событий вполне отчётливо прослеживается на протяжении всего повествования о битве, помещённом в «Истории Польши»: впоследствии, при описании самого Грюнвальдского сражения, Ян Длугош пишет, что многие видели над армией союзников небесного покровителя Польского королевства – Святого Станислава, который будто бы вёл союзное рыцарство в бой.[226]

Далее у Яна Длугоша находим очень странное свидетельство:

…наступившая же ночь в королевском лагере была благоприятной и тихой, которая в армии крестоносцев по-другому протекала. Буря, очевидно сильная, все шатры на землю повалила, и ночь почти вся бессонной прошла.

…subsequens autem nox in stativis regiis benigna et pacifica erat, cujus in exercitu cruciferico dispar erat facies. Ventus quipped validus singula tabernaculis quationdo solo prostraverat, noctemque pene insomnet transegerant.[227]

Данная реляция может рассматриваться исключительно как выдумка летописца, в пользу чего свидетельствует ряд замечаний.

Во-первых, следуя из дальнейшего повествования как «Хроники конфликта…», так и «Истории Польши» Яна Длугоша, армии союзников и крестоносцы «наткнулись» друг на друга только в день битвы – 15 июля, что явилось для Ягайлы, исходя из свидетельств источников, полной неожиданностью.

Во-вторых, как сообщает продолжатель хроники Яна фон Поссильге, магистр располагался в Любаве, откуда спешно прошёл три мили и достиг Танненберга в день Рассеяния Апостолов, то есть 15 июля.[228] Таким образом, в ночь с 14 на 15 июля лагерь союзников располагался под Домбровно, а лагерь армии Тевтонского ордена у Любавы – то есть на расстоянии примерно 20 – 25 километров один от другого. *Союзники попросту не могли знать, какая погода была в лагере крестоносцев*.

Наконец, Ян Длугош, скорее всего, попросту извратил сообщение «Хроники конфликта…» о буре в лагере Польши и Великого княжества Литовского, переделав его в соответствии со своей августианской дуалистической концепцией в бурю над лагерем врага, поскольку использовал при описании погоды накануне сражения те же самые слова, что и «Хроника конфликта…»: ***«coruscationes»*** – вспышки, ***«fulgura»*** – сверкание, ***«pluvia»*** – дождь.[229]

[226] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 86.
[227] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 85.
[228] Johanns's von Posilge officials von Pomesanien, Chronic des landes Preussen (von 1360 an, fortgesetzt bis 1419) // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 315–316.
[229] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 85.

Отсюда напрашивается вполне определённый вывод: вероятнее всего, основным первоисточником для Яна Длугоша послужила именно «Хроника конфликта…», сообщения которой он существенно дополнил иногда откровенными домыслами либо слухами, овевая канву повествования мистическим ореолом чудесных явлений.

При этом летописец при помощи мистических дополнений преследует вполне определённую цель представить поражение крестоносцев карой Господней. Само сражение при Грюнвальде у Яна Длугоша обретает сакральный характер.

Таким образом, правдивая передача случившихся событий Великой войны 1409 – 1411 годов у Яна Длугоша отходит на второй план, в то время как вперёд выступает обоснование правоты в конфликте с Тевтонским орденом Польского королевства и Великого княжества Литовского путём представления поражения крестоносцев как реализации высшей – Божьей – справедливости, пускай и путём искажения и мистификации реально произошедших событий.

Сравнительный анализ «Хроники конфликта…» и реляций Яна Длугоша позволяет также ответить на ряд вопросов, связанных с организацией армий, принявших участие в сражении при Грюнвальде.

В отношении количества хоругвей Польши и ВКЛ, представленных во время Великой войны 1409 – 1411 годов, сообщения Яна Длугоша носят противоречивый характер.

Сначала он пишет, что войска Ягайлы и Витовта выступили из селения Бендзино и, достигнув какого-то поля, впервые развернули воинские знамёна – общим числом восемьдесят два,[230] затем опровергает указанную первоначально цифру, подробно перечисляя пятьдесят польских хоругвей и сорок хоругвей Великого княжества Литовского, тридцать из которых имели на знамени изображение «погони», а остальные десять – изображения «гедиминовых столпов».[231]

Хоругвь литовского князя Сигизмунда Корибута ошибочно указывается Яном Длугошем два раза – как пятьдесят первая польская и отдельно как литовская.[232] Польский рыцарь Флориан из Корытниц упоминается как сражавшийся в первом ряду большей краковской хоругви и в качестве командира сорок восьмой хоругви братьев и рыцарей герба Козлероги.[233]

Кроме прочего, Ян Сокол и Семён Лингвен упоминаются сначала как командиры хоругвей, а после как рыцари из отряда королевских телохранителей.[234]

Основные данные о количестве и составе хоругвей Польского королевства, содержащиеся в «Истории Польши» Яна Длугоша представлены в следующей таблице:

[230] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 73.
[231] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 88–91.
[232] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 90–91.
[233] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 88–91.
[234] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 87–90.

Хоругвь	Рыцари в хоругвях	Описание знамени	Реконструкция знамени[235]
<u>1. Большая Краковская.</u> **Командир:** *Зиндрам из Машковиц.* **Знаменосец:** *Марцин из Вроцимовиц герба Полукозы.*	**Рыцари в первом ряду:** 1. Завиша Чарный из Гарбова, 2. ***<u>Флориан из Корытниц</u>***, 3. Домарат из Кобылян, 4. Скарбек из Гур, 5. Павел Злодзей из Бискупиц, 6. Ян Варшовский, 7. Станислав из Харбиновиц, 8. Якса из Тарговиска.	Белый орёл, увенчанный короной с распростёртыми крыльями на красном поле.	
<u>2. Гонча.</u> **Командир:** *Енджей из Брохоциц герба Озория.*	**Рыцари в первом ряду:** 1. Ян Сумик из Набжоз, 2. Бартош из Пломикова, 3. Ярослав из Пломикова, 4. Добеслав Оквия, 5. чех Зигмунд Пиква.	Двойной жёлтый крест на лазурном поле.	
<u>3. Дворцовых чинов.</u> **Командиры:** *Енджей Цолек из Желехова и Ян из Спрова.*	**Рыцари в первом ряду:** 1. Мщуй из Скшинна, 2. Александр Горайский, 3. Миколай Повала из Тачева, 4. Сасим из Выхуча.	Воин в доспехах на белом коне с мечом в руке на красном поле.	

[235] Приводится по изданию Klein, A. Sekunda N. Czernielewski K. Banderia apud Grunwald. Chorągwie polski pod Grunwaldem / A. Klein, N. Sekunda, K. Czernielewski. – Łodź: Aleksander s.c., 2000. – 128 s. Исключение составляют несколько случаев, когда авторы указанной работы отошли от описания замен, представленного Яном Длугошем.

<u>4. Святого Георгия</u> **Командиры:** *чехи **<u>Ян Сокол</u>** и Збиславек.* **Знаменосец:** *чех Ян Сарновский.*	1. Явор, 2. Сигизмунд, 3. Раковец из Ракова.	Белый крест на красном поле.	
<u>5. Земли Познаньской.</u>		Белый орёл без короны на красном поле.	
<u>6. Земли Сандомежской.</u>		На одной половине три серые полосы или четыре на красном поле, на другой – семь звёзд на лазурном поле.	
<u>7. Калишская.</u>		Бычья голова с кольцом в носу на шахматной доске, украшенная королевским венцом.	
<u>8. Земли Серадзской.</u>		На одной половине половина белого орла на красном поле, на другой – половина огненного льва на белом поле.	

9. Земли Люблинской.		Олень с длинными рогами на белом поле.	
10. Земли Ленчицкой.		Половина чёрного орла и половину белого льва на желтом поле.	
11. Земли Куявской.		Половина чёрного орла на жёлтом поле и половина чёрного льва на красном поле.	
12. Земли Леопольской.		Жёлтый лев, как бы восходящий на скалу на лазурном поле.	
13. Земли Велюньской.	Из-за малочисленности добавлены наёмники из Силезии.	Косая белая черта, разделяющая красное поле.	

14. Земли Пшемыславской.		Жёлтый орёл с двумя головами, повёрнутыми в разные стороны на лазурном поле.	
15. Земли Добжиньской.		Старик до бёдер с короной на голове и рогами на жёлтом поле.	
16. Земли Холмской.		Белый медведь, стоящий между двумя зелёными деревьями на красном поле.	
17, 18, 19. Подольские.		Три знамени с солнечным ликом на красном поле.	
20. Земли Галицкой.		Чёрная галка с короной на голове на белом поле.	

21, 22 Князя Мазовии Земовита.		Белый орёл без короны на красном поле.	
23. Князя Мазовии Януша.		Разделена на квадраты белого и красного цвета крест-накрест с белым орлом на двух из них и с вороном на других двух.	
24. Миколая Куровского		Река, отмеченная вверху крестом на красном поле.	
25. Альберта Ястшембца. **Командир:** *Яранд из Брудзева.*		Подкова с крестом в середине лазурном поле.	
26.Крисина из Острова, Каштеляна краковского.		Медведь, уносящий деву в короне, на красном поле.	

27. Яна Тарновского, воеводы краковского.		Серп луны, охватывающий звезду на лазурном поле.	
28. Сендзивоя из Остророга.		Головная повязка, свитая в круг и перевязанная узлом посредине с расходящимися концами на красном поле.	
29. Миколая из Михалова, воеводы сандомежского.		Белая роза на красном поле.	
30. Якуба из Конецполя, воеводы серадзского.		Белая подкова передней стороной опущенная вниз и отмеченная крестом на красном поле.	
31. Яна из Обихова, каштеляна сремского.		Голова зубра с кольцом в носу на желтом поле.	

32. Яна Лигензы из Бобрека, воеводы ленчицкого.		Голова осла на красном поле.	
33. Енджея из Тенчина, каштеляна войницкого.		Двуострый топор на красном поле.	
34. Збигнева из Бжезя, маршалка Польского королевства.		Львиная голова, изрыгающая пламя на лазурном поле.	
35. Петра Шафранца из Песковой скалы, краковского подкомория.		Белый конь с чёрной подпругой посредине на красном поле.	
36. Клеменса из Мошкожова, каштеляна вислицкого.		Два с половиной жёлтых креста на лазурном поле.	

37. Винцента из Гранова, каштеляна накловского и старосты Великой Польши.		Серп луны со звездой в середине на лазурном поле.	
38. Добеслава из Олесницы.		Белый крест с тройной чертой в виде W в четвёртом углу на красном поле.	
39. Спытка из Ярослава.		Серп луны со звездой посредине на лазурном поле.	
40. Марцина из Славска.		Вверху чёрный лев, внизу – 4 камня на коричневом поле.	
41. Дорогоса из Шамотул.		Повязка, свитая в круг и перевязанная посредине узлом с расходящимися концами на красном поле.	

42. Кристина из Козеглув, каштеляна сандзецкого.		Стрела с двойной поперечиной, украшенная крестом на красном поле.	
43. Яна Менжика из Домбровы.		Две рыбы, называемые форелями, одна на белом поле, другая – на красном.	
44. Миколая, подканцлера Королевства польского.		Три трубы на белом поле.	
45.Миколая Кмиты из Висниц.		Красная река, украшенная крестом.	
46. Братьев и рыцарей Грифов. **Командир:** *Сигизмунд из Бобова, краковский подсудок.*		Белый гриф на красном поле.	

47. Рыцаря Заклики Кожеквицкого.		Белая черта в виде W, снабженная крестом на красном поле.	
48. Братьев и рыцарей Козлероги. **Командир:** ***Флориан из Корытниц,*** *Каштелян вислицкий и староста пшездецкий.*		Три копья, пересекающиеся на красном поле.	
49. Яна Енчиковца, барона моравского. **Командир:** *Гелм мораванин.*	Служили только мораване.	Белая стрела, разведённая на красном поле (ондровонж).	
50. Гневоша из Далевиц, краковского подстолия.	Служили только наёмные рыцари из чехов, моравов и силезцев.	Белая стрела, разведённая посредине направо и налево с косым крестом над развилкой, на красном поле.	
Отряд королевских телохранителей. **Знаменосец:** *Миколай Моравец из Куношовки.*	1. 60 рыцарей копьеносцев, среди которых находились Земовит младший, князь Мазовии сын Земовита старшего, 2. Федушко, литовский	Белый орёл на красном поле.	

	князь, 3. Сигизмунд Корибут, литовский князь, 4. Миколай Тромба, подканцлер польский, 5. Збигнев Олесницкий, Ян Менжик из Домбровы, 6. Ян Золава, чешский барон, 7. Беняш Веруш из Бялы, главный королевский спальник, 8. Генрих из Рогова, Збигнев Чайка из Новодвора, 9. Пётр Мадаленский, 10. ***чех Ян Сокол.***		

Обращаясь к армии Великого княжества Литовского, Ян Длугош перечисляет следующие хоругви:

– трокская;
– виленская;
– гродненская;
– ковенская;
– лидская;
– медницкая;
– смоленская;
– полоцкая;
– витебская;
– киевская;
– пинская;
– новогрудская;
– брестская;
– волковысская;
– дрогичинская;
– мельницкая;
– кременецкая;
– стародубская;

– князя Сигизмунда Корибута;
– князя Семёна Лингвеня;
– князя Георгия.[236]

Следуя за Яном Длугошем, подавляющее большинство историков считают, что под Грюнвальдом сражались пятьдесят польских и сорок литовских хоругвей. При этом они не принимают во внимание сообщение «Хроники конфликта…», которое определённо указывает на участие в битве ещё одной хоругви – передней стражи, которая сражалась рядом с Литовской армией и хоругвью Святого Георгия.[237]

Однако, внимательно прочитав описание Грюнвальдской битвы, данное Яном Длугошем, мы также находим описание отряда королевской стражи, в котором сражались шестьдесят рыцарей копейщиков под знаменем с изображением белого орла на красном поле, которое летописец называет малым королевским флагом.[238] Заметим, что в армии Тевтонского ордена среди хоругвей, захваченных под Грюнвальдом и подробно описанных и нарисованных в ещё одном труде Яна Длугоша – «Banderia Pruthenorum» («Прусские знамёна»), также имелись две хоругви великого магистра – большая и меньшая, обе с изображением черного орла, служившего гербом для всего Ордена.[239] Поэтому в наличии двух хоругвей с гербом Польского королевства в польской армии – большей краковской и передней стражи – нет ничего удивительного. Собственно, само наличие большей хоругви логически предполагает существование меньшей.

Если продолжать проводить аналогию между польскими и орденскими хоругвями, обнаруживается удивительное сходство в символике и названиях некоторых из них, на что указал в своё время польский историк и археолог Анджей Надольский. Он пришёл к выводу, что в Польше, Великом княжестве Литовском и Тевтонском ордене существовали общие принципы комплектования и построения войск, а также сходные способы ведения боя.[240] Используя метод аналогии, Анджей Надольский предполагает, что большей краковской хоругви соответствовала хоругвь верховного маршала Ордена Фридриха Валенрода, хоругви дворцовых чинов – большая хоругвь великого магистра, гончая польская – меньшей хоругви великого магистра, наконец, хоругвь Святого Георгия с польской стороны – хоругви Святого Георгия со стороны крестоносцев.[241] Подобная параллель выглядит недостаточно убедительно.

[236] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 91.
[237] Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruceferis anno Christi 1410. // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 437–438.
[238] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 105.
[239] Górski, K. Jana Długosza Banderia Prutenorum. / K. Górski. – Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1958. – S. 63–70.
[240] Nadolski, A. Remarques sur l’art militaire de l’Ordre Teutonique aux de la bataille de Grunwald (Tannenberg) / A. Nadolski // Das Kriegswesen der Ritterorden im Mittelalter. – Toruń: TNT, 1991. – S. 19–26.
[241] Nadolski, A. Remarques sur l’art militaire de l’Ordre Teutonique aux de la bataille de Grunwald (Tannenberg) / A. Nadolski // Das Kriegswesen der Ritterorden im Mittelalter. – Toruń: TNT, 1991. – S. 19–26.

Белый орёл уже в то время являлся гербом всего Польского королевства, чёрный крест – общеупотребимым гербом Тевтонского ордена. Двойной жёлтый крест на лазурном поле являлся геральдическим знаком, который использовала Ядвига Анжуйская – первая супруга Ягайлы, благодаря браку с которой в результате заключения и оформления Кревской унии 1385 – 1386 годов Ягайло стал королём Польши с сохранением титула наивысшего князя Литвы (supreme dux Lithuaniae), то есть третья хоругвь со стороны Короны несла один из геральдических знаков Польского королевства, в то время как чёрный крест на хоругви Валенрода представлял собой опять-таки геральдический знак Тевтонского ордена. Двойной крест мы, например, можем наблюдать изображённым на плаще Ягайлы, на фреске XV столетия, находящейся в замковой каплице в Люблине (Польша).

Рисунок 8. Изображение Ягайлы в каплице в Люблине

Наконец, дворцовые чины стояли под знаменем с изображением «Погони» – герба Великого княжества Литовского, которое находилось в вассальной зависимости от Польши, а в «Banderia Pruthenorum» четвёртой указана хоругвь Княжества Олесьницкого», которое находилось в вассальном подчинении у Тевтонского ордена.

Если после большей краковской хоругви поместить малое королевское знамя, под которым сражался отряд королевской стражи, то получаем практически полное совпадение хоругвей по рангу и принципу комплектации. Сначала идут большие и меньшие хоругви короля и магистра соответственно, за ними хоругви, относящиеся к королю и магистру, затем хоругви с символикой крупных вассальных княжеств, далее наёмные хоругви Святого Георгия, а затем хоругви, укомплектованные по территориальному и родовому принципу.

Подобную иерархию при описании хоругвей пытался соблюдать и сам Ян Длугош, однако из-за того, что малое королевское знамя по непонятным причинам не было отнесено к отдельной боевой единице, у летописца возникла определённая путаница, так как он присвоил наименование «гончей» меньшей хоругви великого магистра крестоносцев, которая, вполне вероятно, на самом деле выполняла такие же функции, как и меньшая хоругвь польского короля.

Определённое сходство в структуре армии Польского королевства и армии Тевтонского ордена наглядно показывает представленная таблица:

Польские хоругви	Эмблема на знамени		Прусские хоругви	Эмблема на знамени	
1. Большая Краковская хоругвь	Белый орёл, увенчанный короной с распростёртыми крыльями на красном поле		**1. Хоругвь магистра крестоносцев большая.**	Чёрный крест с чёрным орлом в короне посередине.	
Хоругвь королевских телохранителей	Белый орёл на красном поле		**2. Хоругвь магистра крестоносцев меньшая. «Гонича хоругвь».**	Чёрный крест с чёрным орлом без короны посередине.	
2. Гонча хоругвь	Двойной жёлтый крест на лазурном поле		**3. Хоругвь Ордена крестоносцев, которой командовал маршал Фридрих Валенрод.**	Чёрный крест на белом фоне.	
3. Хоругвь Дворцовых чинов	Воин в доспехах на белом коне с мечом в руке на красном поле		**4. Хоругвь Конрада Белого, князя Олесьницкого.**	Чёрный орёл с белым полумесяцем, отмеченным крестом, на жёлтом поле.	

4. Хоругвь Святого Георгия	Белый крест на красном поле		**5. Хоругвь Святого Георгия.**	Белый крест на красном поле	

Проведение такой аналогии позволяет вполне определённо утверждать о факте существования в армии союзников отдельной меньшей королевской хоругви. В связи с этим достаточно убедительным выглядит предположение, что *в Грюнвальдской битве приняли участие, по крайней мере, пятьдесят одна польская, сорок хоругвей Великого княжества Литовского и пятьдесят одна хоругвь со стороны Ордена*.

До настоящего времени в историографии окончательно не решён вопрос о построении армий во время Грюнвальдского сражения. Некоторые историки, например Станислав Хербст, считают, что войска в битве при Грюнвальде были выстроены в неглубокие линии, и бой рыцарей сводился к серии поединков.[242]

При ближайшем рассмотрении подобные утверждения не выдерживают критики. Согласно описанию Яна Длугоша, 5 июля 1410 года Витовт ***«занимался построением литовского войска»***, и, ***«разделив его по стародавнему обычаю предков по клиньям и хоругвям, он поставил в каждом клине в середину рыцарей на худших конях или недостаточно хорошо вооружённых, которых окружали другие на более сильных конях и отлично вооружённые. Такие клинья, сомкнутые и скученные, не допускали разреженности рядов, но один клин держался раздельно от другого на большом расстоянии»***.[243] Затем он ***«присвоил этим клиньям 40 знамён, которые мы называем хоругвями, и велел каждому клину и отряду следовать под своим знаменем и подчиняться своему начальнику»***.[244]

Из данного описания следует, что хоругви сражались в виде клиньев, и каждый клин выступал под отдельным знаменем. О боевом построении хоругвей в виде клиньев также свидетельствует малое количество воинов, находившихся в первых рядах польских отрядов, на что, следуя за Густавом Кёлером, убедительно указывает польский исследователь Анджей Надольский.[245]

Действительно, Ян Длугош свидетельствует, что *в первом ряду большой краковской хоругви находились восемь человек, в гончей хоругви – пять воинов, а в хоругви дворцовых чинов всего четыре рыцаря*.[246]

[242] Nadolski, A. Remarques sur l’art militaire de l’Ordre Teutonique aux de la bataille de Grunwald (Tannenberg) / A. Nadolski // Das Kriegswesen der Ritterorden im Mittelalter. – Toruń: TNT, 1991. – S. 19–26.
[243] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 72.
[244] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 72.
[245] Nadolski, A. Remarques sur l’art militaire de l’Ordre Teutonique aux de la bataille de Grunwald (Tannenberg) / A. Nadolski // Das Kriegswesen der Ritterorden im Mittelalter. – Toruń: TNT, 1991. – S. 19–26.
[246] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 88.

Подобное построение рыцарских отрядов описывается во многих источниках пятнадцатого столетия. Так, в битве при Пилленрейтне 11 марта 1450 года отряд жителей Нюрнберга из трёхсот человек был построен следующим образом: *в первом ряду находилось пять, во втором – семь, в третьем – девять, наконец, в четвёртом ряду стояло одиннадцать рыцарей. Далее следовали кнехты, построенные четырёхугольником, который замыкали четырнадцать патрициев*.[247]

«Хроника конфликта…» также свидетельствует, что хоругви были построены отдельными отрядами, что исключает построение в сплошную линию. Сначала её автор сообщает, что утром 15 июля один рыцарь из королевских придворных, находящийся в тот день на страже, сообщил Ягайле о нахождении поблизости вражеского войска. При этом он сказал, что ***«обнаружил только два вражеских клина»*** *(«tantum duos cuneos eorum conspexisse»)*, на что Ягайло ответил:

Пускай выступят против них четыре или шесть отрядов с маршалом войска, а мы тем временем дослушаем мессу.	*Quatuor vel sex cunei cum marsalco exercitus expediantur erga eos, nosque insistemus missae sub hoc tempore.*[248]

Обращение к тексту «Хроники конфликта…» приводит к однозначному выводу – хоругви в Грюнвальдской битве, имея внутреннее построение «клином», только первоначально создавали подобие общего строя, а далее сражались автономно, без перманентного построения в линию. Об этом свидетельствуют следующие фрагменты из хроники:

По правую руку вступил в бой князь Витовт со своими людьми, с хоругвью Святого Георгия и хоругвью передней стражи.	*In manu dextra dux Vitoldus cum gente sua cum banario sancti Georgii et banario primae acici bellum est ingressus.*[249]
Другая же часть врагов среди тех, самых лучших людей крестоносцев, сошлись с большим запалом и криками с людьми Витовта, и после без малого часа взаимной битвы, потери с обеих сторон были настолько велики, что люди князя Витовта вынуждены были	*Alia autem pars hostium ex eisdem electis cruciferorum hominibus cum maximo impetu et clamore cum gente ducis Vitoldi congressa et fere per horam proeliantes mutuo inter se plurimi ex utraque parte ceciderunt, ita quod gens Vitoldi ducis cogitur*

[247] Дельбрюк, Г. История военного искусства / Г. Дельбрюк. СПб.: Наука, 1996. – Т. 3. – С. 173–174.
[248] Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruceferis anno Christi 1410. // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 436.
[249] Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruceferis anno Christi 1410. // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 437.

отступить. Тогда враги, преследуя их, решили, что уже одержали победу и, нарушив строй, отдалились от своих хоругвей и рядов своих отрядов, и перед теми, кого вынудили бежать, начали отступать. В скором времени, когда пожелали вернуться, отрезанные от своих людей и хоругвей королевскими людьми, которые их хоругви напрямую от крыльев прорезали, были либо схвачены, либо порублены мечами. Те же, что стояли с левой стороны от тех, что были отрезаны, остались в живых, вернулись к своим людям от войск противника и, снова соединившись, сошлись с большой хоругвью кастеляна краковского, воеводы сандомирского, земли Велюньской, земли Галицкой и многочисленными другими хоругвями.

retrocedere. Et ita ipsos insequentes existimabant jam obtinuisse victoriam dispersique hostes ab ipsorum banariis in ordinatione suarum acierum erraverunt et illos, quos retrocedere coegerant, fugere inceperunt. Postmodum autem reverti volentes, a suis hominibus et banariis per homines regis, qui directe banaria ipsorum per latera diviserunt, seclusi aut capti et gladio perempti perierunt. Illi autem, qui de parte laeva illorum, qui divisi fuerunt, remanserant superstites, ad suos homines exercitus hostilis reversi, iterum. uniti ad invicem cum banario magno castellani Cracoviensis, palatini Sadomiriensis, terrae Vyelyunensis, terrae Haliciensis et aliis multis banariis convenerunt.[250]

Собрав тогда силы для возвращения в бой, магистр с оставшимися людьми, имея с собою пятнадцать или более хоругвей, из одного небольшого леска пожелал направить свои отряды против короля.

Collectis itaque viceversa viribus magister de quadam silva parva cum sua gente residua, quindecim aut citra banaria habens secum, contra regis personam acies suas dirigere voluit.[251]

А когда прибыли к лагерю, увидев, что ещё много было отрядов короля, которые не вступали в битву и, увидев также, что их предводитель пал, пустились бежать врассыпную.

Et cum jam ad stationes venissent, videntes, quod regis aduc multae fuerant acies, quae proelium non intraverant, viso etiam, quod dux eorum cecidit interemptus, in fugam realem conversi sparsim fugere coeperunt.[252]

---

[250] Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruceferis anno Christi 1410. // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 438.
[251] Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruceferis anno Christi 1410. // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 438.
[252] Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruceferis anno Christi 1410. // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 438.

Как мы видим, хоругви чётко идентифицируются на поле боя. Причём сражение они ведут в разных местах, в разное время, при этом, когда одни хоругви вели бой, другие в сражение могли и не вступать.

Подтверждение этому находим также и в «Истории Польши» Яна Длугоша, который, хотя и не являлся очевидцем сражения, однако не раз слышал рассказы о нём от непосредственных участников Грюнвальдской битвы. Неважно, являются ли правдивыми его описания или нет – главное, что *они правдоподобны*. То есть эти описания базируются *на общепринятых и обычных* в то время способах ведения боя.

Описывая Грюнвальдское сражение, Ян Длугош сообщает, что хоругвь Святого Георгия полным составом отошла в рощу, где Ягайло производил опоясывание воинов, и Миколай Тромба принял её за хоругвь Добеслава Олесьницкого.[253]

Далее, описывая ввод великим магистром Ульрихом фон Юнгингеном в битву шестнадцати резервных хоругвей, хронист пишет: ***«… отряд поехал в правую сторону, где стояла большая королевская хоругвь, уже разгромившая врагов, с некоторыми другими королевскими хоругвями. Большая часть королевских рыцарей, увидев войско под шестнадцатью знамёнами, сочла его за вражеское»***, другие же ***«приняли его за литовское»***.[254]

Как мы видим, передвижения войск во время битвы носили достаточно хаотичный характер и координировались в незначительной степени. Кроме того, холмистый ландшафт на месте являлся серьёзным препятствием для линейного построения.

Иконографические источники подтверждают распространённость клинообразного построения хоругвей в XV веке. Примером может служить миниатюра из рукописной Бургундской хроники Дибольда Шиллинга, изображающая боевые действия хоругвей на холмистой местности. Приведённые выше рассуждения позволяют сделать нам ряд важных умозаключений:

– Во время Грюнвальдской битвы армии противников состояли из хоругвей, являвшихся автономными боевыми единицами, имеющими своё собственное знамя и своего командира, который полностью осуществлял командование отрядом, руководствуясь обстоятельствами боя.

– Численность хоругвей могла существенно различаться. Так, польская хоругвь передней стражи включала всего шестьдесят, правда, отборных рыцарей, а хоругвь из Мейсена со стороны Тевтонского ордена составила, по данным Зольдбуха крестоносцев за 1410 – 1411 годы, двести двадцать девять «копий» или 687 человек.[255]

---

[253] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 103.

[254] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 106–107.

[255] Гагуа, Р.Б. Несколько замечаний по поводу участия в сражении при Грюнвальде хоругви из Мейсена / Р.Б. Гагуа // Актуальные проблемы из историчесого прошлого и современности в общественно-гуманитарных и социо-религиоведческих науках Беларуси, ближнего и дальнего зарубежья: материалы междунар. науч.-теор.

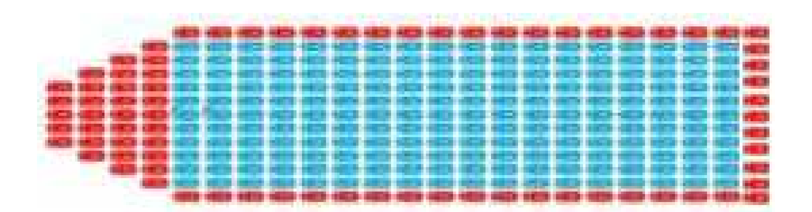

Рисунок 9. Швейцарская миниатюра XV столетия, изображающая действие хоругви на холмистой местности (Бургундская хроника Дибольда Шиллинга)

конф., Витебск, 19–20 апреля 2007 г. / Вит. гос. ун-т; редкол.: В.А. Космач (гл. ред.) [и др.]. – Витебск, 2007. – Ч. 1. – С. 215–216.

– Боевое построение хоругвей было клиновидным. При этом в «остриё» клина и с обеих сторон ставились лучшие и хорошо вооружённые конные рыцари копейщики, в то время как за ними четырёхугольником располагались стрелки и иногда пехота (как это было, например, со стороны Тевтонского ордена под Грюнвальдом).

– Примерное построение гончей хоругви со стороны Польского королевства в битве под Грюнвальдом могло быть аналогичным построению нюрнбержцев в сражении при Пилленрейте (поскольку в обоих случаях первую шеренгу составляли по пять рыцарей) и выглядеть следующим образом:

Таким образом, глубина строя отдельных хоругвей могла достигать двадцати-двадцати пяти шеренг, в то время как фронт расширялся к пятой шеренге от двух-девяти до десяти-семнадцати воинов в ряду. На местности одна хоругвь могла занимать пространство до 35 метров по фронту и до 75 метров в глубину, а площадь – до 26 аров.

– Не все хоругви со стороны польского крыла принимали участие в бою. Некоторые, оставаясь в резерве, так и не вступили в сражение, что свидетельствует, вероятно, о значительном численном и качественном превосходстве армии союзников над войсками Тевтонского ордена, выставленными под Грюнвальдом.

– Во время сражения общая координация действий отдельных хоругвей практически не осуществлялась. Роль верховных командующих сводилась в основном к вводу в сражение резервных отрядов.

– Сходство военной организации Тевтонского ордена, Польского королевства и Великого княжества Литовского определённо свидетельствует, что в данном регионе существовали единые стандарты формирования и комплектования армии.

– Хоругви в армиях Тевтонского ордена, Польского королевства, равно как и в составе войск Великого княжества Литовского формировались согласно определённой «иерархии».

Сначала создавались большая и меньшая «государственные» хоругви верховного сюзерена, затем «придворные» хоругви, далее хоругви крупных вассальных территорий таких, как княжества или герцогства.

Затем в состав армий включались хоругви, составленные из наёмных рыцарей. Наконец, следующие хоругви формировались по территориальному либо родовому принципу.

Родовые хоругви стали праобразом магнатских «почтов» – отрядов, впоследствии выставляемых крупнейшими феодалами в качестве несения воинской повинности в Польше и Великом княжестве Литовском.

3.6 Вопрос о командовании союзными войсками в сражении при Грюнвальде.

Противоречивые свидетельства источников привели к возникновению в историографии вопроса о командовании союзными войсками. К настоящему времени сложились четыре версии, согласно которым непосредственное командование осуществляли:

– краковский мечник Зиндрам из Машковиц;
– великий князь литовский Витовт;
– польский король и наивысший князь литовский Ягайло;
– кто-либо из чешских наёмных рыцарей – Ян Сокол или Ян Жижка.

Первая версия была выдвинута в исторической литературе на основании сообщений Яна Длугоша, который дважды упомянул в своей «Истории Польши» Зиндрама из Машковиц как командующего польской армией.

Первоначально польский хронист, описывая эпизод о том, как девятого июля 1410 года армии союзников впервые после вступления на территорию Тевтонского ордена развернули и подняли знамёна, сообщает, что при этом ***«все чехи и моравы, считавшиеся опытными в военном деле, отказывались взять на себя руководство и распоряжение княжескими войсками, ввиду их многочисленности, и исполнять должность военачальника из опасения, чтобы на их голову не пала ответственность за неудачный исход начальствования. Тогда руководство и распоряжение ими было поручено краковскому мечнику Зиндраму из Машковиц, знатному вельможе из рода, гербом которого было изображение солнца»***.[256] Однако уже в следующей главе своей хроники Ян Длугош сам себе противоречит, указывая, что ***«… король польский, созвав главных советников, выбрал из них только восьмерых, что бы они давали советы обо всём ходе войны, тогда как прочие держались бы в своих палатках, и заботились и распоряжались всем необходимым; в их руках должна была находиться высшая власть и право принимать решения на войне»***.[257] Далее члены военного совета перечисляются поимённо:

– Витовт, великий князь литовский;
– Кристин из Острова, краковский кастелян;
– Ян из Тарнова, краковский воевода;
– Сендзивой из Остророга, познаньский воевода;
– Миколай из Михалова, сандомирский воевода;
– Миколай Тромба, вице-канцлер Польского королевства;
– Збигнев из Бжезя, маршалок Польского королевства;
– Пётр Шафранец из Песковой скалы, краковский подкоморий.[258]

Как видим, *Зиндрам из Машковиц даже не входил в военный совет*. Более того, здесь же было определено, как пишет Ян Длугош, что ***«предусмотрено было и строжайше запрещено кому бы то ни было из армии выступать, пока не***

---

[256] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 74.
[257] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 76.
[258] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 76.

выступит маршалок Польского королевства Збигнев с малым королевским знаменем, за ним должны следовать все, но никто не смел выступать впереди».[259] Следовательно, *Зиндрам из Машковиц не осуществлял также и командование польской армией на марше*.

В дальнейшем, в главе, где проводится перечисление хоругвей, принявших участие в сражении при Грюнвальде, Ян Длугош во второй раз пишет о том, что Зиндрам из Машковиц командовал польскими хоругвями: ***«…всё королевское войско, построенное по отрядам и хоругвям – польское под командованием Зиндрама из Машковиц, мечника краковского, литовское же под командованием одного великого князя литовского Александра,– подошло с поразительной быстротой и стало боевым строем напротив врага…»***.[260] В данном случае Ян Длугош снова противоречит сам себе, поскольку после перечисления отрядов с обеих сторон, он пишет, что ***«хотя как польское, так и литовское войска, построенные в боевом порядке, вышли на бой, и вражеские силы стояли напротив, на расстоянии не более полёта стрелы, при оружии и готовые к бою, и хотя между ними уже завязывались уже предварительные стычки в отдельных поединках, однако поляки считали противным чести вступить в бой с врагом, пока король не подал знака»***.[261]

Обращаясь к описанию последней фазы сражения, польский летописец также сообщает, что после захвата и разграбления обоза ***«Владислав, король польский, велел рыцарям по данному знаку преследовать бегущих, но при этом, насколько возможно, избегать резни»***.[262] Несколько ниже польский летописец подтверждает руководящую роль Ягайлы: ***«когда королевское войско по приказу короля пустилось преследовать бегущих врагов, король польский Владислав, взойдя на возвышенный холм, расположился там, чтобы наблюдать зрелище дальнейшей удачи, которое являл тот день: преследованием и отводом врагов польскими рыцарями»***.[263]

Наконец, у Яна Длугоша находим, что после начала преследования армией союзников обращённых в бегство крестоносцев на одном из холмов Ягайлу ***«встретил впервые после победы»*** великий князь литовский Витовт, который во время сражения ***«действовал среди польских отрядов и клиньев, посылая взамен усталых и измученных воинов новых и свежих, и тщательно следя за успехами той и другой стороны»***.[264]

Если подытожить реляции Яна Длугоша, становится очевидным, что *польской армией командовал в битве кто угодно, но только не Зиндрам из Машковиц*. Кроме того, ни один другой источник XV столетия, используемый для исследования Грюнвальдской битвы, даже не упоминает Зиндрама из Машковиц. Зато «Хроника конфликта…» вполне очевидно подтверждает, что *Ягайло являлся, во-первых, верховным главнокомандующим союзными войсками, и, во-вторых,*

---

[259] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 76.
[260] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 87.
[261] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 96.
[262] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 109.
[263] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 109–110.
[264] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 110.

командовал непосредственно польской армией, насколько командование вообще осуществлялось в феодальных армиях. Так, согласно её реляциям, польский король, закончив молитву перед боем,

…приказал всем повязать какие-нибудь повязки из соломы для взаимного распознавания и установил для рыцарей слова боевых кличей – «Краков!», «Вильно!»; сам же, сев на коня, лично поспешил взглянуть на врага и в то же время начал построение боевых порядков на поле между двумя рощами.

…surgens quasdam de straminibus ligaturas in signum cognitionis mutuae cuilibet alligari mandavit verbaque proclamationis in bello militibus haec indixit: «Cracow!», «Wylno!»; ipse solus personaliter, ascensoque equo videre hostes properavit, et statim acies in cujusdam campi planitie inter duo nemora ordinare coepit.[265]

Ранее, получив сведения о приближении врага, Ягайло отдал приказание следующего содержания:

Пускай выступят против них четыре или шесть отрядов с маршалом войска.

Quatuor vel sex cunei cum marsalco exercitus expediantur erga eos.[266]

Рисунок 10. Ягайло, фрагмент триптиха Вавельского замка («Поклонение волхвов»)

Заметим, что маршалом Польши являлся Збигнев из Бжезя.

[265] Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruceferis anno Christi 1410. // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 436.
[266] Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruceferis anno Christi 1410. // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 436.

Король перед сражением лично обращается к своему рыцарству с речью, вдохновляя их на битву, а когда противник обращается в бегство, король не позволяет преследовать врага слишком поспешно (по совету своих баронов), чтобы не нарушить боевое построение.

В Чигизском манускрипте также находим свидетельства того, что именно Ягайло осуществлял в сражении верховное командование:

Владислав татар и литовцев на острие расположил, первыми в бой идти приказал, с тяжеловооружёнными поляками сам как бы во вспомогательном резерве возле лагеря остался.	*Vladislaus Tártaros et Litwanos in acie posuerat, quos primum certamen inire iussit; cum gravi armatura Polonorum ipse quasi in subsidiaria ope circa castra sua remansit.*[267]

В связи с этим возникает вопрос: почему же Ян Длугош написал в своей хронике, что польской армией командовал именно Зиндрам из Машковиц?

Мы видим, что Ян Длугош всячески пытается скрыть участие в битве Ягайлы, хотя об его непосредственном участии в бою красноречиво свидетельствуют другие источники, такие, как письма самого короля и «Хроника конфликта…». Поэтому летописец «выводит» Ягайлу из описания батальных сцен в повествовании. В связи с этим ему приходится обходить молчанием участие в бою целой хоругви, стоявшей под малым королевским знаменем, поскольку этот отряд выполнял, кроме прочего, функцию охраны короля, находясь в непосредственной близости от монарха. Кроме того, летописцу пришлось транспонировать в нарративе на кого-то функции командующего польской армией.

Следовательно, кандидатура для трансполяции мнимого командования была для Яна Длугоша очевидна: предводитель самой большой и первой в «иерархии» польской армии хоругви краковский мечник Зиндрам из Машковиц.

Подобная трансполяция встречается и в других нарративных источниках. Ярким примером служит хроника Быховца – летопись, созданная на территории Великого княжества Литовского.[268]

Хроника Быховца представляет интерес в нашем случае в связи с тем, что именно на её основании возникла версия о том, что польской армией осуществлял командование Ян Сокол, чешский наёмный рыцарь. Версия, хотя и не выдерживающая критики, однако вполне объяснимая. Описание Грюнвальдской битвы в хронике носит полулегендарный характер.

Если учесть то, что вместе с армией Великого княжества Литовского сражались наёмная чешская хоругвь Святого Георгия с польской стороны и

[267] Der Bericht der Chigi’schen Handschrift // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1870. – B. 4. – S. 235.
[268] Хроника Быховца // Полн. собр. русских летописей: в 35 т. / Под ред. Б.А. Рыбакова. – М.: Наука, 1975. – Т 32.

хоругвь передней стражи Ягайлы, а одной из них, по всей вероятности, командовал именно Ян Сокол, то становится вполне очевидным, почему устная традиция донесла до автора летописи информацию о том, что он командовал поляками. Участники битвы рассказывали то, что видели. Видели же они две сражавшиеся рядом хоругви из польской армии. Командиром одной из них был как раз Ян Сокол.

Следует отметить, что по свидетельству хроники Быховца, Ян Сокол погиб, угодив в «волчьи ямы» – ловушки, устроенные крестоносцами перед своим строем.[269] На самом деле никаких «волчьих ям» на поле боя не было, что показали археологические исследования Грюнвальдского поля, проведённые польскими археологами.[270]

Версия о том, что в сражении войсками командовал Витовт, заслуживает гораздо большего внимания. Однако при этом подавляющее большинство исследователей игнорирует феодальный характер взаимоотношений в средневековых армиях.

Рисунок 11. Державная печать Витовта

[269] Хроника Быховца // Полн. собр. русских летописей: в 35 т. / Под ред. Б.А. Рыбакова. – М.: Наука, 1975. – Т 32. – С. 148.
[270] Nadolski, A. Grunwald: problemy wybrane / A. Nadolski. – Olsztyn: OBN, 1990. – S. 139.

Ягайло и Витовт действовали во время прусского похода 1410 года как союзники, *но не подчинялись друг другу*.

Как «Хроника конфликта…», так и Ян Длугош пишет о том, что *польская армия Великого княжества Литовского сражались по отдельности*.

Во время богослужения в ставке Ягайлы на берегу озера Лубень, польский король, после получения известия о приближении армии Тевтонского ордена, послал гонца к князю Витовту с посланием следующего содержания:

Милейший брат мой, приготовься к битве и прикажи приготовиться войскам твоим вместе с рыцарями, потому что уверен я в присутствии врага.	*Frater carissime, sis ad pugnam paratus et jube parari exercitus tuos cum militibus, ex quo jam de hostibus sumus certi.*[271]

После прибытия в лагерь польского короля герольдов с мечами от Ульриха фон Юнгингена, Ягайло

…в тот же миг послал к Витовту верных гонцов и попросил воздержаться от начала боя, к которому он стремился с людьми своими.	*…statim pro Vitoldo certos direxit nuntios et ab aggressu belli, ad quem jam cum gente sua transibat, ipsum retrahere mandat.*[272]

Позже Витовт свободно снимает осаду Мальборка – столицы Тевтонского ордена – и возвращается в Великое княжество Литовское, в то время как Ягайло продолжает попытки взять город приступом.[273]

Учитывая всё вышесказанное, можно сделать ряд важных умозаключений:

– верховным командующим союзных войск являлся Ягайло в силу своего положения короля Польши и верховного сюзерена Великого княжества Литовского;

– во время Грюнвальдского сражения польской армией командовал непосредственно король, в то время как литовские хоругви руководились Витовтом;

– командование Ягайлы и Витовта фактически сводилось к введению в битву свежих отрядов, в то время как, вступив в сражение, рыцари в отдельных хоругвях подчинялись (насколько это было возможно) своим непосредственным командирам, которые вели их в бой.

[271] Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruceferis anno Christi 1410. // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 436.

[272] Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruceferis anno Christi 1410. // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 436.

[273] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 128.

ГЛАВА 4. РЕКОНСТРУКЦИЯ ОБЩЕГО ХОДА СРАЖЕНИЯ ПРИ ГРЮНВАЛЬДЕ

4.1 Дислокация армий на поле боя.

«Хроника конфликта…» содержит ряд сведений, на основании которых можно довольно точно реконструировать расположение армий на поле битвы. Сначала она сообщает, что утром перед битвой Ягайло, готовясь к мессе, задержался на вершине холма, куда к нему чуть позже прибыл гонец и сообщил, что крестоносцы расположились на поле (у Грюнвальда и Танненберга) и *находятся в полумиле от него*, то есть на расстоянии чуть больше трёх километров. Ян Длугош уточняет, что Ягайло, ***«выйдя на поля селений Танненберга и Грюнвальда, которые станут знаменитыми происшедшим сражением, … велел расположить стоянку войска среди кустарника и рощ, которых было множество в той местности, и распорядился поместить на высоком холме над озером Лубень шатёр часовни, чтобы прослушать богослужение»***.[274]

В данный момент армия союзников располагалась в лесу, в чём сходятся как «Хроника конфликта…», Ян Длугош, так и другие источники, в которых описан эпизод с присылкой Ульрихом фон Юнгингеном двух мечей в лагерь союзников.

Рисунок 12. Реконструкция поля битвы с учетом особенностей рельефа местности

[274] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 128.

Обратившись к карте с обозначением рельефа местности на участке между Грюнвальдом, Танненбергом и озером Лубень, находим, что под описание места, где польский король остановился для того, чтобы выслушать мессу, подходит только одна локация – *холм, расположенный примерно в двух километрах к юго-западу от озера Лубень.*

Соответственно, *польское рыцарство располагалось в лесу к югу от холма, где находился во время богослужения Ягайло, а армия Великого княжества Литовского – к северу.*

Далее «Хроника конфликта…» сообщает, что Ягайло

…лично, сев на коня, поспешил взглянуть на врага и в то же время начал построение боевых порядков <u>на одном поле между двумя рощами</u>.	*…personaliter ascensoque equo videre hostes properavit, et statim <u>acies in cujusdam campi planitie inter duo nemora</u> ordinare coepit.*[275]

При этом построение польского крыла союзных войск должно было производиться на значительной возвышенности, поскольку летописец, описывая конную сшибку союзников с рыцарями Тевтонского ордена, пишет:

Когда уже обе армии, как королевская, так и Витовта, сошлись и бились со всеми отрядами врага – а большая часть войск пруссов из отборных своих отрядов была построена напротив людей князя Витовта, хоругви Святого Георгия и хоругви нашей передней стражи – встретились с громким гулом и безграничной конской прытью в одной долине таким образом, что <u>противник с холма, и наша сторона также с холма взаимными ударами один другого разить начали</u>.	*Cum jam uterque exercitus, tam regis quam ducis Vitoldi, cum omnibus hostium aciebus fuere ad invicem copulati et congressi, majorque exercitus Prutenorum ex electis ipsorum aciebus fuere ad invicem ordinati super gentem ducis Vitoldi, banarium sancti Georgii et banarium nostrae primae aciei congressi cum clamore maximo et incursu equorum nimio in valle quadam, sic <u>quod adversa pars de monte et pars nostra similiter de monte mutuis se susceperunt ictibus lacerare</u>.*[276]

Соответственно, армия крестоносцев должна была располагаться на противоположном холме.

Описывая отступление части хоругвей Витовта, «Хроника конфликта…» сообщает, что крестоносцы

---

[275] Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruceferis anno Christi 1410. // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 436.

[276] Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruceferis anno Christi 1410. // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 437.

…преследуя их, решили, что уже одержали победу и, нарушив строй, отдалились от своих хоругвей и рядов своих отрядов, и перед теми, кого вынудили бежать, начали отступать. В скором времени, когда пожелали вернуться, отрезанные от своих людей и хоругвей королевскими людьми, которые их хоругви напрямую от крыльев прорезали, были либо схвачены, либо порублены мечами. Те же, что стояли с левой стороны от тех, что были отрезаны, остались в живых, вернулись к своим людям от войск противника и, снова соединившись, сошлись с большой хоругвью кастеляна краковского, воеводы сандомирского, земли Велюньской, земли Галицкой и многочисленными другими хоругвями.

…ipsos insequentes existimabant jam obtinuisse victoriam dispersique hostes ab ipsorum banariis in ordinatione suarum acierum erraverunt et illos, quos retrocedere coegerant, fugere inceperunt. Postmodum autem reverti volentes, a suis hominibus et banariis per homines regis, qui directe banaria ipsorum per latera diviserunt, seclusi aut capti et gladio perempti perierunt. llli autem, qui de parte laeva illorum, qui divisi fuerunt, remanserant superstites, ad suos homines exercitus hostilis reversi, iterum uniti ad invicem cum banario magno castellani Cracoviensis, palatini Sadomiriensis, terrae Vyelyunensis, terrae Haliciensis et aliis multis banariis convenerunt.[277]

Из приведённого описания, с учётом рельефных особенностей местности, на которой произошло сражение, вполне определённо следует, что хоругви Ягайлы и Витовта не могли быть выстроены в прямую линию, а *должны были располагаться под углом друг к другу*. Соответственно должны были быть построены хоругви Фридриха фон Валенрода напротив армии Великого княжества Литовского и отряды Конрада фон Лихтенштайна напротив польского крыла. Кроме того, данное описание позволяет нам установить расположение ряда отдельных хоругвей из армии союзников.

Сама местность, где проходило сражение, не оставляет практически других вариантов для боевого построения армий. Такое расположение войск вполне конкретно подтверждается описанием битвы в источниках: удары крестоносцев были направлены в основном против хоругвей Витовта и в стык литовского и польского крыла союзных армий, потому что *это направление было единственно возможным вследствие особенностей рельефа местности на поле между Грюнвальдом и Танненбергом*.

[277] Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruceferis anno Christi 1410. // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 438.

Наконец, на место, где Ульрих фон Юнгинген произвёл перегруппировку остатков армии для возвращения в битву, указывает следующий отрывок из «Хроники конфликта…»:

…собрав тогда силы для возвращения в бой, магистр с оставшимися людьми, имея с собою пятнадцать или более хоругвей, из одного небольшого леска пожелал направить свои отряды против короля.	*…collectis itaque viceversa viribus magister de quadam silva parva cum sua gente residua, quindecim aut citra banaria habens secum, contra regis personam acies suas dirigere volui*.[278]

В целом, «Хроника конфликта…», дополняемая сообщениями других источников, при сравнении её реляций с рельефными особенностями поля боя позволяет не только достаточно точно определить расположение армий во время Грюнвальдского сражения, но и провести достоверную реконструкцию хода битвы.

[278] Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruceferis anno Christi 1410. // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 438.

4.2 Ситуация накануне сражения

Войска союзников прибыли в лес между озером Лубень из лагеря под Домбровно примерно между семью и восемью часами утра 15 июля 1410 года, проделав при этом путь расстоянием в пятнадцать километров. Реальность осуществления указанного перехода армиями Великого княжества Литовского и Польского королевства подтверждается двумя положениями:

– выступив из лагеря у Домбровенского озера на рассвете, и, продвигаясь со скоростью пять километров в час (минимальная скорость с которой может передвигаться обоз), союзники к этому времени должны были оказаться именно в местности между Грюнвальдом и озером Лубень;

– сражение, по свидетельству «Хроники конфликта…», началось в девять часов утра, соответственно, между семью часами и половиной девятого Ягайло выслушал мессу и принял герольдов, принёсших мечи от великого магистра Тевтонского ордена Ульриха фон Юнгингена.

Рисунок 13. Дислокация союзных армий утром перед битвой после перехода от Домбровно

Армия крестоносцев прибыла к селению Грюнвальд примерно к восьми часам утра в этот же день, пройдя расстояние около двадцати двух километров из лагеря возле Любавы, как это видно из реляции продолжателя хроники Яна фон Поссильге.

«Хроника конфликта…», а вслед за ней и Ян Длугош дают описание ситуации накануне сражения, согласно которой, обнаружив приближение двух передовых отрядов войск Тевтонского ордена, кто-то из польских рыцарей сообщил об этом Ягайле, вследствие чего король отдал приказ маршалу Польского королевства Збигневу из Бжезя выступить против них с частью армии в составе четырёх-шести хоругвей, которые выдвинулись на холмы между Лубенским лесом и рекой Вельки Струмень.

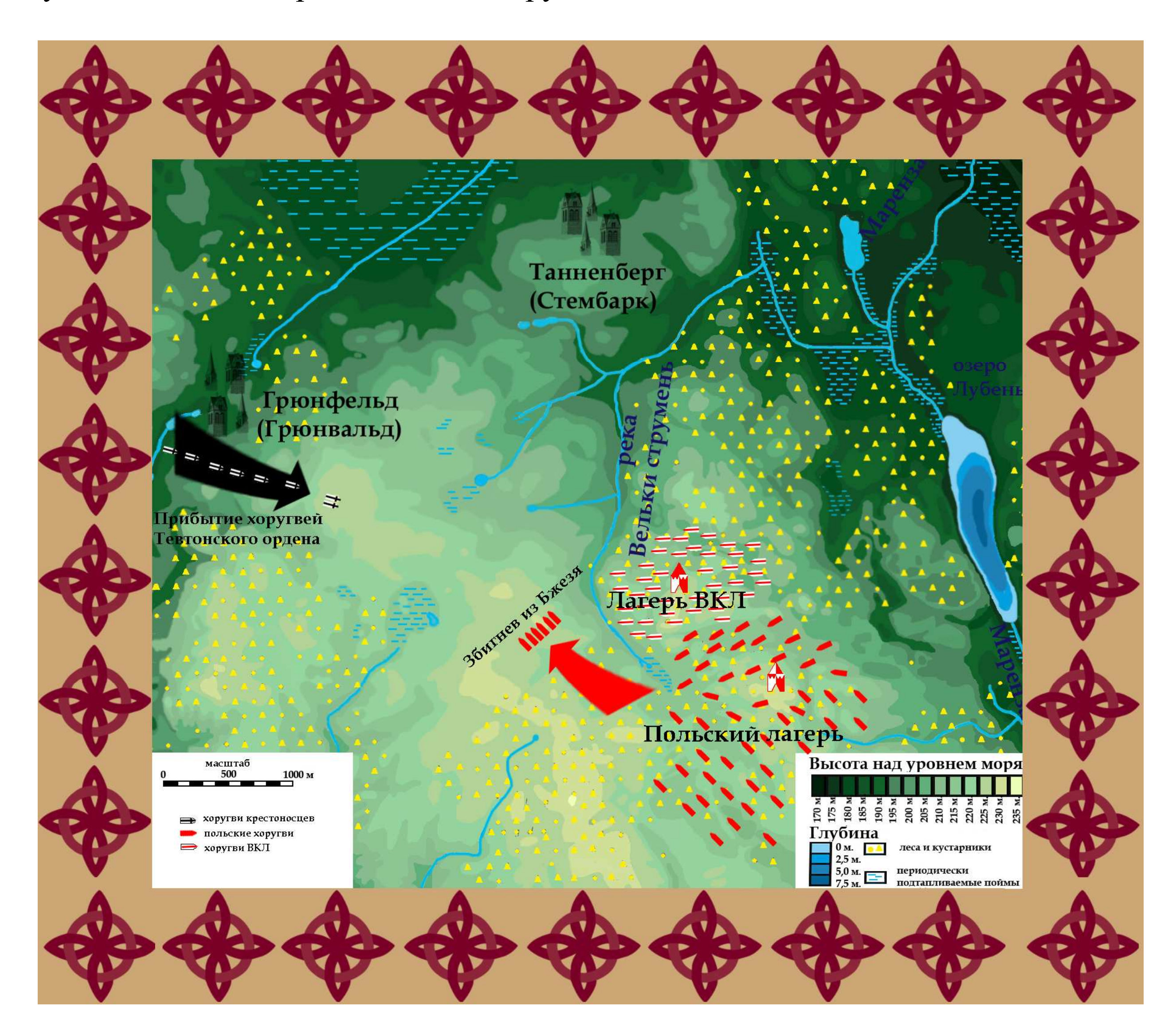

Рисунок 14. Прибытие армии Тевтонского ордена на поле битвы

Ульрих фон Юнгинген, обнаружив врага, сразу начал построение боевых порядков на возвышенностях чуть восточнее Грюнвальда. Тогда к польскому королю прибыл второй гонец с сообщением, о том, что враг находится на поле за лесом, ***«собранный в большой силе»***. Ягайло приказывает начать подготовку к

бою, рыцари вооружаются и садятся на коней, которых ***«только для боя держали»***.

Понимая, что перед ним находятся только передовые отряды войск противника, в то время как основная часть армий находится в лесу за полем, Ульрих фон Юнгинген присылает польскому королю герольдов с двумя мечами, переданными в качестве оскорбительного вызова на бой, о чём свидетельствуют как «Хроника конфликта…» и письма Ягайлы, так и продолжатель хроники Яна фон Поссильге.[279] При этом особенности рельефа Грюнвальдского поля объясняют слова магистра, переданные посредством герольдов, с предложением выбрать место битвы, поскольку можно было сражаться как на участке поля между Грюнвальдом и рекой Вельки Струмень, где построились крестоносцы, так и на участке между Вельким Струменем и Лубеньским лесом, где построились отряды под командованием Збигнева из Бжезя.

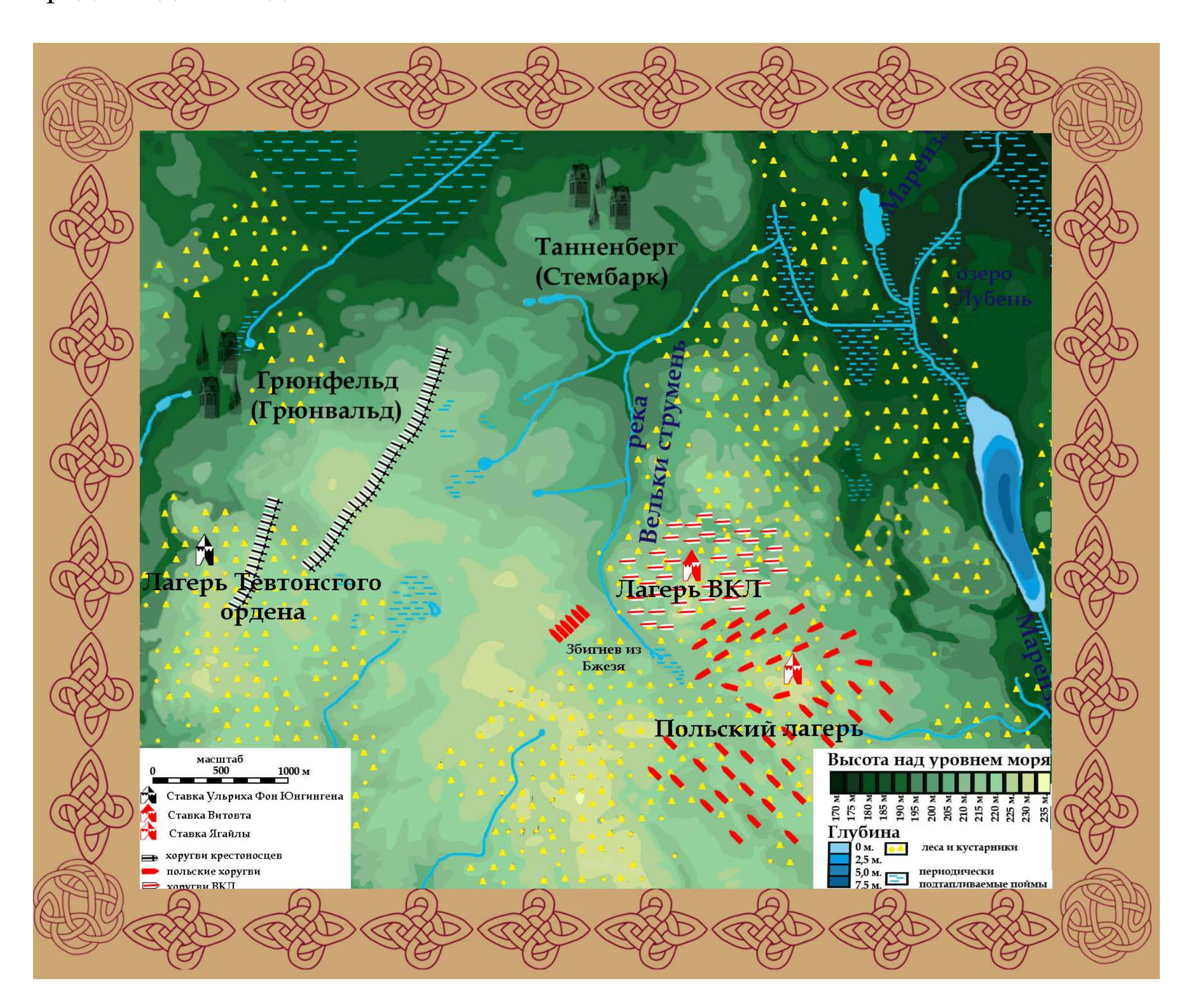

Рисунок 15. Построение армии Тевтонского ордена

[279] Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruceferis anno Christi 1410. // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 436-437. Johanns's von Posilge officials von Pomesanien, Chronic des landes Preussen (von 1360 an, fortgesetzt bis 1419) // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 315–316. Гагуа Р.Б. Лісты Ягайлы і ананімная «Хроніка канфлікту» як крыніцы па даследаванню Грунвальдскай бітвы / Р.Б. Гагуа // Гістарычны альманах. – 2007. – Т. 13. – С. 122–123.

Становится также понятным неопределённый ответ короля о месте боя, поскольку он на тот момент поля ещё попросту не видел.[280]

…в битве же с вами сойдёмся в месте, которое Бог всемогущий выбрать для нас пожелает.	*…quem autem omnipotens deus largire nobis dignabitur, vobiscum conflictum deducemus.*

Между половиной девятого и девятью происходит выдвижение союзных армий на поле перед Лубеньским лесом.

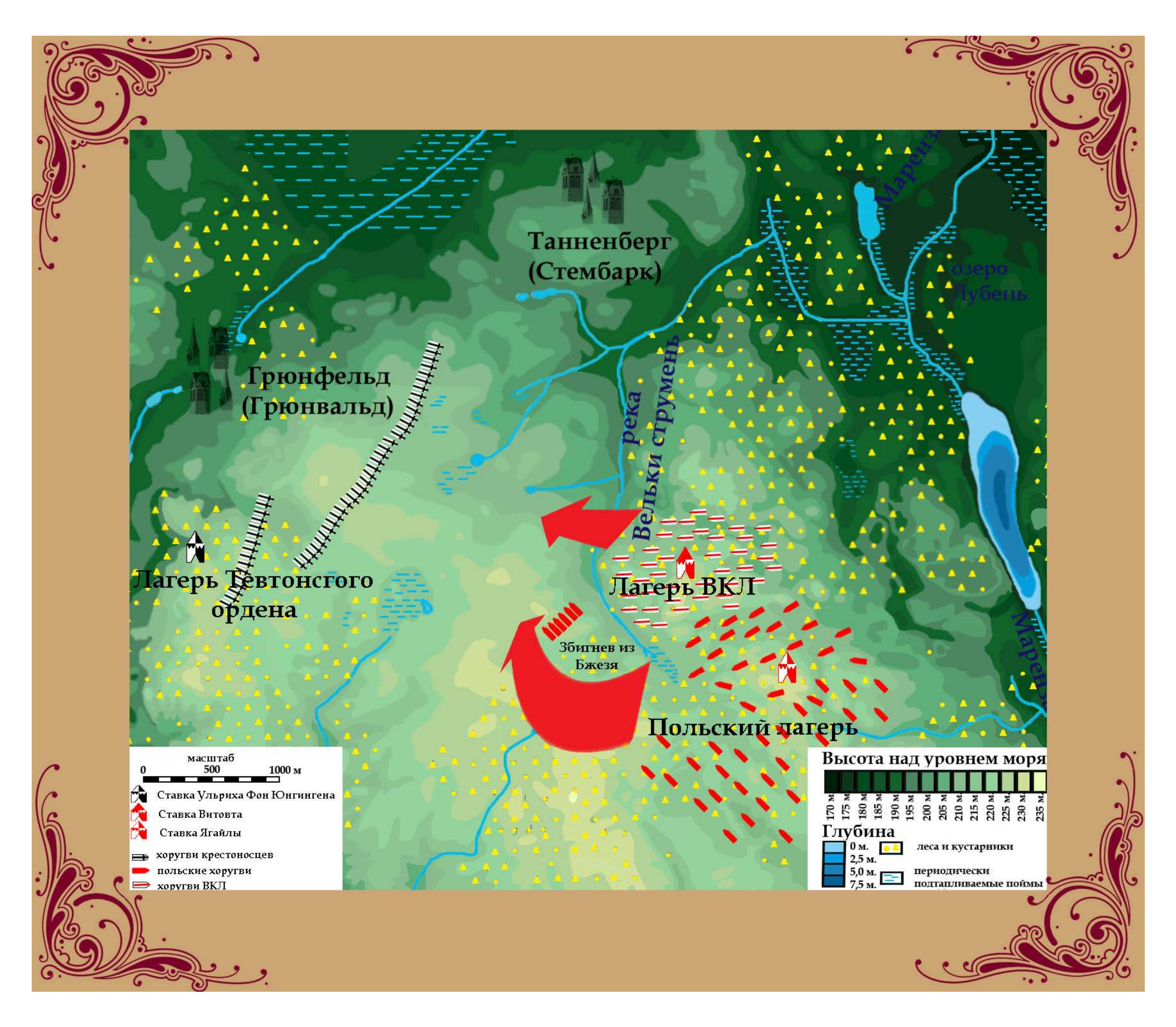

Рисунок 16. Выдвижение армий союзников на боевые позиции

После выдвижения противников на боевые позиции хоругви с обеих сторон не помещаются на поле боя. Поэтому союзники строят клинья в три линии, а у крестоносцев пятнадцать или более хоругвей остаются в резерве и располагаются

280 Лісты Ягайлы і ананімная «Хроніка канфлікту» як крыніцы па даследаванню Грунвальдскай бітвы / Р.Б. Гагуа // Гістарычны альманах. – 2007. – Т. 13. – С. 122–123.

где-то в районе лагеря. Соответственно на первом этапе сражения возможность действий получает только армия Витовта, занимающая правое крыло, поскольку крыло Ягайлы отделено от боевого расположения крестоносцев заболоченной местностью.

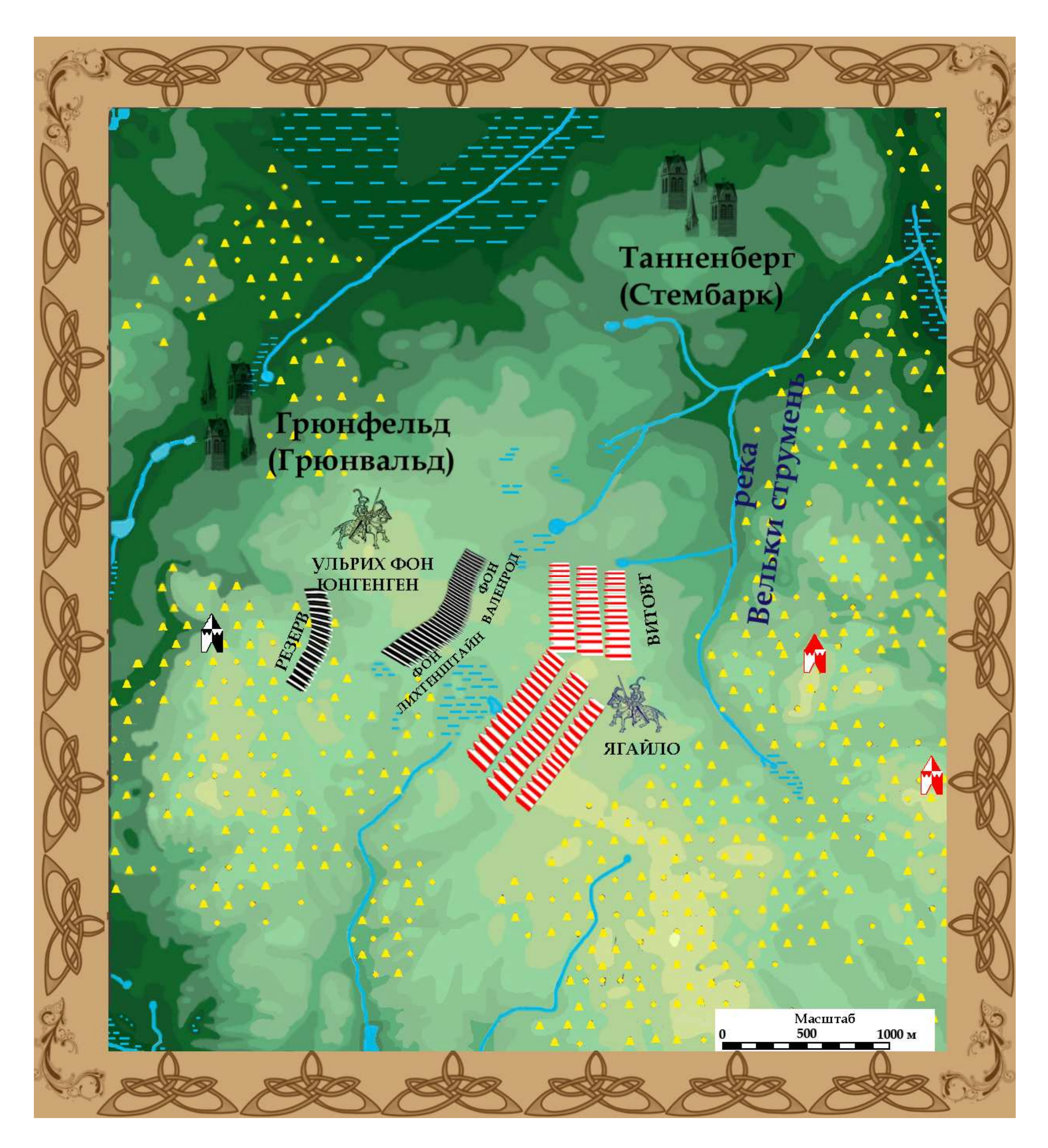

Рисунок 17. Боевое построение сторон перед битвой

Сражение начинается около девяти часов утра.

4.3 Начало сражения при Грюнвальде. Миф о смоленских полках.

На первом этапе битвы произошла конная сшибка правого крыла со стороны союзников, которое занимали хоругви Великого княжества Литовского под командованием князя Витовта, с левым крылом армии крестоносцев, которое занимали хоругви, составленные из элитарного рыцарства под командованием великого маршала Тевтонского ордена Фридриха фон Валенрода. В сшибку оказались вовлечены также два отряда из польского крыла – хоругвь передней стражи под малым знаменем с белым орлом и хоругвь Святого Георгия, состоящая из чешских и моравских наёмников.

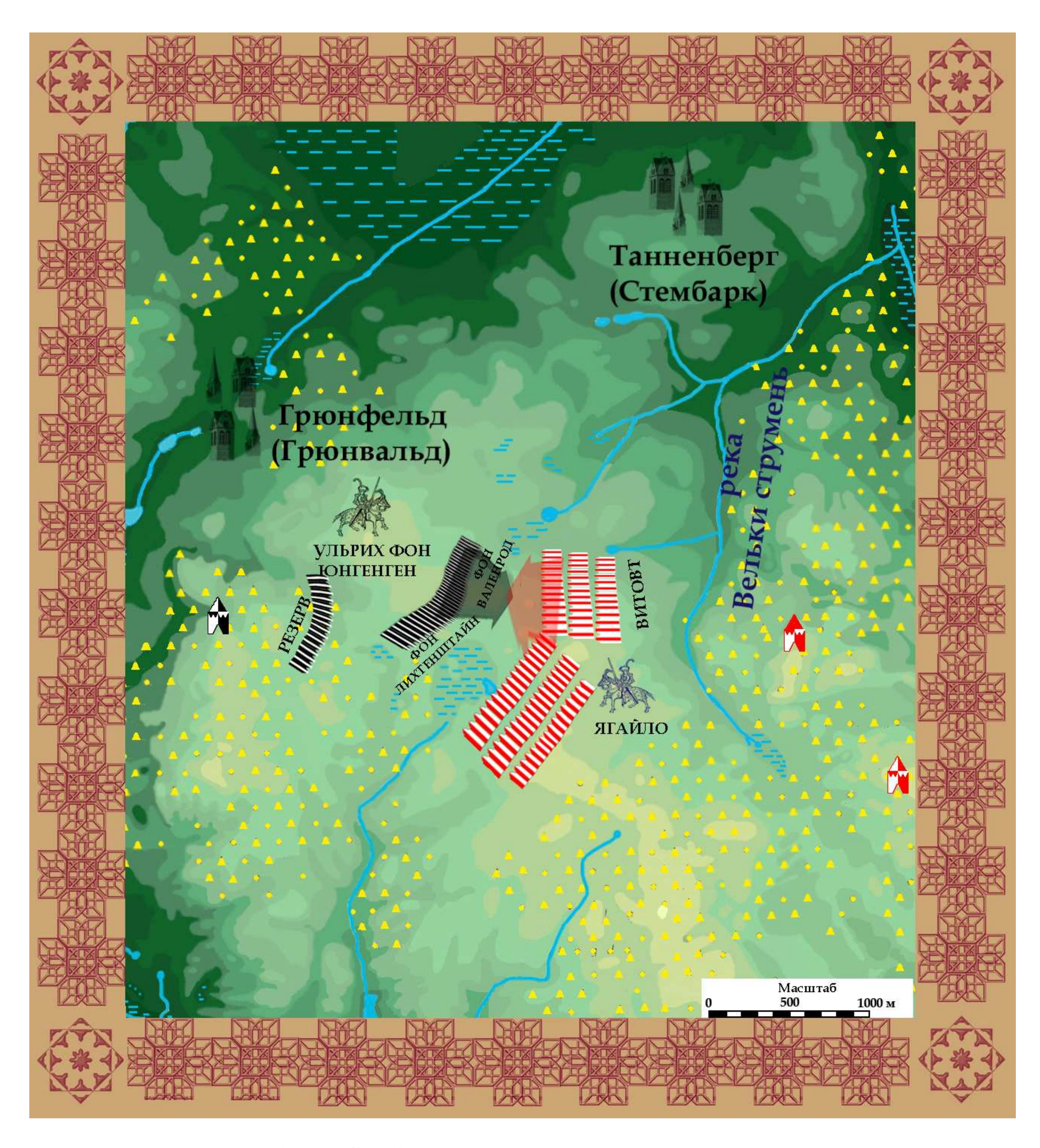

Рисунок 18. Начало битвы. Сшибка отрядов Витовта с хоругвями Фридриха фон Валенрода

После ожесточённого столкновения, длившегося, по-видимому, около часа, то есть примерно до десяти часов утра, часть хоругвей Великого княжества Литовского обратилась в бегство, соответственно, часть хоругвей Фридриха фон Валенрода пустилась в их преследование, нарушив, таким образом, боевой строй. Так, Чигизский манускрипт сообщает, что

…сойдясь в битве, …безоружные татары и литовцы понесли тяжёлые потери, давили (крестоносцев) однако численностью, а не опорой на плечи поляков. В жестокой же битве пало трупов сверх меры, и стало видно, что пруссы не так быстро раны наносят как сами от татар или литовцев получают. Тянулся около часа бой, когда самые славные пали с обеих сторон, литовцы, русские и татары, как животные, в жертву приносились.

…commisso prelio inermes quidem Tartarí et Lytwani magna strage cesi sunt; urgebat tamen multitudo nec terga daré sinebat Polonorum exercitus. Atrox igitur pugna super cadavera occisorum edebatur, nec tantum vulnerabat Prutenus alacer quantum excipere vulnus Tartarus ipse vel Lytwanus videbatur. Protractum est ad aliquot horas certamen, peracta ingens occisio, parte ex utraque Lytwani, Ruteni Tartarique tanquam pecudes mactabantur.[281]

Реляция Чигизского манускрипта подтверждается «Хроникой конфликта…»:

Другая же часть врагов среди тех, самых лучших людей крестоносцев, сошлись с большим запалом и криками с людьми Витовта, и после без малого часа взаимной битвы, потери с обеих сторон были настолько велики, что люди князя Витовта вынуждены были отступить. Тогда враги, преследуя их, решили, что уже одержали победу и, нарушив строй, отдалились от своих хоругвей и рядов своих отрядов, и перед теми,

Alia autem pars hostium ex eisdem electis cruciferorum hominibus cum maximo impetu et clamore cum gente ducis Vitoldi congressa et fere per horam proeliantes mutuo inter se plurimi ex utraque parte ceciderunt, ita quod gens Vitoldi ducis cogitur retrocedere. Et ita ipsos insequentes existimabant jam obtinuisse victoriam dispersique hostes ab ipsorum banariis in ordinatione suarum acierum erraverunt et illos, quos retrocedere coegerant, fugere

[281] Der Bericht der Chigi’schen Handschrift // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1870. – B. 4. – S. 235.

кого вынудили бежать, начали отступать.	inceperunt.[282]

При этом армия Витовта понесла огромные потери – до половины личного состава.

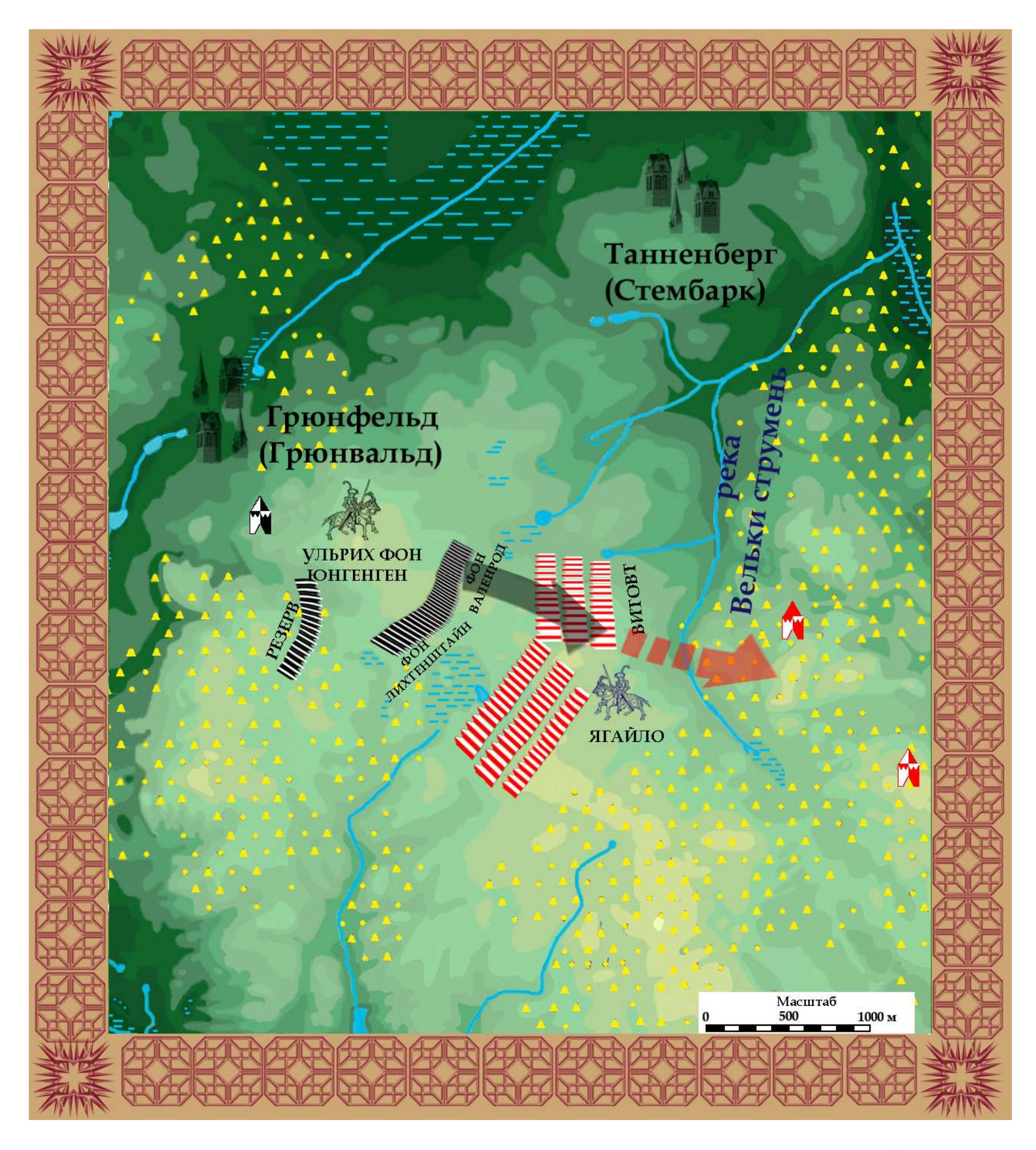

Рисунок 19. Прорыв Фридриха фон Валенрода и отступление части хоругвей ВКЛ

[282] Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruceferis anno Christi 1410. // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 438.

В данном моменте описание, представленное «Хроникой конфликта…», существенно отличается от реляции Яна Длугоша, который красочно описал бегство крыла, занимаемого армией Витовта, из которого единственно ***«русские рыцари Смоленской земли упорно сражались, стоя под собственными тремя знамёнами. Одни только не обратившись в бегство, и тем заслужили великую славу. Хотя под одним знаменем они были жестоко изрублены, и знамя их было втоптано в землю, однако в двух остальных отрядах они вышли победителями, сражаясь с величайшей храбростью, как подобало мужам и рыцарям, и, наконец, соединились с польскими войсками; и только они одни в войске Александра Витовта стяжали в тот день славу за храбрость и геройство в сражении; все же остальные, оставив поляков сражаться, бросились врассыпную в бегство, преследуемые врагом»***.[283]

Это сообщение Яна Длугоша привело к появлению в русской дореволюционной, а также советской историографии убеждения в том, что смоленские полки сыграли решающую роль в Грюнвальдском сражении и спасли положение своей стойкостью, предотвратив поражение союзных армий.[284]

Следует отметить, что если отнестись к реляции польского хрониста с минимальной долей критицизма, то мы обнаружим сплошные противоречия в его нарративе, выразившиеся в нестыковке времени и места происходящих событий.

Первоначально Ян Длугош упоминал, что в армии Витовта находилась только одна смоленская хоругвь, а не три.[285] При этом хронист не упоминает при описании битвы о действиях каких-либо других хоругвей со стороны Великого княжества Литовского.

Вообще, не совсем понятно, каким образом хоругви Витовта могли быть отличены представителями Польши во время боя одна от другой, если они имели всего две разновидности знамён – с «Погоней» и «Гедиминовыми столпами»?

Как мы уже выяснили выше, «Хроника конфликта…» и летописи Ордена сходятся в том, что войска Великого княжества Литовского участвовали в окружении и разгроме крестоносцев. Правда, первоначально армия Витовта понесла тяжёлые потери, как об этом свидетельствуют компиляторы Энеа Сильвио Пикколомини. Подтверждение находим в донесении Генриху фон Плауену из Тапиау от двадцать первого октября 1410 года, в котором сообщалось, что Витовт должен был потерять в битве под Грюнвальдом *половину* своей армии, поскольку только с половиной рыцарей вернулся в свои земли.[286] Получается, что половина армии Великого княжества Литовского осталась на поле боя и продолжала бой, а не только три полка.

---

[283] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 102.

[284] Гагуа, Р.Б. Российская и белорусская историография сражения при Грюнвальде / Р.Б. Гагуа // Весн. Гродн. дзярж. ун-та імя Я.Купалы. Сер. 1, Гуманітарныя навукі. – 2003. – № 2 (20). – С. 15–22.

[285] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 91.

[286] Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae. 1376-1430 // Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia / Collectus opera A. Prochaska. – Cracoviae: Academia Literarum Crac.,Sumptibus Academiae Literarum Crac., Typis Vlad. L. Anezye et Com, 1882. – T. 6. – S. 213.

Далее Ян Длугош пишет, что отступила также наёмная хоругвь Святого Георгия со стороны союзников, которая, однако, вскоре вернулась из леса и снова вступила в сражение.[287]

Тут же, согласно его сообщению, во время возвращения из преследования бежавшей армии Великого княжества Литовского рыцари из армии Тевтонского ордена ***«ведя с собой множество пленных и держа себя победителями»***, увидели, что их армия начинает уступать, бросили добычу и вступили в бой. Тогда, как пишет хронист, ***«с подходом новых воинов борьба между войсками становится ожесточённой. И так как с обеих сторон пало множество воинов и войско крестоносцев понесло тяжёлые потери рыцарями, а к тому же его отряды смешались, и предводители их были перебиты, то появилась надежда, что оно обратится в бегство. Однако, благодаря упорству крестоносцев Ордена и рыцарей чешских и немецких, замиравшее уже было во многих местах сражение снова возобновилось»***.[288] При этом Ян Длугош замечает, что ***«Витовт, великий князь литовский, весьма огорчаясь бегством своего войска и опасаясь, что из-за несчастной для них битвы будет сломлен и дух поляков, посылал одного за другим гонцов к королю, чтобы он спешил без всякого промедления в бой; после напрасных просьб князь спешно прискакал сам, без всяких спутников, и всячески упрашивал короля выступить в бой, чтобы своим присутствием придать сражающимся более одушевления и отваги»***.[289]

Для сравнения приведём цитату из Чигизского манускрипта:

Когда король в шатре по обычаю был на богослужении, конца мессы дожидаясь, пришёл Витовт, брат его, укоряя короля за его нравы, и что послать на помощь все войска не хочет. Король, Божьей себя предоставив защите, пролил слёзы и, вскочив на своего коня, тотчас же в битву силой оружия несгибаемого вступил. Произвёл [он этим] неожиданную перемену: сражение возобновилось снова. Павшие духом немцы, ранее понёсшие столь большие потери и уже с трудом поднимавшие оружие, к битве вернулись.

Interim rege in tentorio moram agente finem misse exspectando, venit frater suus Vitoldus increpans moras regis, eo quod omnes auxiliarii exercitus iam defecissent. Rex Deo se commendans lacrimas fudit atque sic equum suum conscendit ac Polonorum aciem va-lidam ferro rigentem contra Prutenos emittit. Fit súbita mulacio: instauratum est de novo prelium. Defessi Theutones prius tanta cede peracta ferrum versare vix poterant remissiusque pugnabant. [290]

---

[287] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 104.
[288] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 104.
[289] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 102.
[290] Der Bericht der Chigi’schen Handschrift // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1870. – B. 4. – S. 236.

В представленном случае мы наблюдаем определённую несогласованность сообщений Чигизской рукописи и «Хроники конфликта…», согласно которой польское крыло вступило в сражение ещё до бегства части хоругвей великого княжества Литовского:

Когда уже обе армии, как королевская, так и Витовта, сошлись и бились со всеми отрядами врага - а большая часть войск пруссов из отборных своих отрядов была построена напротив людей князя Витовта, хоругви Святого Георгия и хоругви нашей передней стражи - встретились с громким гулом и безграничной конской прытью в одной долине таким образом, что противник сверху, и наша сторона также сверху взаимными ударами один другого разить начали.

Cum jam uterque exercitus, tam regis quam ducis Vitoldi, cum omnibus hostium aciebus fuere ad invicem copulati et congressi, majorque exercitus Prutenorum ex electis ipsorum aciebus fuere ad invicem ordinati super gentem ducis Vitoldi, banarium sancti Georgii et banarium nostrae primae aciei congressi cum clamore maximo et incursu equorum nimio in valle quadam, sic quod adversa pars de monte et pars nostra similiter de monte mutuis se susceperunt ictibus lacerare.[291]

Поэтому Ян Длугош также перед описанием бегства поместил сообщение, что в бою с противником сошлись как поляки, так и хоругви Витовта: ***«крестоносцы, заметив, что на левом крыле против польского войска завязалась тяжёлая и опасная схватка (так как их передние ряды уже были истреблены), обратили силы на правое крыло, где построилось литовское войско; войско литовцев имело более редкие ряды, худших коней и вооружение, и его, как более слабое, казалось, легко было одолеть»***.[292] Потом же хронист указал, что Витовт просил вступить в бой не польскую армию, а непосредственно Ягайло, чтобы он личным примером вдохновил рыцарство на бой.

Вполне очевидно, что при создании описания сражения, Ян Длугош использовал, в первую очередь, «Хронику конфликта…» и Чигизский манускрипт, пытаясь синтезировать их. Когда же возникали определённые противоречия и нестыковки в сообщениях этих источников, он пытался исправить их, прибегая к изустным свидетельствам и собственным догадкам. В

[291] Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruceferis anno Christi 1410. // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 437.
[292] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 102.

результате, сражение «обрастало» новыми подробностями, как правило, являвшимися результатами не более чем догадок и домыслов хрониста.

В конечном итоге, интеграция иногда не совсем последовательных сообщений источников с легендарными известиями, пропущенная через сито авторских фантазий, привнесла ещё большую путаницу в нарратив Яна Длугоша.

Так, в «Хронике конфликта…» содержится сообщение о начале битвы следующего содержания:

…все вместе <u>начали со слезами петь «Богородицу» и двинулись в бой</u>, проливая слёзы, которые сам король извлёк из их сердец своими словами. По правую руку вступил в бой князь Витовт со своими людьми, с хоругвью Святого Георгия и хоругвью передней стражи. <u>Ненадолго перед самым началом битвы прошёл лёгкий теплый дождь и смыл пыль с конских копыт</u>. <u>А в самом начале этого дождя пушки врага, а у врага их было великое множество, дали два залпа каменными ядрами</u>, но не смогли этим обстрелом причинить никакого вреда; и при первой же стычке с людьми короля (враг) был отброшен от этих орудий самое меньшее на стадий. <u>В тот же миг разгорелся жестокий бой.</u>	*…his completis omnes unanimiter <u>cum fletu Bogarodzycza cantare coeperunt et ad bellum processerunt,</u> lacrimis tamen perfusis, quas ipse rex e pectoribus eorum eduxerat suis exhortationibus. In manu dextra dux Vitoldus cum gente sua cum banario sancti Georgii[293] et[294] banario primae acici bellum est ingressus. <u>In ipso autem primo ingressu belli ante paulisper pluvia lenis et calida erupit et pulveres ab equorum pedibus solvit Cumque in ipsius pluviae initio duo ictus in emissione lapidum de pixidibus hostium facti erant, quia hostes multos pixides habuerunt</u>, nullum tamen nocumentum per hujusmodi emissiones nostris facere potuerunt; et statim primo congressu cum gente regis facto ab eisdem pixidibus fere per stadium sunt repulsi. <u>Bellum fecere tunc asperrimuni</u>.*[295]

Данное свидетельство разрывается Яном Длугошем и приводится летописцем в двух местах своей «Истории Польши». Сначала он пишет: ***«лишь только зазвучали трубы, всё королевское <u>войско</u> громким голосом <u>запело</u> отчую нашу песнь <u>«Богородицу»</u>, <u>а затем</u>, потрясая копьями, <u>ринулись в бой</u>»***.[296] Далее продолжает: ***«оба войска, подняв с обеих сторон крик, который обычно издавали, устремляясь в бой, сошлись посреди разделявшей их равнины, причем <u>крестоносцы после, по крайней мере, двух выстрелов из бомбард старались разбить и опрокинуть польское войско</u>; однако усилия***

[293] Эрнст Штрельке в своей транскрипции приводит ошибочно «Gregorii», на что обращает внимание Зигмунт Целиховски.

[294] Так в транскрипции Зигмунта Целиховского. В изданиях Эрнста Штрельке и Августа Беловского вместо «et» даётся «scilicet».

[295] Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruceferis anno Christi 1410. // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 437.

[296] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 101.

их были тщетны, хотя прусское войско бросилось в бой с более сильным натиском и криками с более высокого места».[297] А затем, уже после описания бегства армии Великого княжества Литовского и отступления и возвращения в битву чешских и моравских наёмников из хоругви Святого Георгия, Ян Длугош сообщает, что ***«после того, как литовское войско обратилось в бегство и страшная пыль, застилавшая поле сражения и бойцов, была прибита выпавшим приятным небольшим дождём, в разных местах снова начинается жестокий бой между польским и прусским войском»***.[298]

Представляется вполне вероятным, что три смоленских полка – всего лишь очередное недоразумение, внесённое Яном Длугошем в повествование с вполне определёнными целями: преодолеть противоречия между сообщениями доступных ему источников, объяснив, каким образом бежавшая армия Витовта приняла впоследствии участие в военных действиях, и подчеркнуть в очередной раз вклад, внесённый польской стороной в разгром крестоносцев.

По всей вероятности, смоленская хоругвь находилась на стыке крыла Великого княжества Литовского и позиций, занимаемых польскими хоругвями (что стало известно Яну Длугошу из изустных источников), откуда была оттеснена вместе с хоругвями Святого Георгия и передней стражи к польским отрядам во время прорыва атакой Фридриха фон Валенрода боевого построения армии Витовта и обращения в бегство части отрядов Великого княжества Литовского. В любом случае, *говорить о каком бы то ни было судьбоносном влиянии на сражение со стороны смоленских воинов нет абсолютно никаких оснований*.

[297] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 101.
[298] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 104.

4.4 Вступление в битву польских хоругвей, окружение части армии крестоносцев, ввод в бой резервов Ульрихом фон Юнгингеном и разгром войск Тевтонского ордена

Во время отступления части хоругвей Великого княжества Литовского, примерно в десять часов утра, в битву вступают польские отряды, выдвигаясь по направлению к Грюнвальду, и сходятся с хоругвями крестоносцев, которые вводит в бой великий комтур Тевтонского ордена Конрад фон Лихтенштайн.

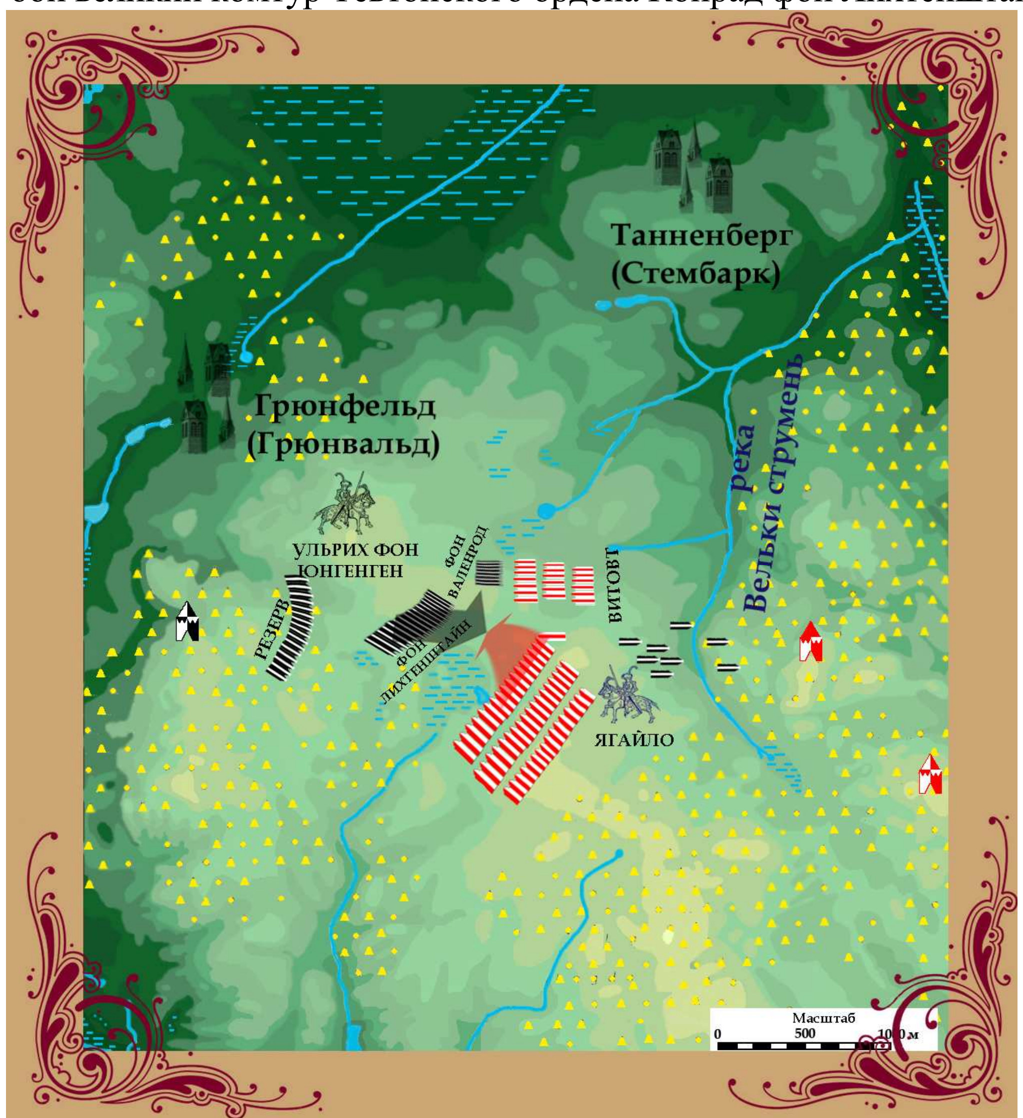

Рисунок 20. Вступление в сражение польского крыла армии союзников

Крестоносцы отбрасываются от своих орудий. Далее завязывается жестокий бой, во время которого происходит соединение остатка хоругвей Фридриха фон Валенрода с клиньями Конрада фон Лихтенштайна со стороны крестоносцев и остатков армии Витовта с передней линией польских отрядов со стороны союзников. Данное положение логически вытекает из сообщения «Хроники конфликта…», согласно которому крестоносцы,

…что стояли с левой стороны от тех, что были отрезаны, остались в живых, вернулись к своим людям от	*…qui de parte laeva illorum, qui divisi fuerunt, remanserant superstites, ad suos homines exercitus hostilis reversi,*

войск противника и, снова соединившись, сошлись с большой хоругвью кастеляна краковского, воеводы сандомирского, земли Велюньской, земли Галицкой и многочисленными другими хоругвями. В этой стычке разгорелся очень жестокий бой, и поэтому в тогда многие пали.

iterum uniti ad invicem cum banario magno castellani Cracoviensis, palatini Sadomiriensis, terrae Vyelyunensis, terrae Haliciensis et aliis multis banariis convenerunt. In quorum congressu bellum gerebatur asperrimum et multi hinc inde ciciderant mortui.[299]

Во время четвёртой фазы сражения происходит возвращение рыцарей армии Ордена, пустившихся в преследование обращённой в бегство части хоругвей Витовта.

Рисунок 21. Возвращение крестоносцев из преследования

[299] Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruceferis anno Christi 1410. // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 438.

Они тут же зажимаются с флангов второй и третьей линиями польских клиньев и оставшихся на поле боя хоругвей Великого княжества Литовского, происходит их окружение и уничтожение либо пленение.

Примерно к четырём часам пополудни происходит перелом в сражении – часть хоругвей крестоносцев отходят к своему лагерю.

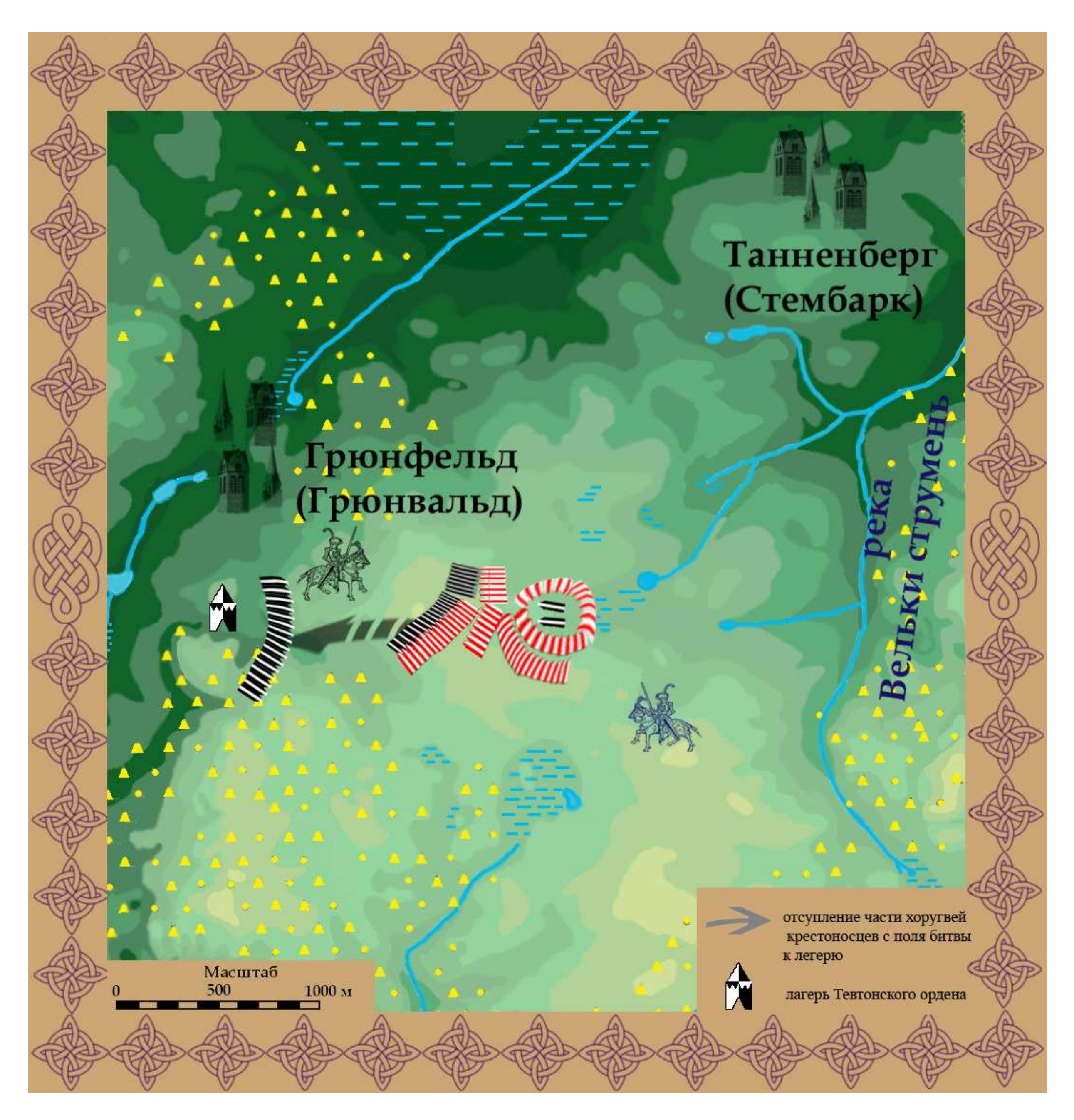

Рисунок 22. Окружение крестоносцев, возвращающихся из преследования. Отход части хоругвей Ордена к лагерю

Пытаясь исправить критическое положение, Ульрих фон Юнгинген в роще южнее селения Грюнвальд производит перегруппировку резервных хоругвей, дополняя их отступившими воинами, и лично ведёт их в сражение.

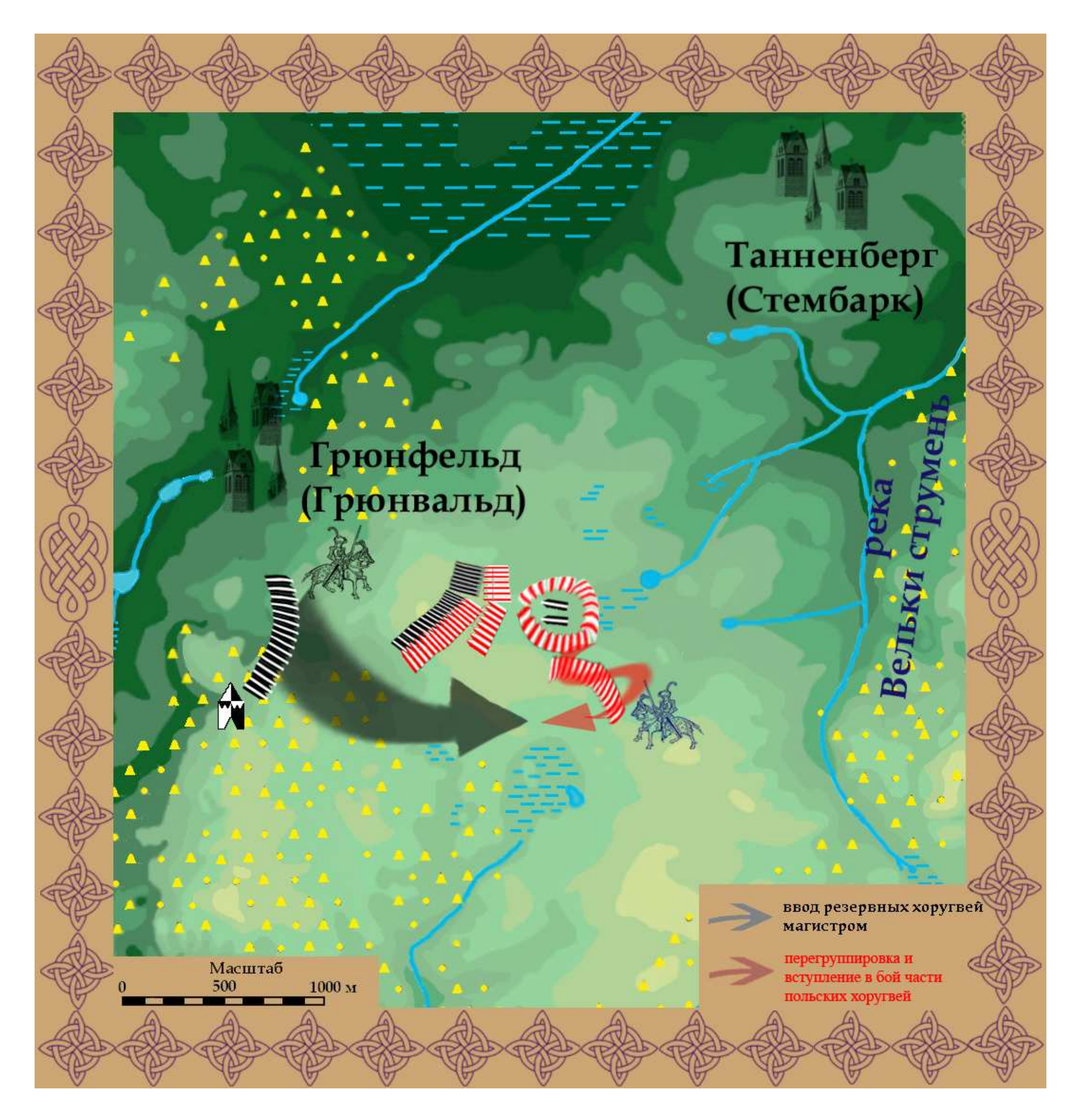

Рисунок 23. Введение в битву магистром резервных хоругвей

Резерв крестоносцев, в котором, по всей видимости, преобладала городская пехота, как это следует из свидетельств как Чигизского манускрипта, так и «Хроники конфликта…», которые сообщают, что цвет рыцарства сражался против хоругвей Витовта, пройдя с правого фланга сошедшихся в бою войск, вышел прямо к холму, где располагался Ягайло. Возможно, таким образом Ульрих фон Юнгинген планировал совершить фланговый обход и зайти в тыл к противнику. В «Хронике конфликта…» читаем:

…собрав тогда силы для возвращения в бой, магистр с оставшимися людьми, имея с собою пятнадцать или более хоругвей, из одного небольшого леска пожелал направить свои отряды против короля; и уже копья и пики, сняв с плеч, положили на щиты и стали по местам, желая узнать, где удобнее

…collectis itaque viceversa viribus magister de quadam silva parva cum sua gente residua, quindecim aut citra banaria habens secum, contra regis personam acies suas dirigere voluit, et jam lanceas hastasque ex humeris depositas scutis junxerant fixique stabant, considerare volentes, ubi ipsis facilior et utilior congressus hostium

наиболее успешно сойтись с врагом. *videretur.*[300]

Во время подхода резервных хоругвей к месту, где располагался Ягайло, один из рыцарей армии Тевтонского ордена совершил нападение непосредственно на польского короля и был убит:

Тогда один хорошо вооружённый рыцарь из Тевтонского ордена, хотевший в поединке обратить коня своего против короля, подъехал ближе к нему. Король же, схватив в руку своё копьё, смертельно ранил его в лицо, в то же время он, другими с коня сброшенный, упал на землю мёртвым.

Itaque unus miles decenter armatus de ordine cruciferorum sine acie equum suum dirigere volens contra regem propius ipsum acceserat. Rex autem accepta manu hasta sua ipsum letaliter in faciem vulneravit, et statim per alios equo projectus in terram cecidit interfectus.[301]

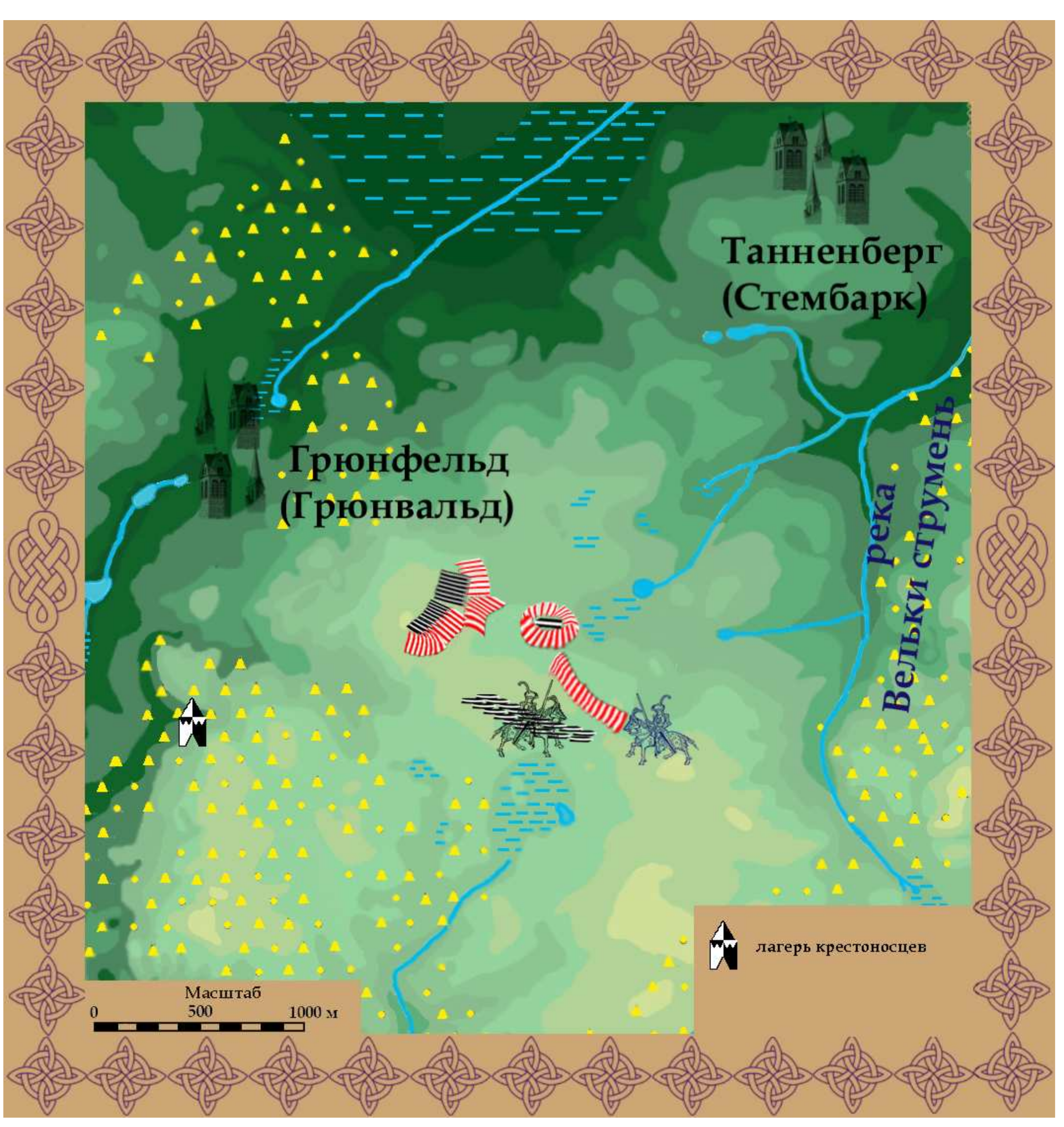

Рисунок 24. Подход резерва во главе с магистром Ордена к ставке Ягайлы

[300] Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruceferis anno Christi 1410. // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 438.

[301] Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruceferis anno Christi 1410. // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 438.

Далее Ульрих фон Юнгинген начал атаку в направлении королевской ставки, где завязался жестокий бой:

…хоругви магистра со своего места выступили против короля, наткнулись на большую хоругвь и мужественно сшиблись копьями.

…acies magistri de loco, in quo fixae erant, contra regem se moventes, contra banarium magnum procedentes, mutuo viriliter se susceperunt hastis suis.[302]

Как свидетельствует продолжатель Яна фон Поссильге,

*…**магистр вместе со своими людьми трижды пробивался сквозь них, и король так отступил, что они уже начали петь «Христос воскрес.***

…der meister mit den synen slugin sich drystunt dorch mit macht, und der koning was gewichen, also das dese sungen: «Christ ist entstandin.[303]

У Яна Длугоша данный момент, дополненный изустными свидетельствами, нашёл отражение в его истории в следующем виде: ***«между тем как крестоносцы стали напрягать все силы к победе, большое знамя польского короля Владислава с белым орлом (которое нёс Мартин из Вроцимовиц, хорунжий краковский, рыцарь герба Полукозы) под вражеским натиском рушится на землю. Однако благодаря весьма опытным и заслуженным рыцарям, которые состояли при нём и тут же задержали его падение, знамя подняли и водрузили на место»***.[304]

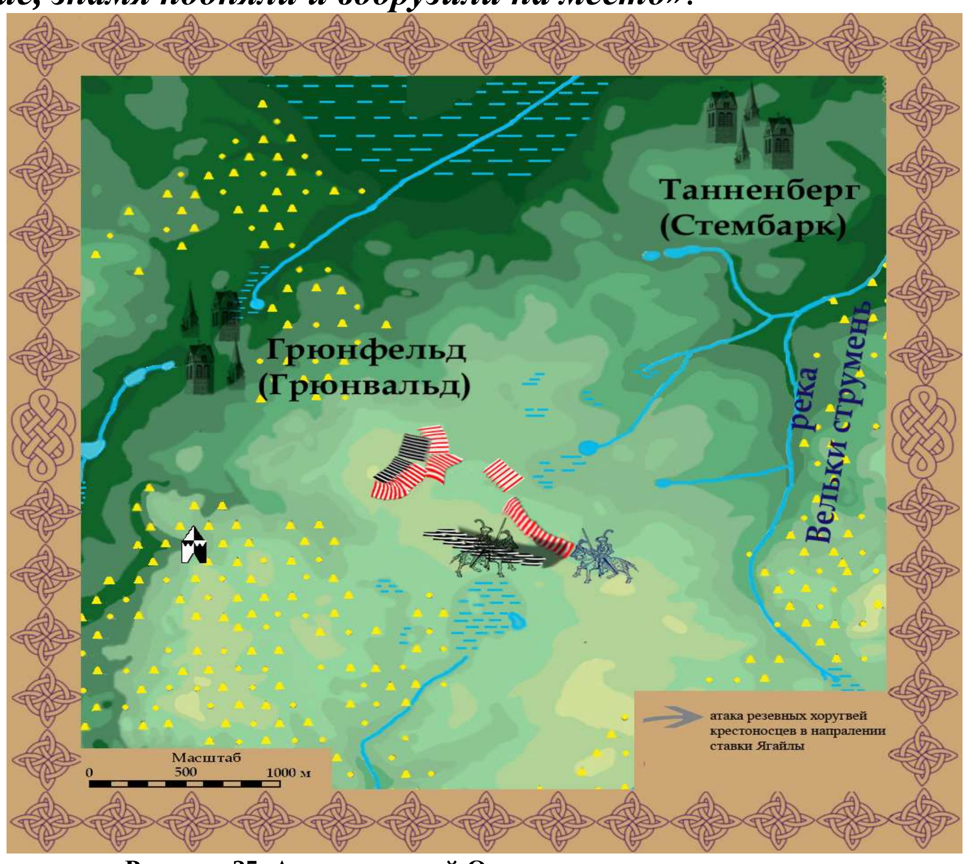

Рисунок 25. Атака рыцарей Ордена на королевскую ставку

---

[302] Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruceferis anno Christi 1410. // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 438.

[303] Johanns's von Posilge officials von Pomesanien, Chronic des landes Preussen (von 1360 an, fortgesetzt bis 1419) // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 316.

[304] Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 104.

Однако войска союзников, осуществившие уничтожение или пленение рыцарей, возвратившихся из преследования, перестроившись, охватили с флангов введённый в бой Ульрихом фон Юнгингеном орденский резерв, частично уничтожили его, убив магистра и орденскую верхушку, как это следует из «Хроники конфликта…»:

…в первой же стычке магистр, маршал и комтуры всего Тевтонского ордена были убиты.

…in primo congressu magister, marsalcus, commendatores totius ordinis cruciferorum interempti sunt.[305]

О том же свидетельствует и продолжатель Яна фон Поссильге:

…но пришли его гости и наёмники, когда они не были построены, и напали с одной стороны, а язычники с другой, и окружили их, и люди магистра и великие сановники и очень много братьев Ордена – все погибли. Вернувшись, они захватили других, как братьев, так и лошадей.

…quomen syne geste und soldener, als dese nu vormuet worin, und troff in mit yn uff dy syte und dy heydin uf dy ander, und umbgobin sy, und slugin den meister und dy grostin gebiteger und gar vil bruder des ordins alle tot, wend sy nymant anders remetin, als der bruder und der pferde.[306]

Оставшиеся в живых крестоносцы, спасаясь бегством, достигли своего лагеря:

…те же, кто уцелел, увидев, что магистр, маршал и другие сановники Ордена погибли, обратились в бегство и вернулись в скором времени к своему лагерю, который был разбит ранее.

…reliqui autem, qui superstites remanserunt, viso, quod magister, marsalcus et alii consiliarii ordinis perierunt, terga vertentes, usque ad stationes suas, quas metati fuerant, illo tempore fugerunt.[307]

---

305 Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruceferis anno Christi 1410. // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 438.

306 Johanns’s von Posilge officials von Pomesanien, Chronic des landes Preussen (von 1360 an, fortgesetzt bis 1419) // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 316.

307 Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruceferis anno Christi 1410. // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 438.

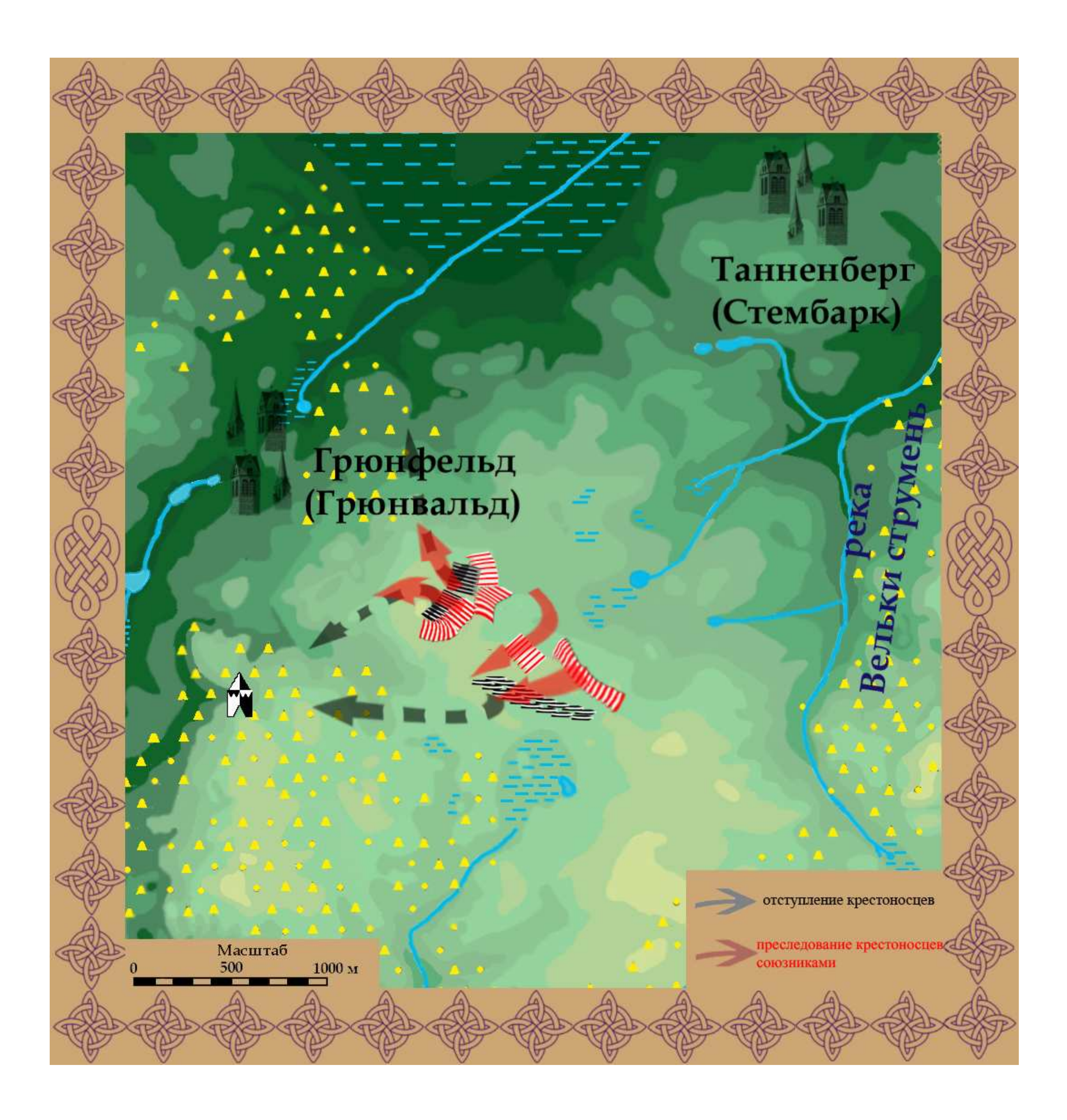

Рисунок 26. Контратака союзных войск и бегство крестоносцев к лагерю

В заключительной фазе сражения союзные войска взяли штурмом лагерь крестоносцев, укреплённый телегами по принципу «вагенбурга» и занимались преследованием бегущего в северном направлении врага, в котором принял лично участие Ягайло, как это следует из его писем. Преследование беглецов закончилось примерно к девяти – десяти часам вечера.

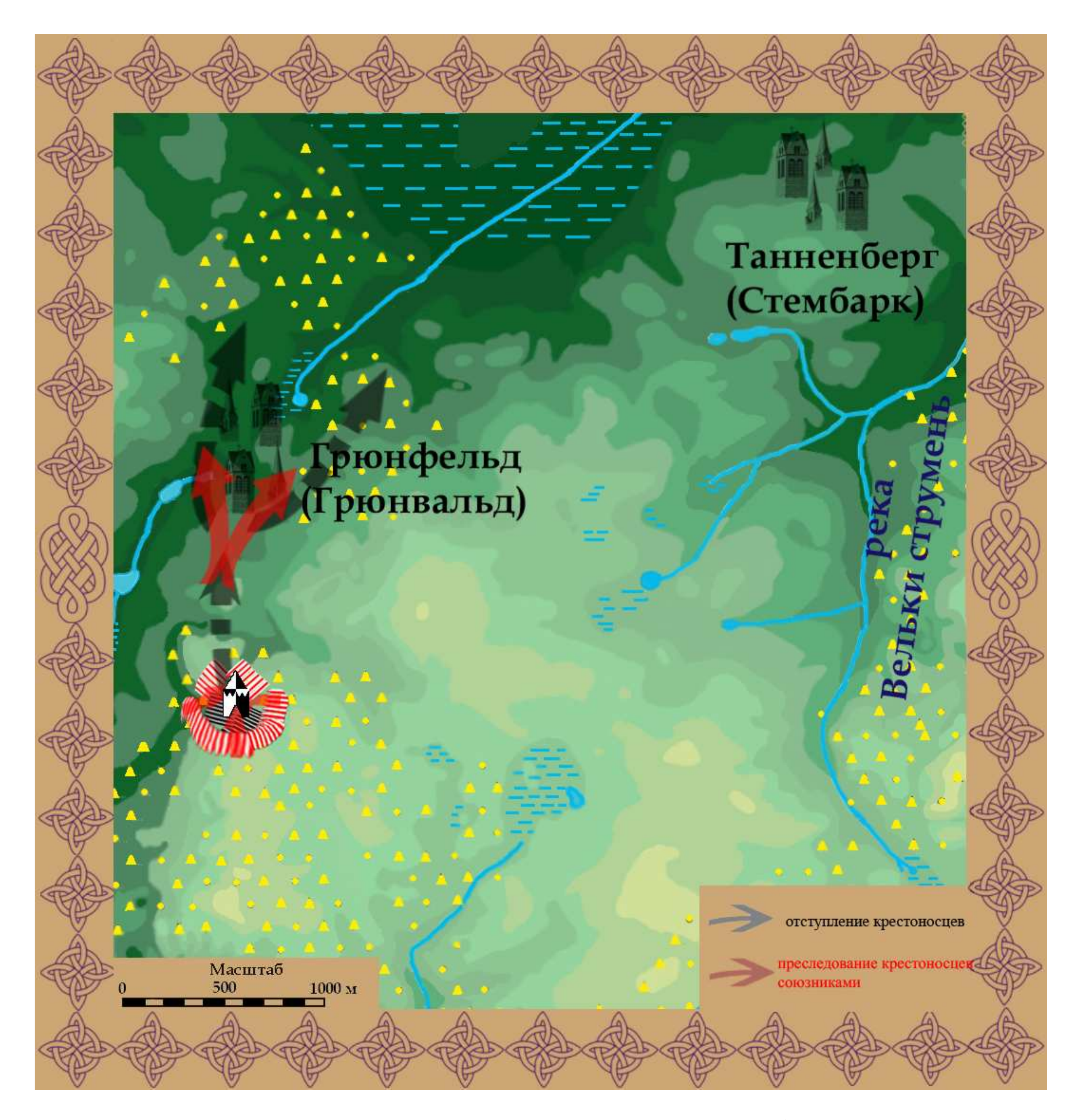

Рисунок 27. Взятие союзниками лагеря кретоносцев и преследование бегущего противника

Таким образом, учитывая всё вышеизложенное, можно сделать ряд вполне определённых и важных умозаключений:

– «Хроника конфликта…», продолжение хроники Яна фон Поссильге и Чигизская рукопись являлись источниками для «Истории Польши» Яна Длугоша, в то время как ряд документов Ордена, таких, как анонимное письмо великому магистру с советами в случае полевой битвы, ему были неизвестны.

– «Хроника конфликта…», хроника Яна фон Поссильге и Чигизский манускрипт являются примарными источниками для исследования Грюнвальдского сражения, и их познавательная ценность несравненно выше реляций Яна Длугоша.

– Сравнительный анализ «Хроники конфликта…» позволяет окончательно решить ряд вопросов относительно битвы при Грюнвальде, которые до настоящего момента носили в историографии дискуссионный характер.

– Концепции историков, основанные на сообщениях Яна Длугоша, являются искажением исторической действительности и требуют радикального пересмотра.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволило ответить на ряд важных вопросов, касающихся источникового корпуса Грюнвальдской битвы. Из всех нарративных реляций, как западноевропейских хронистов, так и летописцев из Восточной Европы, посвящённых событиям 15 июля 1410 года, центральное место следует отвести «Хронике конфликта…». «Хроника конфликта…» на настоящий момент, без всякого сомнения, представляет нам одно из самых подробных и достоверных описаний сражения при Грюнвальде.

Созданная в период *с ноября 1410 по январь 1411 года* кем-то из очевидцев событий, по всей видимости, вице-канцлером Польского королевства Миколаем Тромбой, хроника вместе с летописным и эпистолярным наследием Польши и Тевтонского ордена стала примарным источником к описанию сражения для «отца польской истории» Яна Длугоша и продолжает оставаться основным источником реконструкции событий битвы 15 июля 1410 года для современных исследователей.

Данное произведение не является исключительно летописным нарративом – скорее оно сочетает в себе черты хроники, своеобразного дневника военных действий, которые позже – в XVI – XVIII столетиях обрели столь большую популярность в Речи Посполитой и рыцарского романа, восхваляющего Ягайло и один из самых выдающихся его военных успехов.

«Хроника конфликта…» позволяет успешно решить ряд вопросов относительно сражения, которые до этого носили дискуссионный характер в исторической науке и, прежде всего, разрешить те недоразумения, которые допустил в своей компиляции Ян Длугош, послужившие поводом для разногласий по поводу хода битвы.

Прежде всего, мы можем по-новому взглянуть на непосредственные причины, приведшие к генеральному полевому сражению между союзнической коалицией и армией Тевтонского ордена во время кампании 1410 года, предпринятой Польским королевством и Великим княжеством Литовским в Пруссию. Так, непосредственным поводом, подтолкнувшим Ульриха фон Юнгингена искать сражения в невыгодных для себя условиях, явилась резня, устроенная союзниками 13 июля 1410 года в Домбровно, сопровождавшаяся осквернением христианских святынь.

В свете сообщений «Хроники конфликта…» становится очевидной система командования армией союзников, в которой верховное командование осуществлял Ягайло, при этом Ягайло осуществлял общее руководство польской армией, а Витовт – общее командование хоругвями Великого княжества Литовского. Командование как польского короля, так и великого князя литовского сводилось к введению в битву свежих отрядов, в то время как, вступив в сражение, рыцари в отдельных хоругвях подчинялись своим непосредственным командирам, которые вели их в бой.

«Хроника конфликта…» позволяет уточнить количество хоругвей, сражавшихся в польской армии, добавив к перечисленным Яном Длугошем

пятидесяти отрядам с отдельными знамёнами – пятьдесят первую хоругвь передней стражи.

Нам удалось провести определённые аналогии в структурном устройстве и порядке формирования армий Польского королевства, Великого княжества Литовского и Тевтонского ордена в начале XV столетия, выяснив, что они формировались согласно определённой «иерархии». Сначала создавались большая и меньшая «государственные» хоругви верховного сюзерена, затем «придворные» хоругви, далее хоругви крупных вассальных территорий, таких как княжества или герцогства. Затем в состав армий включались хоругви, составленные из наёмных рыцарей. Наконец, следующие хоругви формировались по территориальному либо родовому принципу.

Свидетельства «Хроники конфликта…» в сравнении с реляциями других источников при учёте особенностей рельефа местности, где состоялось сражение при Грюнвальде, позволили нам провести локализацию армий на местности в день сражения и проследить за её изменениями в ходе битвы.

«Хроника конфликта…» позволяет нам успешно реконструировать ход Грюнвальдской битвы. Причём представленная реконструкция вполне определённо кореллируется с сообщениями немецких источников и эпистолярным наследием королевской канцелярии Ягайло.

В результате мы устраняем ряд мифологем и стереотипов, получивших широкое распространение не только в отечественной, но и в зарубежной исторической литературе, таких, как наличие ям-ловушек на поле битвы, попытка осуществления оборонительного плана сражения великим магистром Тевтонского ордена Ульрихом фон Юнгингеном, решающая роль смоленских полков в спасении союзников от поражения в битве, несоизмеримо больший в сравнении с остальными этническими представителями союзных армий, вклад в победу над крестоносцами польских, белорусских, литовских, татарских либо русских отрядов.

Проведённый анализ позволяет нам не только в совершенно новом ключе осмыслить стратегические планы сторон, но и по-новому представить тактические особенности Грюнвальдского сражения, определить роль и степень участия в бою ключевых исторических фигур – Ягайло, Витовта, Зиндрама из Машковиц, Збигнева из Бжезя, Ульриха фон Юнгингена, Фридриха фон Валенрода, Конрада фон Лихтенштайна и ряда других исторических лиц.

«Хроника конфликта…», как продукт вполне определённого исторического времени и современница описываемых в ней событий, позволяет нам окунуться в специфическую атмосферу эпохи Грюнвальда и более адекватно понять мысли, поступки и чаяния людей, чьи действия во многом определили ход истории Восточной и Центральной Европы.

В целом, перевод и публикация хроники не только делают её более доступной для использования в работе профессиональными историками, но и предоставляют возможность ознакомиться с её содержанием широкому кругу русскоязычных читателей, что, возможно, поможет разорвать цепи бытующего на постсоветском пространстве идеологического презентизма при обращении к

Грюнвальду. Автор питает надежду, что она поможет с новых позиций подойти к трактовке событий Великой войны с Тевтонским орденом 1409 – 1411 годов, и поднимет отечественные исследования в данной области на новый, более высокий уровень.

ТЕКСТ ХРОНИКИ

1. Латинская транскрипция «Хроники конфликта…».

CRONICA CONFLICTUS WLADISLAI, REGIS POLONIAE, CUM CRUCIFERIS ANNO CHRISTI 1410.[308]

Primo feria III ipso die S. Johannis Baptistae serenissimus dominus Wladislaus, rex Poloniae, celebravit[309] conventionem generalem cum omnibus proceribus, nobilibus, dignitariis, militibus etc. in civitate Wolborz. Et finito colloquio feria V abinde recessit et in campo cujusdam[310] villae Lyubochnya metatus est castra sua, de quibus statim cras se movit. Et illo die exiens, regni sui metas transiens, Masoviae intravit metas, per quas ambulans feria VI ad flumen Vysla venit et per eundem fluvium cum aliquibus suis exercitibus, ex quo nondum ad eum omnes convenerant, et cum pixidibus, machinamentis ceterisque bellicosis[311] instrumentis pontem mirabili structura compositum sine aliquo damno et periculo pertransivit. Quo pertransito cum praeclaro principe Alexandro, cognomine Vitoldo,[312] fratre suo, duce Litwaniae, et omnibus exercituum hominibus ipsius cum magna laetitia et gaudio convenerunt. Ibique per trium dierum spatium moram facientes finaliter concluserunt contra Prutenos procedendum. Et deinde recedentes per continuos[313] duos dies transierunt veneruntque ad quoddam flumen, circa quod castra metati sunt. In crastino, die sancti Processi,[314] venerunt ad regem dominus Nicolaus de Gara,[315] palatinus regni Ungariae, Stiborius, palatinus Transsilvanus et Cristoferus de Conscendorf, legati regis Ungariae, ex parte ejusdem regis Ungariae et cruciferorum requirentes regem, si ad pacem, quam rex Ungariae inter ipsum et cruciferos procurare vellet, voluisset acclinari. Rex autem respondit: «Dilecti domini et amici mei! Pacem semper quaesivi, ab aequalitate nunquam declinare volui et aduc, sie eam habere possem, libenter suscipiam et concordiam inire paratus sum».

Legati igitur crastina die, visis exercitibus regis, ad magistrum redeunt et verba regis ordinatim exponunt, ad pacem concordem ipsum inducentes. Magister eis respondit: «Amici mei! Rex Poloniae pacem optat, quam habere nullomodo potest, ex quo videntibus nobis in terras nostras ignes immisit et pompam erga nos ostendit, quam a nullo homine unquam passus fuit ordo noster. Quare ergo, si pacem voluit,

---

[308] Текст публикуется по изданию Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum Cruciferis anno Christi 1410. Z rękopisu Biblioteki Kórnickiej / wyd. Dr. Zygmunt Celichowski. – Poznań: Nakł. Biblioteki Kórnickiej, 1911. – s. 31 (kart 10).

[309] По мнению Зигмунта Целиховского Эрнст Штрельке и Август Беловски в своих изданиях ошибочно списали это слово, как «celebrat», в то время как должно быть «celebravit». Заблуждение произошло, как отмечает Зигмунт Целиховски, из-за сокращения окончания в манускрипте.

[310] В рукописи «ejusdem».

[311] Так в рукописи. Должно быть «bellicis».

[312] В манускрипте имя Витовта даётся в двух вариантах: «Vitoldus» и «Vytoldus». В транскрипции Зигмунта Целиховского всегда приводится один вариант – «Vitoldus».

[313] В рукописи ошибочно «conciones».

[314] В хронике «Procopii». Праздник Святого Прокопия отмечают 8 июля. И Эрнест Штрельке и Август Беловски и Зигмунт Целиховски единодушно считают, что должно было быть «Processi», так как день Святого Процессуса приходится на 2 июля.

[315] В рукописи «Gora».

ipsam, dum terras nostras visitare non inceperat, non quaesivit? Opportet igitur, ut pro eis, quae exercuit, recipiat a nobis debitam ultionem. Non evadet inultus de oris nostrarum terrarum nec manus nostras effugiet. Feminae enim et non viri diceremur, si victoriam nobis sponte oblatam de hostibus nostris recipere non vellemus».

Legati igitur auditis ipsorum verbis inaequalibus ad regem amplius redire noluerunt Illo ergo die dominico rex solus terras hostiles, quas a domino Semovito in certa quantitate pecuniae cruciferi obligatas retinebant, introivit et eas vastare mandavit. In quibus terris per dominum Semovitum praedictum cruciferis obligatis[316] rex, antequam terras ipsorum proprias intravit, a dominico die praedicto usque ad feriam quartam moram traxit et feria quarta terram ipsorum ante meridiem intravit. Banaria et vexilla sua magnifice et potenter extendit et apparere fecit in campo quodam juxta Olsztyn parvum, quem ex omnibus partibus ipsius silvae et nemora circuibant. Extensis igitur banariis ad locum, in quo stationes fixae fuerant, venit et ibidem cum exercitibus uno die moram traxit. In stationibus deprehensi fuere quidam salutis propriae immemores, qui domos dei ausi fuerunt intrare et praedas committere in eisdem; cum omni decreto damnati sunt, quod se ipsos manibus propriis deberent suspendere, quod ipsos facere opportebat. Et abinde rex per duo miliaria cum suis exercitibus se direxit et feria quinta tota die ibi moram trahens, cras de stationibus se movit et viceversa ad stationes, de quibus venerat, reversus est, dimissis in stationibus praedictis aliquot pixidum lapidibus. Quos Pruteni[317] cum invenirent derelictos, dixerunt magistro: «Magister, rex jam fugit et in signum lapides, in quibus heri stationibus stetit, dereliquit[318]».

Legatos magister insequi coepit; non potuit tamen cognoscere, quare rex reversus esset, ex quo per hanc viam, per quam transire inceperat, propter flumen Drwanka et alia obstacula sine damno maximo non potuit pertransire. Opportuit ergo regem reverti viceversa et praedictum flumen ab exordiis ejus circuire. Igitur feria VI ante festum Margaretae[319] fecit rex stationes suas per tria miliaria a civitate Dubrowno, quam ipso die Margaretae[320] aquisivit violenter. In quibus stationibus pausavit per duos dies et ipso die S. Margaretae de eisdem stationibus recedens circa civitatem praedictam castra metatus est. Et circa vesperam civitatem praedictam tantum communi populo et non militiae suae expugnare mandavit. Quam statim infra tres horas violenter recepit. Circa quam civitatem duos dies mansit. Veniente autem nocte diei illius, qua se ex praedictis stationibus movere debuerunt, fuerunt maximae coruscationes, fulgura atque tonitrua, magnaque pluvia cecidit illa nocte, quae eis omne bonum procuravit, nam terram madidam humidamque fecit, quae ex nimio aestu solis nimis erat pulverosa, ita quod, quando exercitus per campos transibant, unus alium videre non poterat pulvere occupante. Ventus autem illa nocte tantus fuerat, ita quod omnia castra et tentoria[321] evulserat. Et tunc ex fidedignorum militum

[316] По мнению Эрнеста Штрельке здесь в манускрипте оставлено пустое место. Зигмунт Целиховски выразил несогласие с предположением немецкого историка.
[317] «Pruteni» дописано позже на полях рукописи.
[318] В манускрипте «derelinquit».
[319] То есть пятница 11 июля.
[320] День Святой Маргариты отмечается 13 июля.
[321] На полях рукописи другой рукой дописано «Prutenorum».

dicitur, qui dixerunt se vidisse, illa nocte lunam versam fuisse in sanguinem, et quidam gladius rubeus in ea apparebat.

Feria igitur tertia, ipso die divisionis apostolorum,[322] a civitate praedicta recesserunt et statim in recessu maxima pluvia cecidit, qnae omnia arma nostrorum militum madidavit. Mox itaque cessante pluvia et propulsa obscuritate nubium sol serenus illuxit, qua quidem serenitate permanente rex capellanum aptari ad missam mandavit, ex quo missam secundum consuetudinem solitam propter impedimentum ventorum, qui fuerant, quando de stationibus transibat, audire tunc[323] non poterat. Et pausante ipso in cujusdam monticuli vertice et exercitibus circa montem stantibus, flammas ignium, qui per terram missi fuerant, propter ipsorum multitudinem et magnitudinem pro visione mirabili intuentibus, ad regem de adventu hostium venit fama incerta quidem, regi incredibilis. Omnes ergo exercituum homines equos, qui solummodo pro belli negotio ante eos ducebantur, armati ascenderunt. Rex autem tunc ad divinum officium missae audiendum declinavit orans poplite flexo humiliter. Quidam familiaris suus, qui in excubiis exercitus constitutus fuerat illo die, regem alloquitur dicens et asserens pro certo, se hostes vidisse. Rex autem de multitudine hostium interrogavit nuntium, qui dixit, tantum duos cuneos eorum conspexisse. Et ait rex: «Quatuor vel sex cunei cum marsalco exercitus expediantur erga eos, nosque insistemus missae sub hoc tempore». Aduc eo loquente alius nuntius venit dicens: «Rex! ne tardes, hostes contra te vadunt». Statimque rex ad fratrem suum Vitoldum nnntios direxit cum praedicto sermone: «Frater carissime! sis ad pugnam paratus et jube parari exercitus tuos cum militibus, ex quo jam de hostibus sumus certi». Finitaque legatione statim ori suo silentium imposuit et elevatis in coelum oculis ac manibus orare coepit nec ad sermonem cujusquam respondere voluit nisi finita oratione et mssa audita. Cujus orationis tenor est hic: «Tibi, inquit, domine deus, spiritum meum commendo et commilitones meos committo. Serva me, domine, una cum ipsis. Et vos, o mei commilitones dilecti, ad memoriam animae meae commoneo et requiro».

Sub quo tempore nuntius concito currens venit dices! «Rex serenissime! Hostes tui in medio miliari a te stant in magna potentia congregati: te exspectant. Ne moreris! equum ascendas et contra eos procedas, quia, quanto magis congressum belli protrahis, tanto majus periculum facis, hoc enim negotium moram et negligentiam non requirit». Rex vero verba illius licet sibi prolicua surda tamen aure pertransibat; ad deum enim toto corde suspirabat. Et statim ab oratione surgens quasdam de straminibus ligaturas in signum cognitionis mutuae cuilibet alligari mandavit verbaque proclamationis in bello militibus haec indixit: «Cracow!», «Wylno!»; ipse solus personaliter, ascensoque equo videre hostes properavit, et statim acies in cujusdam campi planitie inter duo nemora ordinare coepit; tuncque ad mille vel ultra milites cinxit manu sua, quousque a cinctura fatigatus fuit. Cumque jam amplius solus cingere non posset, venerunt ad regem duo heraldi, unus regis Hungariae, regi ex parte magistri evaginatum portans gladium, et alter ducis Scecynensis, alium

[322] День рассеяния Апостолов приходится на 15 июля.
[323] В издании Эрнеста Штрельке даётся «hodie», что является ошибочным, как по мнению Августа Беловского, так и Зигмунта Целиховского.

similiter gladium ex parte marsalci duci Vitoldo dandum manu tenens. Dixit: «Rex! magister hunc tibi dirigit gladium et fratri tuo Vitoldo ex parte marsalci alium dare debemus, si ipsius praesentiam habere potuerimus». Rex statim pro Vitoldo certos direxit nuntios et ab aggressu belli, ad quem jam cum gente sua transibat, ipsum retrahere mandat. Derelictis igitur suis militibus Vitoldus solus ad regem concito venit; et in adventu ejus praedicti heraldi ex parte marsalci gladium sibi obtulerunt, dicentes regi et Vitoldo: «Rex et Vitolde! Magister et marsalcus hos gladios vobis mittunt in subsidium et ad pugnam vos invitant; pro loco vero[324] certaminis vos requirunt, ut ipsum soli eligatis et electum ipsi per vos[325] nuntietis. Nec velitis vos in condenso hujus silvae abscondere, quinimmo ad bellum protinus exire non differatis, quia pugnam nullomodo evadere poteritis». Rex autem et Vitoldus gladios praedictos cum magna mansuetudine animi receperunt et haec magistro et marsalco per nuntios responderunt: «Auxilium dei principale et hos similiter gladios in subsidium nobis recipimus et cum magistro pugnare volumus. Nec in silvis nos abscondemus, quia hac intentione venimus, ut vobiscum proeliemur, ex quo a vobis aequalitatem habere non possumus. Et locum certaminis divinae voluntati gratiaeque committimus».

Statimque cum fletu nimiaque effusione lacrimarum rex milites suos alloqui et hortari coepit: «O milites mei, amici et incliti! Constat vobis, qualibus molestiis et injuriis nos et nostros praedecessores hii, quos intuetur oculus vester, elata mente insectabantur,[326] quae et quanta facebiant terris nostris, quomodo ecclesias dei violabant et personas deo dicatas stuprabant; sacrilegia, violentias, crimina et molestias, quae nondum longo tempore elapso patrarunt, advertatis! Accepta igitur pro subsidio justitia hac, quam quisque clare intueri potest, ipsa enim sola pro nobis pugnabit, in protectione vero ipsius justitiae nunc armemini et mecum mori potius, quam vivere, pro eadem nunc non timeatis! Ego enim, o milites mei, vobiscum sive ad vitam sive ad mortem ire paratus sum hiis contra, qui nostrum machinantur excidium».

His completis omnes unanimiter cum fletu Bogarodzycza cantare coeperunt et ad bellum processerunt, lacrimis tamen perfusis, quas ipse rex e pectoribus eorum eduxerat suis exhortationibus.

In manu dextra dux Vitoldus cum gente sua cum banario sancti Georgii[327] et[328] banario primae acici bellum est ingressus. In ipso autem primo ingressu belli ante paulisper pluvia lenis et calida erupit et pulveres ab equorum pedibus solvit Cumque in ipsius pluviae initio duo ictus in emissione lapidum de pixidibus hostium facti erant, quia hostes multos pixides habuerunt, nullum tamen nocumentum per hujusmodi emissiones nostris facere potuerunt; et statim primo congressu cum gente regis facto ab eisdem pixidibus fere per stadium sunt repulsi. Bellum fecere tunc asperrimuni.

---

324 И Эрнст Штрельке и Август Беловски в своих вариантах транскрипции дают «uno», что является ошибкой, как отмечает Зигмунт Целиховски.
325 Так в рукописи. Зигмунт Целиховски делает допущение, что «per vos» написано ошибочно вместо «per nos».
326 В изданиях Эрнста Штрельке и Августа Беловского даётся «infestabant».
327 Эрнст Штрельке в своей транскрипции приводит ошибочно «Gregorii», на что обращает внимание Зигмунт Целиховски.
328 Так в транскрипции Зигмунта Целиховского. В изданиях Эрнста Штрельке и Августа Беловского вместо «et» даётся «scilicet».

Cum jam uterque exercitus, tam regis quam ducis Vitoldi, cum omnibus hostium aciebus fuere ad invicem copulati et congressi, majorque exercitus Prutenorum ex electis ipsorum aciebus fuere ad invicem ordinati super gentem ducis Vitoldi, banarium sancti Georgii et banarium nostrae primae aciei congressi cum clamore maximo et incursu equorum nimio in valle quadam, sic quod adversa pars de monte et pars nostra similiter de monte mutuis se susceperunt ictibus lacerare. In illo autem loco post conflictum ex hastis, quae tunc confractae fuerunt, propter hoc, quod ex vertice utriusque monticuli per pedes equorum confracta ligna ad ipsum de alto propellebantur[329], tunc[330] propter obliquitatem suam in montis vertice non poterant permanere, ad vallem ipsorum montium congregata et conversa fuerunt, quod quasi unus pons manu factus apparebat ex eisdem hastis.[331]

Alia autem pars hostium ex eisdem electis cruciferorum hominibus cum maximo impetu et clamore cum gente ducis Vitoldi congressa et fere per horam proeliantes mutuo inter se plurimi ex utraque parte ceciderunt, ita quod gens Vitoldi ducis cogitur retrocedere. Et ita ipsos insequentes existimabant jam obtinuisse victoriam dispersique hostes ab ipsorum banariis in ordinatione suarum acierum erraverunt et illos, quos retrocedere coegerant, fugere inceperunt. Postmodum autem reverti volentes, a suis hominibus et banariis per homines regis, qui directe banaria ipsorum per latera diviserunt, seclusi[332] aut capti et[333] gladio perempti perierunt. Illi autem, qui de parte laeva illorum, qui divisi fuerunt, remanserant superstites, ad suos homines exercitus hostilis reversi, iterum. uniti ad invicem cum banario magno castellani Cracoviensis, palatini Sadomiriensis, terrae Vyelyunensis,[334] terrae Haliciensis et aliis multis banariis convenerunt. In quorum congressu bellum gerebatur asperrimum et multi hinc inde ceciderant mortui. Durabat ergo bellum sex horis et demum terga vertunt cruciferi. Illa vice usque ad stationes fugerunt.

Collectis itaque viceversa viribus magister de quadam silva parva cum sua gente residua, quindecim aut citra banaria habens secum, contra regis personam acies suas dirigere voluit, et jam lanceas hastasque ex humeris depositas scutis junxerant fixique stabant, considerare volentes, ubi ipsis facilior et utilior congressus hostium videretur. Rex autem tunc, cum cruciferi ordinatis aciebus contra ipsum stabant, equum suum arrepta lancea manu sua voluit cum animositate maxima dirigere contra eos, sed a proceribus prohibitus invite, violenter et cum maxima difficultate retentus non potuit perficere velle suum. Itaque unus miles decenter armatus de ordine cruciferorum sine acie equum suum dirigere volens contra regem propius ipsum acceserat. Rex autem accepta manu hasta sua ipsum letaliter in faciem vulneravit, et statim per alios equo projectus in terram cecidit interfectus. Illae autem acies magistri de loco, in quo fixae erant, contra regem se moventes, contra banarium magnum procedentes, mutuo viriliter se susceperunt hastis suis. Et in primo congressu magister, marsalcus, commendatores totius ordinis cruciferorum interempti sunt.

[329] Так в варианте Зигмунта Целиховского. У Эрнста Штрельке – «properabant», в издании Августа Беловского – «propellabant».
[330] Так в транскрипции Зигмунта Целиховского. Эрнст Штрельке и Август Беловски дают «cum».
[331] Предложение имеет неправильную конструкцию.
[332] В транскрипции Эрнста Штрельке «declusi».
[333] У Эрнста Штрельке «aut».
[334] В редакции Эрнста Штрельке «Vislicensis».

Reliqui autem, qui superstites remanserunt, viso, quod magister, marsalcus et alii consiliarii ordinis perierunt, terga vertentes, usque ad stationes suas, quas metati fuerant, illo tempore fugerunt. Et cum jam ad stationes venissent, videntes, quod regis aduc multae fuerant acies, quae proelium non intraverant, viso etiam, quod dux eorum cecidit interemptus, in fugam realem conversi sparsim fugere coeperunt. Rex igitur ex consilio baronum suorum inimicos ita cito fugientes persequi non permisit, nec populum a se voluit dispergere, sed statim deposita de se galea sua propter calorem solis nimium cum omni gente sua ad stationes cruciferorum venit.

In loco autem stationis multi videntes, quod per fugam nullo modo evadere possem mortem, ex curribus quoddam propugnaculum facientes ibidem omnes defendere se coeperunt, sed statim devicti omnes in ore gladii perierunt In illo autem loco plus, quam in toto conflictu, cadavera mortuorum apparuerunt.

Procedens autem rex de loco stationum praedictarum, silvam parvam penetrans, venit ad verticem cujusdam[335] monticuli, in quo statim de equo descendens flexis genibus in terra deo coepit gratias agere de victoria, quam dominus deus sibi concesserat de hostibus suis. Ad illum autem montem adducti fuerunt ad regem infiniti captivi, inter quos duo praecipui duces, scilicet Kazimirus Sceciniensis et Conradus, Slesiae dux, multi etiam milites, barones etc., ex diversis mundi partibus diversarum nationum homines, qui cruciferis venerant in subsidium.

Abinde igitur rex procedens ad locum quendam veniens, ibi castra metari fecit et ab equo descendens de arbore ramos frangi mandavit et humo prosterni, in quibus post fatigam se deposuit et ibidem pausavit etc. Inceptum autem erat proelium ante meridiem tribus horis et finitum ante solis occasum una fere hora.

Cras ergo mane facto rex missas cantari in magna solemnitate mandavit, videlicet de sancto spiritu, de sancta trinitate, de divisione apostolorum. Post missas igitur tota illa die et sequenti similiter banaria hostium, quae in conflictu receptae fuerunt, ad regem portabantur et captivi ducebantur. Tribus autem diebus continuis in loco conflictus rex[336] moram traxit, in quibus regi banaria portabantur hostium, ita quod ab omnibus poterant intueri.

His etiam diebus rex corpus magistri inter cadavera quaeri jussit et inventum ad tentorium suum adduci mandavit et alba sindone involvi desuperque pretiosissima regia purpura tegi et in curru usque ad Mariemburg deduci cum honore mandavit. Cetera autem cadavera virorum illustrium tam nostrorum quam inimicorum, qui ceciderunt, in quadam ecclesia loco conflictus propinqua cum honore et reverentia sepeliri mandavit.

Tertia autem die de loco conflictus recedens, ad quandam civitatem Mayenstorg[337] venit, quam statim et castrum sine aliqua difficultate et resistentia recepit et postmodum ad aliam civitatem, que Marunis[338] dicitur, sine resistentia intravit et recepit.

---

[335] В изданиях Эрнста Штрельке и Августа Беловского опущено «cujusdam».

[336] В тексте рукописи «vix».

[337] Это вариант Зигмунта Целиховского – в данном месте рукопись повреждена. Также Зигмунт Целиховски делает допущение, что здесь может быть «Ольштын» (Хохенштайн). Эрнст Штрельке предполагает, что в данном месте была «Оструда» (Остероде, Хастенрод).

[338] Имеется ввиду Моронг (в немецком варианте Морунген).

Item ipso die Arnolphi[339] venientes cives de civitate maritana Olbyag[340] dicta et duae terrae Prussiae ipsi regi fidelitatis omagium praestiterunt. Praeterea ipso die Mariae Magdalenae[341] optimum castrum, videlicet Aldesten,[342] regi subjectum est. Igitur ipso die sancti Jacobi[343] apostoli circumvallavit rex castrum Mariemburk. Et ab illo die usque ad festum Mathaei apostoli[344] ipsum expugnavit, infra quod tempus tota terra Prussiae et Pomoraniae exceptis tantum[345] castris in Prussia, videlicet Mariemburk, regi fidelitatem perpetuam juramento promiserunt observare firmiter, quam postea frangentes tam spirituales quam saeculares nobiles, cives et omnes totius terrae Prussiae et Pomoraniae honorum[346] ipsorum prodigi et salutis propriae immemores turpiter et sine aliqua causa violaverunt et fregerunt, ab ipsius regis et coronae suae Poloniae obedientia se sine causa subtrahentes.[347]

Et est hujus finis, scripsi quasi in spinis per manus fratris C. de Radomia. Explicit Cronica.

[339] День Святого Арнольфа приходится на 18 июля.
[340] Имеется ввиду Эльблонг (в немецком варианте Эльбинг).
[341] Праздник Марии Магдалены отмечают 22 июля.
[342] По мнению Эрнста Штрельке и Августа Беловского речь идёт об Ольштынке (в немецком варианте Хохенштайн). Зигмунт Целиховски допускает, что летописцем мог подразумеваться Ольштын (в немецком варианте Алленштайн).
[343] День Святого Якова приходится на 25 июля.
[344] Праздник Апостола Матфея отмечают 21 сентября.
[345] В рукописи пропущено или «aliquot» или «aliuibus».
[346] У Эрнста Штрельке «honoris».
[347] В рукописи «obedientiam sine causa subtrahentes».

2. Перевод «Хроники конфликта…» на русский язык.

ХРОНИКА КОНФЛИКТА ВЛАДИСЛАВА КОРОЛЯ ПОЛЬШИ С КРЕСТОНОСЦАМИ В ГОД ХРИСТОВ 1410

Сперва во вторник, а именно в день Святого Иоанна Крестителя,[348] наисветлейший господин Владислав,[349] король Польши, провёл общий съезд вместе со всеми сановниками, нобилями, дигнитариями, рыцарством и так далее в городе Вольбоже.[350] И, закончив совещание в четверг,[351] выступил оттуда и расположился со своими обозами на поле возле одной деревни Любохня[352], откуда на следующий день двинулся дальше. И в тот же самый день выступив, границу своего королевства пересёк, и оказался в Мазовии,[353] продвигаясь через которую, дошёл в пятницу[354] до реки Вислы,[355] и через указанную реку вместе с частью своих войск, которые в то время ещё целиком не собрались у него, а также с орудиями, машинами и другими военными приспособлениями, без какого-нибудь вреда и опасности переправился по мосту удивительной конструкции; перейдя который, встретил с великой радостью и удовольствием своего брата, наиславнейшего князя литовского Александра,[356] которого звали Витовтом, и всех людей из его армии. Там, задержавшись на три дня, окончательно решили начать поход против пруссов.[357] И, оттуда выйдя, двигались на протяжении двух следующих дней, и дошли до одной реки,[358] возле которой и разбили лагерь. На следующий день – Святого Процессуса[359] – прибыли к королю послы короля Венгрии:[360] господин

[348] Праздник Иоанна Крестителя приходится на 24 июня.
[349] Владислав II (1352(?) – 1 июня 1434), в язычестве Ягайло – старший сын Ольгерда и Софии Гольшанской, великий князь литовский в 1377 – 1387 годах, король Польши в 1386 – 1434 годах. Стал королём, приняв католичество и женившись на дочери умершего Казимира Великого, последнего представителя мужской линии династии Пястов, в результате заключения так называемой Кревской унии 1385 года. Сохранил за собой титул наивысшего князя Литвы (supreme dux Lithuaniae). Основатель королевской династии Ягеллонов.
[350] Вольбож – впервые упоминается под 1065 годом. В средние века являлся центром Куявской епархии. В настоящее время – деревня в Пётрковском повете Лодзьского воеводства в Республике Польша.
[351] 26 июня 1410 года.
[352] Любохня – деревня в Томашовским повете Лодзьского воеводства, центр гмины.
[353] Мазовия - (Мазовша, Мазовецкая земля (польск. *Mazowsze, Mazowiecka ziemia*, лат. *Masovia*, нем. *Masowien*) — историческая область в центре Польши, ставшая герцогством в правление Конрада Первого (1207 г.). В 1526 г. была присоединена королём Сигизмундом Первым к Польше, в 1795 отошедшая к Пруссии, в 1807 г. отделена и присоединена к Герцогству Варшавскому, в 1814 г. вошла в состав Царства Польского.
[354] 27 июня 1410 года.
[355] Висла – наиболее важная и протяжённая река Польши, а также наиболее длинная и вторая по водности (после Невы) река бассейна Балтийского моря. Висла впадает в Вислинский залив Балтийского моря в 15 км восточнее Гданьска. Основные притоки Сан, Пилица, Нарев.
[356] Александр – в язычестве Витовт (1350 – 27 октября 1430 года). После заключения Кревской унии (1385 год) князь гродненский, 1389 года попытался захватить власть в ВКЛ, начав гражданскую войну против князя ВКЛ Скиргайлы, которого поддерживал король Польши Ягайло. После был вынужден бежать в Орден, где и находился до 1392 г. В 1392 г. Витовт подписал Островское соглашение с Ягайло, согласно которому становился князем ВКЛ, находившимся в вассальной зависимости от Польской Короны. В последние годы жизни пытался стать королём Литвы.
[357] Имеется в виду Тевтонский орден.
[358] Вероятно имеется в виду река Вкра.
[359] День Святого Процессуса приходится на 2 июля.

Николай де Гора, палатин[361] Венгерского королевства, Стиборий,[362] палатин Семиградья[363] и Кристоф фон Концедорф, которые от имени короля Венгрии и крестоносцев[364] спросили короля, не склонился ли бы он к миру, который король Венгрии между ним и крестоносцами желал бы заключить. Король же ответил: «Милые мои господа и друзья, я всегда стремился к миру, и никогда не желал отойти от справедливости, и сейчас, если я мог бы его получить, охотно принял бы, и я готов прийти к согласию».

Послы же на следующий день,[365] осмотрев королевское войско, прибыли к магистру[366] и пересказали ему в соответствующем порядке слова короля, которые призывали к миру и согласию. Магистр им ответил: «Мои друзья! Король Польши желает себе мира, которого ни в коей мере иметь не может, потому что на наших глазах принёс огонь в наши земли и отнёсся к нам с такой гордыней, с которой никто до этого к нашему Ордену[367] не относился. Почему же, когда желал мира, не просил о нём перед нашествием на наши земли?[368] Следует, чтобы за то, что причинил, получил соответствующее наказание. Пускай не выйдет безнаказанным за границы наших земель и не избежит нашей руки. Звались бы мы женщинами, а не мужчинами, если бы не хотели одержать победу над нашим врагом, которая сама идёт к нам в руки».

Тогда послы, выслушав те неубедительные слова, не пожелали больше возвращаться к королю. В следующее воскресенье[369] король сам вступил в земли врага, которые господин Земовит[370] заложил за деньги, и приказал

---

[360] Королём Венгерского королевства в это время являлся Сигизмунд фон Люксембург (правил в 1378 – 1437 годах), который также в 1411 года был избран курфюстами императором Священной Римской империи Германской нации.

[361] Палатин – в средние века высокопоставленный императорский служащий, исполняющий военные или гражданские обязанности в императорском дворце.

[362] Сциборий из Сцибожиц, уроженец Польши, один из богатейших венгерских магнатов, получивший крупные земельные пожалования от короля Венгрии за долгую и верную службу на военном и дипломатическом поприще.

[363] Семиградье – одно из средневековых названий Трансильвании, находившейся в вассальной зависимости от Венгерского королевства. После Первой мировой войны является территорией Румынии.

[364] Под крестоносцами подразумеваются рыцари Тевтонского ордена.

[365] 3 июля 1410 года.

[366] Великий магистр – глава Тевтонского ордена. В это время великим магистром являлся Ульрих фон Юнгинген (занимал должность с 1407 по 1410 год). Пал 15 июля 1410 года в Грюнвальдской битве.

[367] Тевтонский Орден образовался в Палестине в 1190 году, как духовно-рыцарская организация. Братья Ордена являлись одновременно рыцарями и монахами. В 1226 году князь Мазовии Конрад пригласил Тевтонский орден в Пруссию для защиты своих владений от набегов воинственных прусских племён. К 1283 году Пруссия была полностью покорена крестоносцами, на её территории было образовано государство крестоносцев, которое впоследствии вступило в конфликт с Польским королевством и Великим княжеством Литовским.

[368] Имеется ввиду опустошение союзными войсками Мазовии, заложенной князем Земовитом Тевтонскому ордену.

[369] 6 июля 1410 года.

[370] Земовит (1352 – 30 апреля 1426 года) – плоцкий князь, представитель Мазовецкой линии Пястов. Унаследовал от своего отца Земовита III (умер в 1381) роль претендента на корону Польши, где со смертью Казимира Великого прекратилась династия Пястов. После смерти в 1382 году Людовика Венгерского, занявшего польский престол по договору с Казимиром, Земовит, пользуясь поднявшимися в стране смутами, поскольку было неизвестно, какая из дочерей Людовика займёт престол, и отсутствия какого бы то ни было правительства попытался силой сесть на польский трон, находя себе поддержку в великопольской шляхте, недовольной правлением малопольских вельмож в царствование Людовика. Однако его попытка закончилась неудачей; не удался и его второй план - захватить Ядвигу на её пути в Краков. После коронации Ядвиги Земовит заключил с ней договор, по которому за определённый выкуп возвращал все захваченные в бескоролевье земли.

опустошать их. На этих землях, которые были заложены паном Земовитом, упомянутым крестоносцам, король задержался перед вторжением в их собственные земли, от упомянутого воскресенья до среды, и в среду[371], перед полуднем, вступил на их территорию во всей силе, и развернул хоругви напоказ[372] и знаки (отличия) и приказал отрядам собраться на определённом поле вблизи Малого Ольштына[373], которое со всех сторон было окружено лесами и рощами. Развернув хоругви, прибыл на место, на котором стал лагерем и вместе с войсками находился один день. В лагере были схвачены те, кто забыл о собственном спасении и кто отважился ворваться в дома Божьи[374] и грабить их. Со всей серьёзностью им было приказано, чтобы сами себя, собственными руками повесили, что те были вынуждены исполнить. А потом король продвинулся на расстояние двух миль[375] со своим войском и задержался там в четверг[376] на целый день. На следующий день[377] двинулся из этого лагеря снова к тому лагерю, из которого вышел и вернулся назад, оставив в том лагере определённое количество пушечных ядер. Пруссы, когда нашли их оставленными, сказали магистру: «Магистр, король уже бежал, так как бросил каменные ядра на том месте, где находился вчера».

Магистр начал допытываться у посланцев, но не смог дознаться, почему король отступил. А случилось так потому, что тот путь, которым двигался сначала, не мог бы пройти без очень больших потерь из-за реки Дрвенцы[378] и других помех. Вынужден был король повернуть и обойти реку у её истоков. Таким образом, в пятницу[379], перед праздником Святой Маргариты, король стал лагерем в трёх милях от города Домбровно,[380] который в самый день Святой Маргариты[381] силой захватил. В том лагере отдыхал два дня, и, двинувшись из того же самого лагеря, стал около самого города. И под вечер приказал захватить город не своему рыцарству, а горожанам. И этим же городом за неполных три часа силой овладел. Под тем городом оставался два дня. Когда же наступила ночь перед тем днём, когда двинулись из лагеря,[382] случились великие вспышки, молнии и громы, и большой дождь прошёл той ночью, и тем самым поспособствовал им, потому что намочил и увлажнил землю, которая от чрезмерного солнечного жара бесконечно пылилась, так, что когда армии

---

[371] 9 июля 1410 года.
[372] Хоругвь – воинское знамя отдельной боевой единицы в средневековой армии.
[373] Малый Ольштын – город был основан как Хохенштейн Тевтонским Орденом в 1351 г. В настоящее время город Ольштынек на севере Польши, расположенный в Варминьско-Мазурском воеводстве, Ольштынском повете, находится в 28 километрах от Ольштына.
[374] Имеются в виду католические церкви.
[375] Миля немецкая или великопольская составляла 7,420 километра. Таким образом, две мили составляли примерно 15 километров.
[376] 10 июля 1410 года.
[377] 11 июля 1410 года.
[378] Дрвенца – правый приток реки Вислы, который находится недалеко от города Торунь.
[379] 11 июля 1410 года.
[380] Домбровно (нем. Гильгенбург) – замок Тевтонского ордена, основанный до 1316 года. В настоящее время – деревня, расположенная в Варминьско-Мазурском воеводстве, Острудского повета, в гмине Дамбровно, между озерами Малая Дамбровна и Большая Дамбровна.
[381] День Святой Маргариты приходится на 13 июля.
[382] Ночь с 14 на 15 июля 1410 года.

двигались через поля, одни других не могли различить в тумане пыли. Такой вихрь налетел той ночью, что весь лагерь и шатры повалил. Согласно словам достойных доверия рыцарей в ту ночь видели месяц, покрытый кровью, который словно указывал на красный меч над ним.

Тогда во вторник, в самый день Рассеяния Апостолов,[383] двинулись от указанного города,[384] и в тот же час пошёл очень сильный дождь, который намочил всё вооружение рыцарей. Тогда же, когда закончился ливень и когда разошлись тёмные тучи, заблестело яркое солнце. Как только погода улучшилась, король приказал капелланам[385] подготовиться к мессе,[386] потому что не мог, несмотря на свой устоявшийся обычай, выслушать мессу раньше по причине помех, которые создавались порывами ветра, когда вышли из лагеря. И когда сам задержался на вершине холма, а войско, которое стояло около холма, удивляли пылающие огни, которые бушевали по краям, поражая своим количеством и размерами, дошла до короля весть о подходе врага, однако неточная, для короля невероятная. Потом все люди в армиях, вооружённые, сели на коней, которых только для боя держали. Король же тогда приступил к исполнению божьей воли – слушанию мессы, покорно стоя на коленях. Один его дворянин, который в тот день был назначен на охрану войск, разговаривал в это время с королём, говоря и утверждая, что видел врага. Король же спросил вестника о численности врага, а тот сказал, что заметил только два клина. И сказал король: «Пускай выступят против них четыре или шесть отрядов с маршалом[387] войска, а мы тем временем дослушаем мессу». Когда ещё говорил это, прибыл другой гонец и сказал: «Король, не медли, враг выступил против тебя». И сразу король направил гонцов к брату своему Витовту со словами: «Милейший брат мой, приготовься к битве и прикажи приготовиться войскам твоим вместе с рыцарями, потому что уверен я в присутствии врага». Отправив гонцов, в тот же час на уста свои наложил молчание и, обратив к небесам глаза и руки, начал молиться, и не желал ни на чьи слова отвечать до окончания молитвы и слушания мессы. Такой была молитва: «Тебе, – сказал, – господь Бог, доверяю дух, свою душу и отдаю своих братьев по оружию. Сбереги меня, господь, вместе с ними. А у вас, милые братья по оружию, прошу и требую, чтобы помнили о моей душе».

Тем временем быстро подбежал гонец и сказал: «Наисветлейший король! Враг твой стоит в полумиле от тебя, собранный в великой силе. Ожидают тебя. Не медли! Садись на коня и выступи против них, потому что чем больше ты медлишь с началом битвы, тем большей подвергаешь себя опасности, потому что такое дело не терпит промедления!» Король, который понимал, что эти слова важны для него, не подал и виду, потому что всем сердцем вознёсся к Богу. Но, закончив молитву, в тот же миг приказал всем повязать какие-нибудь повязки из соломы для взаимного распознавания и установил для рыцарей

[383] День рассеяния Апостолов приходится на 15 июля.
[384] Имеется ввиду Домбровно.
[385] Капеллан – военный священник.
[386] Месса – католическое богослужение.
[387] Маршал – командующий военными силами Ордена.

слова боевых кличей – «Краков!»[388] и «Вильно!»;[389] сам же, сев на коня, лично поспешил взглянуть на врага и в то же время начал построение боевых порядков на одном поле между двумя рощами; потом собственными руками опоясал тысячу или больше рыцарей,[390] так, что утомился этим опоясыванием. И, когда уже больше опоясывать не мог, прибыли к королю два герольда:[391] один короля венгерского[392], который принёс королю обнажённый меч от имени магистра, второй - щетинского князя, который держал в руке похожий меч, который маршал[393] прислал князю Витовту и сказал: «Король! Магистр присылает тебе этот меч, а второй мы должны вручить от имени маршала брату твоему Витовту, если сможем встретить его». Король в тот же миг послал к Витовту верных гонцов и попросил воздержаться от начала боя, к которому он стремился с людьми своими. Оставив своих рыцарей, Витовт быстро прибыл к королю, и после его прибытия герольды отдали ему меч от имени маршала и сказали королю и Витовту: «Король и Витовт! Магистр и маршал присылают вам эти мечи в знак поддержки и призывают вас к бою и спрашивают вас о месте встречи, предлагая, чтобы вы сами его выбрали и о сделанном вами выборе сообщили. И не прячьтесь в гуще этого леса и не медлите с вступлением в бой, потому что в любом случае вы не сможете избежать битвы». Король же и Витовт приняли упомянутые мечи с большой добротой души и так ответили магистру и маршалу посредством послов: «Принимаем Божью помощь как самую важную, и вместе с ней мечи в знак вашей поддержки, и желаем с магистром сойтись в битве. Также не будем прятаться в лесах, потому что прибыли померяться с вами силой, поскольку не ждём от вас справедливости. А место битвы отдаём воле Божьей».

В то же время с плачем и слезами король обратился к своим рыцарям, их побуждая: «О, рыцари мои, друзья славные! Известно вам, на какие беды и беззакония обрекли нас и наших предков эти гордецы, на которых смотрят ваши глаза, сколько и как много зла причинили они нашим землям, как презирали божьи святыни и бесчестили людей, служащих Богу. Помните о грабежах святынь, насилиях, злодеяниях и тёмных делах, какие творились ещё недавно! Приняв в качестве поддержки ту справедливость, которую каждый заметить сможет, потому что она сама за нас сражаться будет, вооружитесь для защиты этой справедливости и не бойтесь: сейчас лучше погибнуть за неё вместе со мною, чем жить без неё. Уже поэтому я и рыцари мои готовы пойти с вами на жизнь или на смерть против тех, кто желает нашей погибели».

---

[388] Краков – город на территории Малой Польши, являвшийся в XV веке столицей Польского королевства. Сейчас Краков является центром Малопольского воеводства в Польше.

[389] Вильно – в XV столетии столица Великого княжества Литовского. В настоящее время называется Вильнюс и является столицей Литвы.

[390] Имеется в виду упрощённый обряд посвящения в рыцарское достоинство.

[391] Герольд – в средневековой Европе официальное лицо, публично оглашающее решения своего господина, либо исполняющее обязанности официального посла.

[392] Герольдом короля Венгрии Сигизмунда, прибывшим к Ягайле являлся Рамрих.

[393] Великий маршал Тевтонского ордена – вторая после великого магистра воинская и административная должность в Тевтонском ордене. В отсутствие великого магистра маршал осуществлял командование армией Ордена. В данное время эту должность занимал Фридрих фон Валленрод (маршал Тевтонского ордена в 1407 – 1410). Пал 15 июля 1410 года в Грюнвальдской битве.

Когда закончил, все вместе начали со слезами петь «Богородицу»[394] и двинулись в бой, проливая слёзы, которые сам король извлёк из их сердец своими словами. По правую руку вступил в бой князь Витовт со своими людьми, с хоругвью Святого Георгия[395] и хоругвью передней стражи.[396] Ненадолго перед самым началом битвы прошёл лёгкий теплый дождь и смыл пыль с конских копыт. А в самом начале этого дождя пушки врага, а у врага их было великое множество, дали два залпа каменными ядрами, но не смогли этим обстрелом причинить никакого вреда; и при первой же стычке с людьми короля (враг) был отброшен от этих орудий самое меньшее на стадий.[397] В тот же миг разгорелся жестокий бой.

Когда уже обе армии, как королевская, так и Витовта, сошлись и бились со всеми отрядами врага – а большая часть войск пруссов из отборных своих отрядов была построена напротив людей князя Витовта, хоругви Святого Георгия и хоругви нашей передней стражи – встретились с громким гулом и безграничной конской прытью в одной долине таким образом, что противник с холма, и наша сторона также с холма взаимными ударами один другого разить начали. На этом же месте после битвы из копий, которые в то время были сломаны, по той причине, что конские ноги сталкивали туда с вершин обоих холмов сломанные древки, которые из-за слабости не могли удержаться на холмах, и громоздились и собирались в долине между этими холмами так, что выглядели, словно монолитный рукотворный мост из этих копий.

Другая же часть врагов среди тех, самых лучших людей крестоносцев, сошлись с большим запалом и криками с людьми Витовта, и после без малого часа взаимной битвы, потери с обеих сторон были настолько велики, что люди князя Витовта вынуждены были отступить. Тогда враги, преследуя их, решили, что уже одержали победу и, нарушив строй, отдалились от своих хоругвей и рядов своих отрядов, и перед теми, кого вынудили бежать, начали отступать. В скором времени, когда пожелали вернуться, отрезанные от своих людей и хоругвей королевскими людьми, которые их хоругви напрямую от крыльев прорезали, были либо схвачены, либо порублены мечами. Те же, что стояли с левой стороны от тех, что были отрезаны, остались в живых, вернулись к своим людям от войск противника и, снова соединившись, сошлись с большой хоругвью кастеляна краковского[398], воеводы сандомирского[399], земли Велюньской[400], земли Галицкой[401] и многочисленными другими хоругвями. В

---

[394] «Богородица» – католический гимн Деве Марии, использовавшийся поляками в эпоху позднего средневековья в качестве боевого песнопения.

[395] Хоругвь Святого Георгия – хоругвь, со стороны Польши, имеющая в своем составе чешких и мордовских наемников.

[396] Хоругвь передней стражи – хоругвь из королевских телохранителей, сражавшаяся под малым знаменем с изображением белого орла.

[397] Стадий – античная мера длины, равная 185 метрам.

[398] Кастелян – в феодальных государствах администратор за́мка и прилегающих территорий. Кастелян был ответственным за исправное состояние замка, его ремонт, сбор податей, а также управлял гарнизоном, осуществлял судебную власть, оборону замка и прилегающих территорий.

[399] Воевода – военачальник, нередко как правитель, совмещавший административную и военную функции. Термин этот появился в X веке и часто упоминается в летописях. До XV в. он обозначал либо командира княжеской дружины либо руководителя народного ополчения. Также воевода мог управлять городом.

[400] Велюньская земля – территория, расположенная на юге Лодзьского воеводства в современной Польше.

этой стычке разгорелся очень жестокий бой, и поэтому в тогда многие пали. Битва длилась шесть часов, и только после начали (крестоносцы) отступать. В этот раз бежали до самого лагеря.

Собрав тогда силы для возвращения в бой, магистр с оставшимися людьми, имея с собою пятнадцать или более хоругвей, из одного небольшого леска пожелал направить свои отряды против короля; и уже копья и пики, сняв с плеч, положили на щиты и стали по местам, желая узнать, где удобнее наиболее успешно сойтись с врагом. Король же тогда, когда крестоносцы стали напротив него, хотел, схватив копьё в руку, с большой смелостью направить коня против них, но был задержан против своей воли с большим трудом своими сановниками, и не смог осуществить своё желание. Тогда один хорошо вооружённый рыцарь из Тевтонского ордена, хотевший в поединке обратить коня своего против короля, подъехал ближе к нему. Король же, схватив в руку своё копьё, смертельно ранил его в лицо, в то же время он, другими с коня сброшенный, упал на землю мёртвым. Эти же хоругви магистра со своего места выступили против короля, наткнулись на большую хоругвь[402] и мужественно сшиблись копьями. И в первой же стычке магистр, маршал и комтуры[403] всего Тевтонского ордена были убиты. Те же, кто уцелел, увидев, что магистр, маршал и другие сановники Ордена погибли, обратились в бегство и вернулись в скором времени к своему лагерю, который был разбит ранее. А когда прибыли к лагерю, увидев, что ещё много было отрядов короля, которые не вступали в битву и, увидев также, что их предводитель пал, пустились бежать врассыпную. Король же, согласно советам своих баронов, не позволил преследовать так быстро бегущего врага, не желая, чтобы люди рассеялись (нарушив боевые порядки), но в тот же миг, сняв в чрезмерном запале свой шлем, со всеми своими людьми подошёл к лагерю крестоносцев.

В лагере же многие, увидев, что отступление не позволит избежать смерти, построив из возов подобие вала, там же все начали обороняться, но всё-таки, побеждённые, в пасти меча погибли. В этом же месте больше полегло, чем во всей битве. Король, пройдя сквозь небольшой лес, прибыл на вершину холма, где в тот же миг слез с коня и, став на колени, начал благодарить Бога за победу, которую тот позволил ему одержать над врагом. На этот холм привели к королю бесчисленных пленных, среди которых собственно князей Казимира Щетинского[404] и Конрада, князя Силезии,[405] а так же множество рыцарей,

---

[401] Галицкая земля – территория на западе современной Украины с административным центром в городе Галич. В 1387 году Галицкая земля была аннексирована Ягайлой у Венгерского королевства и включена в состав Польской короны.

[402] Большая хоругвь – хоругвь, со стороны Польши, сражавшаяся под большим знаменем с изображением белого орла.

[403] Комтур – звание в средневековом Тевтонском ордене; был начальником в особом регионе – комтурии. Комтур исполнял все права управления, следил за подчиненными и за десятыми дворами и был подчинен земельному комтуру.

[404] Казимир Щетински (ок. 1380–1435) – из поморской династии Грифитов. Поддерживал Тевтонский орден, принимал участие в Грюнвальдской битве, был взят в плен королем Польши.

[405] Конрад VII Белый Олесьницки – (1396–1452) – из династии Пястов. Принимал участие в Грюнвальской битве на стороне Тевтонского ордена, был захвачен в плен.

баронов и так далее,[406] и других людей из разных стран мира и разных народностей, которые пришли на помощь крестоносцам.

Оттуда же отойдя, король прибыл к месту, где приказал разбить лагерь, и, спешившись, приказал наломать веток с дерева и разостлать на земле, на которых после трудов лёг и там же отдохнул и так далее. Битва же началась за три часа до полудня, а закончилась меньше, чем за час до заката солнца.[407]

На завтра с утра король приказал служить мессу очень торжественно, а именно про Дух Святой,[408] про Святую Троицу,[409] и про рассеяние Апостолов. После мессы в течение целого дня и на протяжении следующего приносили королю захваченные хоругви врага и приводили пленных. На протяжении трёх дней король оставался на месте боя, на протяжении которых приносили королю хоругви врага, так, что любой мог их видеть. В те же дни король так же приказал отыскать среди трупов тело магистра и, найденное, приказал принести к своему шатру, обёрнутое белым покрывалом, накрыть сверху самым дорогим королевским пурпуром и с почестями отвезти в Мальборк.[410] Остальные же тела сановников как наших, так и вражеских, приказал с почестями и уважением похоронить в каплице[411] рядом с полем битвы.

На третий день,[412] оставив поле битвы, прибыл к городу Маеншторку,[413] который быстро вместе с замком без труда и какого-либо сопротивления захватил, и после чего к другому городу, который называется Моронг,[414] без каких-либо препятствий подошёл и его захватил. Также в день Арнольфа[415] прибывшие горожане принесли самому королю клятву верности от поморского города Эльблонга[416] и двух прусских земель. Кроме того, в день Марии Магдалины[417] сдался королю очень значительный замок, а именно Ольштын.[418] Потом, в день Святого Иакова[419] король взял в осаду замок Мальборк, и держал

[406] Баро́н (от позднелат. *baro* – слово франкского происхождения с первоначальным значением — человек, мужчина, тождественно русскому «боярин») – в средневековой феодальной Западной Европе крупный владетельный дворянин и феодальный синьор, непосредственный вассал короля, позднее просто почётный дворянский титул. В Германии этот титул вначале присваивался членам таких рыцарских родов, которые, не имея никаких владетельных прав, пользовались ленами непосредственно от императора. С XV века этот титул стал даваться также и дворянским родам, находившимся в вассальной зависимости от второстепенных владетельных домов.

[407] То есть из текста следует, что битва началась в 9.00 и закончилась в 21.00.

[408] Дух Святой – третья ипостась единого Бога.

[409] Святая Троица – (греч. $A\gamma\acute{\iota}\alpha$ $T\varrho\iota\acute{\alpha}\delta\alpha$) – богословский термин, отражающий христианское учение о троичности Бога. Впервые термин Троица употреблён Феофилом Антиохийским (II век).

[410] Мальборк – по-немецки Мариенбург – с 1309 года (после падения Акры) резиденция великого магистра и столица государства Тевтонского ордена в Пруссии. В настоящее время город в Гданьском воеводстве на территории Польши.

[411] Руины каплица находится на поле к югу от Танненберга.

[412] 18 июля 1410 года.

[413] Это вариант Зигмунта Целиховского – в данном месте рукопись повреждена.

[414] Моронг – город на северо-востоке Польши в воеводстве Варминьско-Мазурском.

[415] День Святого Арнольфа приходится на 18 июля.

[416] Эльблонг – (польск. *Elbląg,* нем. *Elbing*) – город в Варминьско-Мазурском воеводстве на севере Польши, расположен на реке Ногат. Основан крестоносцами в 1237 году.

[417] День Святой Марии Магдалины приходится на 22 июля.

[418] Ольштын – (польск. *Olsztyn,* нем. *Allenstein*) – город на северо-востоке Польши. В настоящее время является столицей Варминско-Мазурского воеводства.

[419] День Святого Иакова приходится на 25 июля.

его в осаде до самого праздника Апостола Матфея,[420] после чего все земли Пруссии и Поморья, за исключением некоторых замков Пруссии, а именно Мальборка, согласно праву присягнули на вечную верность королю, но потом присягу - как светские господа, так и обыватели, и все жители всех земель Пруссии и Поморья,[421] не заботясь о своей чести и забыв о собственном спасении, - позорно, без каких-либо причин, нарушили и нею пренебрегли, отступив без повода от послушания своему королю и своей Польской Короне.

И это её конец. Написано будто бы заботами [и] посредством руки брата К. из Радо[м]а.

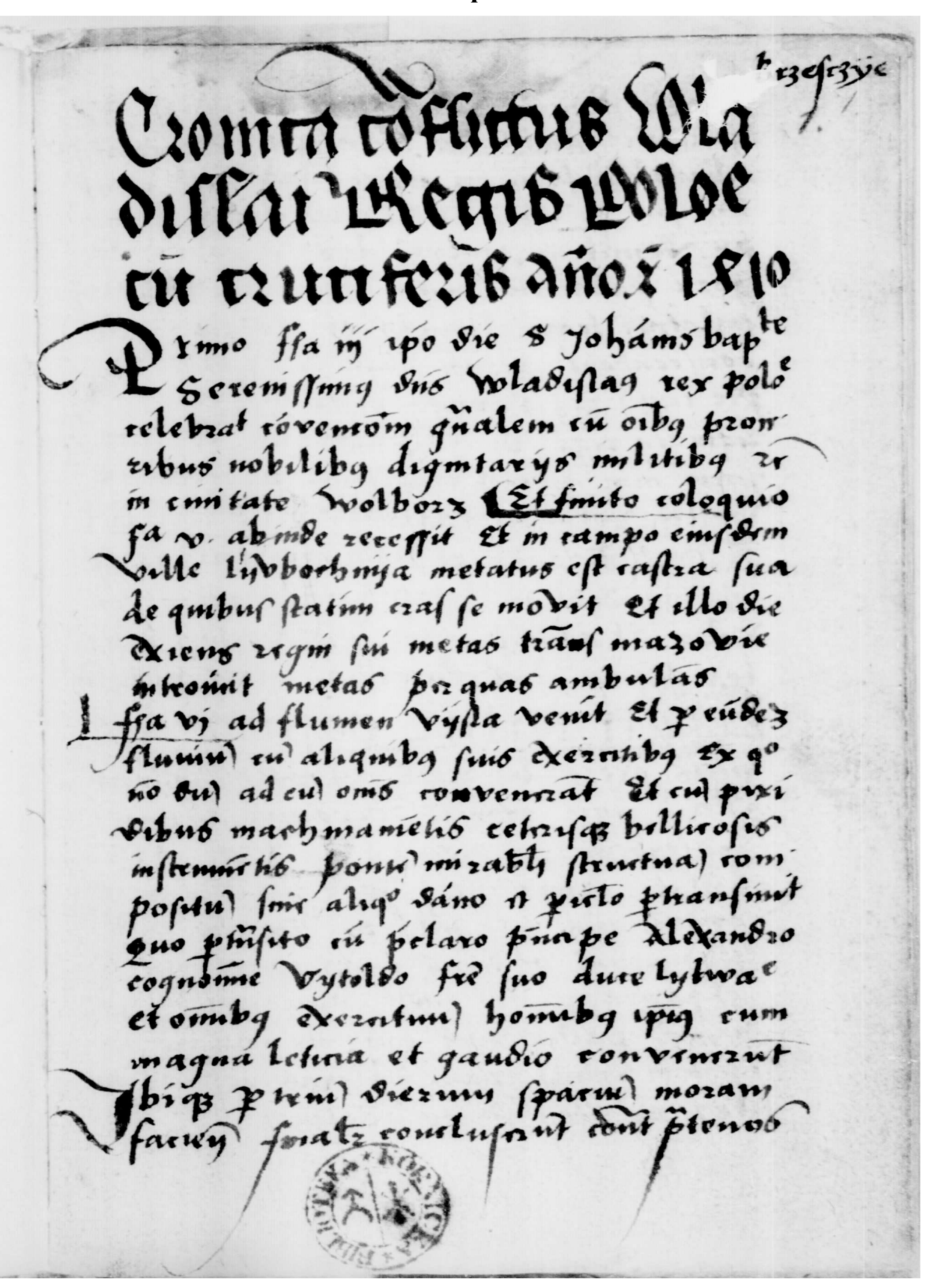
Хроника заканчивается.

---

[420] Праздник Апостола Матфея отмечают 21 сентября.

[421] Поморье (Померания) – историческая область на территории Польши, бывшая прусская провинция (до 1945). Граничила на западе с Мекленбургом, на севере примыкает к Балтийскому морю. В 1945 по предложению СССР была установлена новая польско-германская граница, и таким образом бóльшая часть Померании по решению союзников была отделена от Германии.

3. Факсимильное воспроизведение рукописи «Хроники конфликта…».

Cronica conflictus Wladislai Regis Polonie cum cruciferis anno Christi 1410

Primo feria iii in ipso die s. Johannis baptiste
Serenissimus dominus Wladislaus rex Polonie
celebravit conventionem generalem cum omnibus prin-
cipibus nobilibus dignitariis militibus etc.
in civitate Wolborz Et finito colloquio
feria v abinde recessit Et in campo eiusdem
ville Lyubochnya metatus est castra sua
de quibus statim cras se movit Et illo die
exiens regni sui metas trans Mazovie
introivit metas per quas ambulans
feria vi ad flumen Wyssla venit Et prope eundem
fluvium cum aliquibus suis exercitibus ex quo
non omnes ad eum convenerant Et cum pixi-
dibus machinamentis ceterisque bellicosis
instrumentis ponte mirabili structura com-
posito sine aliquo dampno et periculo pertransivit
quo pertransito cum preclaro principe Alexandro
cognomine Vytoldo fratre suo duce Lytwanie
et omnibus exercituum hominibus ipsius cum
magna leticia et gaudio convenerunt
Ibique per trium dierum spacium moram
facientes fratres conclusserunt contra …

procedendu Et deinde recedendo et
concionis duos dies transiret Veneruntque
ad quoddam flumen circa quod castra me
tata sunt In crastino die s. Proco
pii. Venit ad regem dns Nicolaus de
Gora palatinus regni Vngarie, Stiborius
palatinus transsiluanus, et Roferus de
Consendorf legati regis Vngarie ex
pte invicti regis Vnga. et serenissimorum
regnicolarum regi si ad pacem quam rex Vn
garie inter ipm et cruciferos procurare
vellet voluisset acclamari Rex autem
respondit dicens domini et amici mei pacem semper
quesivi ab equalitate numquam declinare
volui Et adhuc si eam habere possem libe
ter suscipiam et concordiam inter patres
Legati igitur crastina die
visis exercitibus regis ad magistrum redeunt
Et verba regis ordinate exponunt ad pacem
concordiam ipm inducere Magister eis
respondit Amici mei Rex Polonie pacem
optat quam habere nullo pacto Ex quo vide
tibus nobis in terras nostras ignes misit
et pompam grandem nobis ostendit Quam a nullo hominum
numquam passus fuit ordo noster Quare ego
si pacem voluit ipam in terras nostras vi
sitare non ... non quesivit

Oportet igitur ut pro hiis que exer-
cuit recipiat a nobis debitam ulcionem
Nec evadet inultus de oris nostris tra-
nec manus nostras effugiet Femine enim
et non viri diceremur si victoriam nobis sponte
oblatam de hostibus nostris tempore non vel-
lemus Legati igitur
Auditis ipsorum verbis inequalibus ad re-
gem amplius redire noluerunt Illo ergo
die dominico Rex solus terras hostiles quas
a duce Semovito in certa quantitate pe-
cunie cruciferi obligatas tenuerant
intravit et eas vastare mandavit In
quibus terris per ducem Semovitum per
virtutem cruciferis obligatis
Rex antequam terras ipsorum proprias
intravit a dominico die predicto
usque ad feriam quartam moram traxit
Et feria quarta terram ipsorum ante meri-
diem intravit Banaria et
vexilla sua magnifice et potenter
extendit et apparere fecit in campo
quodam iuxta Olsztyn parvo que
ex omnibus partibus ipsius silve et nemora
circuibant Extensis igitur Banaryis
ad locum in quo Starowe fixe fuerant
venit et ibidem cum exercitibus uno die

mora traxit In stacomby depre
hensi fuere quidam saluti xpiane im
mici qui domos dei ausi fuerunt intra
re et predas comittere in eisdem cum omni de
creto dampnati sunt quod se ipsos manibus
propriis deberent suspendere quod ipsos facere
opportebat. Et Abinde rex per duo
miliaria cum suis exercitibus se direxit
Et feria quinta tota die ibi mora trahens
Cras de staroibus se movit et vicever
sa ad stacones de quibus venerat reversus
est dimissis in stacombus pluribus aliquod
proximum lapidibus quorum moriuntur de pre
dictis dixerunt ingro. Magister rex iam
fugit et insignum lapidis in quibus hec
staroibus stetit dereliquit. Legatos magister
insequi cepit, non potuit tamen cognoscere
quare rex reversus esset. Ex quo per hac
viam per qua transire incepat propter flu
men drwanka et alia obstacula sine
dampno maximo non potuit pertransire
Opportuit ergo regem reverti vicever sa et
per circuitum flumen ab exordio eius circuire
Igitur feria VI ante festum Mar
garete fecit rex staciones suas per hunc

drwanka

3

miliaria a civitate Dobrowno
quam ipso die margarete aquisivit violent(er)
In quibus stacionibus pausavit per duos dies
Et ipso die S Margarete de eisdem stacio
nibus recedens circa civitatem predictam
castra metatus est Et circa ve
speram civitatem predictam tum condum
populo et non milicie sue e[illegible] expugnare
mandavit quam statim infra tres ho
ras violenter recepit Circa quam civi
tatem duos dies mansit Veniente autem
nocte diey illius qua se ex predictis
stacionibus moverat debuerunt fuerunt ma
xime coruscaciones fulgura atque ton
trua magnaque pluvia cecidit illa
nocte que vis omne bonum procuravit
nam terram madidam humidamque fecit
que ex nimio estu solis nimis erat
pulverosa ita quod qui exercitus per cam
pos transibat unus alium videre non
poterat pulvere occupante Ventus
et illa nocte tantus fuerat ita quod
omnia castra et tentoria devolverat
Et tunc ex fidedignorum militum dicitur
qui dixerunt se vidisse illa nocte lunam
versam fuisse in sanguinem et quidam
gladius rubens in ea apparebat

populi narrant

Feria igitur tercia ipo
ipo die divisionis apostolorum a civi
tate predicta recesserunt Et statim in
recessu maxima pluvia cecidit que
omnia arma nostrorum militum madidavit
Mox itaque cessante pluvia et pro
pulsa obscuritate nubium sol serenus
illuxit qua quidem serenitate permanente
Rex capellanum aptari ad missam ma
davit Ex quo missa secundum consuetudi
ne solita propter impedimentum bruto
rum qui fuerant qui de starembg transibant
audiri tunc non poterat Et pausante
ipo in cuiusdam monticuli vertice et
exercitibus circa montem stantibus fla
mas ignium qui per terram missi fuerant
propter ipsorum multitudinem et magnitu
dinem provisione mirabili intuentibus
Ad regem de adventu ho
stium venit fama incerta quidem regi incre
dibilis Omnis ergo exercitum homines
equos qui solummodo pro belli negocio an
eos ducebantur armati ascenderunt
Rex autem tunc ad divinum officium misse
audiendum declinat oracionibus poplite flexo hutz

Quidam familiaris suus qui in ex-
cubiis exercitus constitutus fuerat illo
die Regem alloquitur dicens et asserens
pro certo se hostes vidisse. Rex
at de multitudine hostium interrogavit
numerum qui dixit tantum duos cuneos eorum
conspexisse. Et ait rex Quatuor vel
sex cunei cum Marsalko exercitus ex-
pediantur quia eos Nosque insistemus
misse sub hoc tempore. Adhuc eo loquente aliquis
nuncius venit dicens Rex ne tardes
hostes contra te vadunt. Statim-
que rex ad fratrem suum Vytoldum nun-
cios direxit cum predicto sermone
Frater carissime sis ad pugnam
paratus et iube parari exercitus
tuos cum militibus Ex quo iam de ho-
stibus sumus certi. Finitaque legacione
statim ori suo silencium imposuit Et
elevatis in celum oculis ac manibus orare
cepit Nec ad sermonem cuiusque respondere
voluit nisi finita oracione et missa
audita Cuius oracionis tenor est hic
Tibi inquit domine deus spiritum meum com-
mendo Et commilitones meos committo
Serva me domine una cum ipsis

Et vos o mei commilitones
dilecti ad memoriam anime mee commo
neo et requiro Sub quo tempore nuncius
concito cursu venit dicens Rex serenissime
hostes tui in medio miliari alte sunt in ma
gna potencia congregati te expectat
ne moreris Equum ascendas et contra
eos procedas quia quanto magis congres
sum belli protrahis tanto magis peri
culum facis hoc enim negocium moram
et negligenciam non requirit
Rex vero verba illius licet sibi
proficua surda tamen aure pertransibat
Ad deum enim toto corde suspirabat Et
Statim ab oratione surgens
Quasdam de strambus ligaturas in signum
cognicionis mutue cuilibet alligari
mandavit verbaque proclamacionis
in bello militibus hec induxit Cracow
Wylno rege solus personaliter ascen
soque equo videre hostes properavit
Et statim acies in cuiusdam campi
planicie inter duo nemora ordinare
cepit Cuique ad mille vel ultra mili
tes cinxit manu sua quousque a cinctura
fatigatus fuit Cumque iam amplius

solus evagere no posset . Venerunt
ad regem duo heraldi unus regis
hungarie, regis ex parte mgri evagi
natum portans gladium Et alter
ducis Stetyney alium sibi gladium
ex pte Marsalci duci Vytoldo dans
manu tenens dixit, Rex mgr huic
ti dirigit gladium et fri tuo Vitol
do ex pte Marsalci alium dare de
bemus si ipmo pnnam habere po
tuerimus

Rex statuit pro Vytoldo
certos direxit nuncios et ab aggressu
belli ad quem iam cum gente sua tran
sibat ipm retrahere mandat, dere
lictis igitur suis militibus Vitoldus
solus ad rege concito venit Et in
adventu eius predicti heraldi ex pte
Marsalci gladium sibi obtulerunt
dicen regi et Vitoldo Rex et
Vitolde Mgr et Marsalcus hos
gladios vobis mittunt in subsidium
et ad pugnam vos invitant pro loco
vero certamis vos requirit ut ipm
soli eligatis et electum ipi p vos
nuncietis Nec velitis vos in con
denso huius silue abscondere quinimo
ad bellum protinus exire no differatis

qz pugna nullo° evadere poteritis
Rex at et vitoldus gladios pdictos
cu magna mansuetudie animi receperut
Et per nigro et Marsalko p nuncios
rddiderunt Auxiliu dei pncipale
Et hos sibi gladios in subsidiu nob
recipimq et cu nigro pugnare voluq
licet in silvis nos abscondemus qz
hac intencone venimq vt vobiscu
preliemur Ex quo a vobis equali
tate habere no possumq Et locum
certaminis divine voluntati gereqz co
mittimus.
Statimqz cum fletu
nimiaqz efusione lacrimar rex mi
lites suos alloqui et hortari cepit
O milites mei carri et melites Constat
vobis qualibq molestijs et iniurijs
nos et nros persecutores hij quos in
tueris oculos vr elata mete infestabat
que et qnta faciebat fris nris quo
eclas dei violabant et psonas
deo dicatas stuprabat sacrilegia
violencias crimia et molestias que
no diu longo tpe elapso patrarut
adversitatis Arrepta igit
pro subsidio iusticia hac qua qui
qz clare intueri pt Ipa em sola

pro nobis pugnabit In protectione
vero ipsius iusticie nostre armemini Et
metum mori potius quam vincere pro eadem
nostra non timeatis Ego enim o mi
lites mei vobiscum sive ad vitam
sive ad mortem ire paratissimus Hos
tium qui nostrum machinantur excidium

His completis omnes
unanimiter cum fletu Boga rodzy
cza cantare ceperunt et ad bellum
processerunt lacrimis tamen profusis
quas ipse rex e pectoribus eorum eduxe
rat ~~suis exhortantibus~~ suis exhor
tacionibus

In manu dextra dux Vy
toldus cum gente sua cum banario
s Georgii Et banario prime
aciei bellum est ingressus In ipso
at primo ingressu belli ante pau
lisper pluvia lenis et calida erupit
et pulveres ab equorum pedibus soluit
Cumque in ipsius pluvie initio dero
ictus in emissione lapidum de pi
xidibus hostium facti erant quia hostes
multas pixides habuerunt Nullum
tamen nocumentum per huiusmodi emissiones
nostris facere potuerunt

Et statim primo congressu cum
gente regis facto ab eisdem
precidibus fere per stadium et repulsi
bellum fuere tur asperrimum
Cum iam utercumque exercitus
tam regis quam ducis Vytoldi cum
omnibus hostium aciebus fuere adinvi
cem copulati et congressi Maiorque
exercitus Prutenorum ex electis ipsorum
aciebus fuere adinvicem ordinati
Super gente ducis Vitoldi Banarium
Sancti Georgii Et Banarium nostre prime
aciei congressi cum clamore ma
ximo et incursu equorum nimio
in valle quadam sic quod adversa pars
de monte et pars nostra sibi de monte
mutuis se susceperunt ictibus lace
rare In illo autem loco fuit
conflictum ex hastis que tunc confracte
fuerunt strepitus hoc quod ex vertice utriusque
monticuli per pedes equorum confracta
ligna ad ipsum de alto propellabantur
Tunc propter obliquitatem suam
in montis vertice non poterat permanere
ad vallem ipsorum montium congregata et
conversa fuerunt et quasi unus
pono

manu facti apparebat exercitus hostilis
Alia at pars hostium exercitus electos
cruciferorum hominibus cum maximo im
petu et clamore cum gente ducis Wy
toldi congressi et fere per horam pre
liantes mutuo inter se plurimi ex utra
que parte ceciderunt, Ita quod gens Vitoldi
ducis cogitur retrocedere Et ita
ipsos insequentes existimabant iam obtinuis
se victoriam, dispersique hostes ab ipsorum
banerys in ordinacione suarum acierum
errauerunt Et illos quos retrocedere
coegerant fugere inceperunt, Primo
dum at Renerii volens a suis
hominibus et banerys per homines regis
qui diverte Banaria ipsorum prelatura
diuiserunt. Seclusi at capti et gladio
perempti fuerunt Illi at qui de parte
lena illorum qui diuisi fuerunt remansi
rant superstites ad suos homines exer
citus hostilis currentes Iterum venire
admixere Cum Banario magno ca
stelani cracouiensis palatini sandomiriensis
terre wyrlyburiensis hie haliciensis et alys
multis Banerys convenerunt In quo
rum congressu bellum gerebatur asperimo
Et multi hinc inde ceciderunt mortui

Durabat go bellu sex horis
Et demum longa virtute cruciferi illa
vice usque ad stationes fugerunt
Collectis itaque viceversa
viribus mgr de quadam silva pra
cum sua gente residua quindecim
aut citra Bavaria habens secum co
tra regis personam acies suas dirige
voluit et cum lanceas hastasque ex
humeris depositas scutis iunxerat fixi
quibus stabant considerare volens ubi ipsis
facilior et utilior congressus hostium
videretur[2] Rex autem tunc cum cruciferis
ordinatis aciebus contra ipsum stabant
equum suum arrepta lancea manu
sua voluit cum animositate maxima
dirigere contra eos sed a proceribus
prohibitus mediis violentia et cum ma
xima difficultate retrusus non potuit
perficere velle suum Itaque unus miles
Verentur armatus de ordine crucifero
rum sine acie equum suum dirigere vo
lens contra rege ipsum aggressus erat
Rex autem arrepta manu hasta sua ipsum
letaliter in facie vulnerat et statim per
alios eque percussus in terram cecidit inter
fectus. Ille autem acies magistri

de loco in quo fixerat contra
regem se moventes Contra Bana
rum magnum procedentes mutuo viriliter
se susceperunt hastis suis Et in
primo congressu Magister Mar
salcus commendatores totius ordinis cruci
ferorum interempti sunt Reliqui
autem qui superstites remanserunt vi
so quod magister Marsalcus et alii consilia
rii ordinis perierunt terga vertentes usque
ad stationes suas quas metati fuerant
illo tempore fugerunt Et cum iam ad stationes
venissent, viderunt quod regis adiutores multi
fuerant [illegible] qui prelium tunc inchoave
rant Viso etiam quod dux eorum cecidit
interemptus In fugam versi conversi
sparsim fugere ceperunt Rex igitur
ex consilio Baronum suorum inimicos
ita cito fugientes persequi non permisit
nec populum a se voluit dispergere, sed
Statim deposita de se Galea sua
propter calorem solis nimium cum omni gente
sua ad stationes cruciferorum venit
In loco autem stationis multi
videntes quod per fugam nullo evadere possent

mortis Ex cuneribus quoddam
propugnaculum fariens ibidem omnes
defendisse vexit sed statim debi
cti omnes in ore gladii perierunt
In illo autem loco plusquam in toto con
flictu cadavera mortuorum apparuerunt
Procedens autem rex de loco
stacionum predictarum silvam par
vam penetrans venit ad verticem
cuiusdam monticuli In quo statim
de equo descendens , flexis genibus
in terra deo cepit gratias agere de vi
ctoria quam dominus deus sibi contulerat
de hostibus suis
Ad illum autem montem
adducti fuerunt ad regem infiniti capti
vi Inter quos duo principes duces
scilicet kazimirus Stetinensis et Corradus
Slesie dux , Multi etiam militares
Baronesque et ex diversis mundi partibus
Universarum nacionum homines qui cruci
feris venerant in subsidium
Exinde igitur rex procedens ad locum
quendam veniens ibi castra metari
fecit Et ab equo descendens de ar
bore ramos frangi mandat et ho
mo prostratum in quibus pius fatigam

se deposuit et ibidem pausavit &c.
Inceptum autem erat prelium
ante meridiem tribus horis et
finitum ante solis occasum una fere
hora. Cras ergo mane facto
Rex missas cantari in magna solempni
tate mandavit videlicet de sancto spiritu
de sancta trinitate de divisione apostolorum
Post missas igitur tota illa die et se
quenti scilicet banaria hostium que
in conflictu correpte fuerant ad regem
portabantur et captivi ducebantur
Tribus autem diebus continuis quibus in loco
conflictus rex moram traxit In
quibus regi banaria portabantur ho
stium ita quod ab omnibus poterant intueri
His etiam diebus rex corpus magistri
inter cadavera queri iussit et in
ventum ad tentorium suum adduci
mandat et alba sindone involvi
desuperque preciosissima regia purpura
tegi, et in curru usque ad Mariem
burg deduci cum honore mandavit
Cetera autem cadavera virorum illu
strium tam maiorum quam minorum qui ceci
derunt In quadam ecclesia loco conflictus

Magistri corpus queritur et munitur.

propinqua cum honore et reuerencia
sigillis mandauit Tercia
autem die de loco consilutus recedens
ad quandam ciuitatem Mayen
storg venit quam statim et castrum
sine aliqua difficultate et resisten
cia recepit Et postmodum ad aliam
ciuitatem que marconis dicitur sine re
sistencia intrauit et recepit Item
ipso die Arnolphi venientes ciues
de ciuitate maritana Olbyang
dicta et due terre prussie ipsi regi
fidelitatis omagium prestiterunt
Preterea ipso die marie magdalene
optimum castrum videlicet Aldesten
regi subiectum est Igitur ipso die
sancti Jacobi apostoli circumual
lauit rex castrum Mariemburk
Et ab illo die usque ad festum Ma
thei apostoli ipsum expugnauit Infra
quod tempus tota terra prussie et po
morie exceptis tribus castris in
prussia videlicet Mariemburk —
regi fidelitatem perpetuam iuramento
promiserunt obseruare firmiter
quam postea frangentes tam spirituales

p seculares Nobiles cives et omnes
terrigenis terre prussie et pomozanie
honorum ipsorum prodigi et salutis
proprie immemores turpiter et sine
aliqua causa violaverunt et frege-
runt Ab ipsis regis et corone sue
Polonie obediencia sibi ceteram subtrahentes
Et est huius finis scripsi qui inspicis
per manus fratris Conrade Rathe

Explicit Cronica

A

Sermo de conflict. p.

mnes biberunt dominu reli de
buthi q lorum suum ingtamina
tur fuat t in Marcha xv Ca
In sermone isto tria sunt videnda

1 Prologuium scetificum

2 Scrutinium hijstoricum

3 Obsequium polonicum

Quo ad primum videamus

Prologuium sanctificum

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Письма королевской полевой канцелярии Ягайло, написанные после Грюнвальдской битвы на боле боя.

1.1 Письмо Ягайлы королеве Анне.

Латинская транскрипция	Перевод на русский язык
1410 16 Juli retro Dambrownis in campo prelii. Preclara princeps, illustris consors nostra karissima! A tempore, quo a vobis recessimus, semper continua successione creator celi et terre nos et nostros sue pietatis clementia visitavit et optata hactenus servavit sanitate, cujus patrocinio dum terras hostium intravimus, quamcumque civitatem accessimus expugnandam, semper ipsam absque resistencia recepimus. Feria autem tercia, in die festo divisionis apostolorum, magister cruciferorum cum omni potencia sua nostris appropinquavit exercitibus animo preliandi, nobis tunc sacra misse audientibus officia, quibus usque ad finem cum devocione auditis cum omnibus exercituum nostrorum hominibus campum prelii ascendimus, ubi ordinatis et institutis aciebus ac omnibus dispositis negociis ad conflictum cepimus preparari. Et, dum jam se mutuo aspiciebamus, magister cruciferorum et mareschalcus nobis et preclaro principi domino Widoldo, fratri nostro carissimo, per suos herroldos duos gladios direxerunt sic dicentes : «Noveritis, rex et Widolde, quod in hac hora vobiscum conflictum faciemus et hoc gladios vobis pro subsidio dono damus. Nobis ergo locum date eligere certaminis aut ipsum aut vos eligatis!» Quibus taliter	1410, 16 июля за Домбровно на поле битвы. Прекрасная княжна, знаменитая, а нам очень милая супруга наша. От нашей с вами разлуки всегда и непрерывно создатель неба и земли нас и наших людей одаривал милостью и лаской и хранил в добром здравии. И под его опекой на землю врага войдя, сколько раз под каким-нибудь городом становились, всякий раз без труда его захватывали. Тогда во вторник, в праздник рассеяния апостолов, магистр крестоносцев со всеми своими силами к войскам нашим приблизился, желая начать с нами битву, когда мы слушали святую мессу. Её набожно до конца выслушав, со всем войском нашим, на поле битвы вышли, где построив ряды и разместив их, приготовились таким образом к бою. Когда же уже друг друга видели, магистр крестоносцев и маршал через своих послов нам и великолепному князю господину Витовту, брату нашему самому дорогому, два меча прислал со словами: «Знайте, король и Витовт, что в этот час в битве с вами сойдёмся. Эти же мечи вам в помощь в дар преподносим. Позвольте же нам выбрать место для битвы, либо же сами выберите». На что ответили мы смиренно: «Мечи, которые нам

cum mansuetudine respondimus: «Gladios, quos nobis direxistis, recepimus et in Christi nomine, qui cervices conterit superborum, conflictum vobiscum faciemus; sed locum prelii et conflictus nescimus vobis dare nec volumus; quem autem omnipotens deus largire nobis dignabitur, vobiscum conflictum deducemus!» Denique sine mora premissis exercitibus, sicut premittitur, ordinatis, cum ipsis venimus in conflictum, ubi infinitis cesis cum modico nostrorum detrimento non nostre potencie brachio vel gentis multitudine armatorum, sed solius dei, qui nos semper dignetur prosperare potestate et virtute, magistrum generalem et marschalcum predictos, Szwortzborg, Helbingensem et alios multos cruciferorum commendatores peremimus et alios in fugam convertimus et insequi propria persona per duo miliaria fuerunt insecuti, qui tunc fugientes et in aquis et fluviis, quo in via fugiendo habuerunt, infiniti sunt submersi et reliqui interfecti, quod paucissimi ovaserunt. Preliando autem cum eisdem Prutenis et ipsis virtute divina devictis et prostratis Conradum juniorem Olznensem et Stetinensem, Cristoferum de Hungar aliosque hospites infinitos in captivitate recepimus et captivos detinemus. Datum retro Dambrownis in campo prelii feria quarta in crastino divisionis apostolorum.[422]	прислали, принимаем и во имя Христа, который гордые шеи гнёт, сражаться с вами будем, но место битвы указать вам и не можем, и не хотим. В битве же с вами сойдёмся в месте, которое Бог всемогущий выбрать для нас пожелает». Затем без промедления, армию, как нами говорилось, имея уже построенную, начали бой, в котором среди бесчисленных убитых, сами же очень незначительные имея потери не благодаря нашей силе, или войск численности, но единственно благодаря силе и доброте Бога, который только бы всегда нас успехом одаривал, упомянутых великого магистра и маршала, Шварцбурга, и эльблонгского и многих других комтуров крестоносцев посекли, других же к бегству вынудили и лично преследовать стали. Две мили были преследуемые, а убегая в озёрах и реках, что были на пути их бегства, в большом числе утонули, других же убили, так что очень немногие ушли. Сражаясь же с прусаками, которых по милости божьей победили и разгромили, Конрада младшего Олесьницкого и Щецинского, Кристофа из Венгрии и других бесчисленных гостей Ордена в плен взяли и как невольников держим. Дано под Домбровно на поле битвы в среду, на следующий день после праздника рассеяния апостолов.

[422] Гагуа, Р.Б. Лісты Ягайлы і ананімная «Хроніка канфлікту» як крыніцы па даследаванню Грунвальдскай бітвы / Р.Б. Гагуа // Гістарычны альманах. – 2007. – Т. 13. – с. 118–140.

1.2 Письмо Ягайлы познаньскому епископу Альберту.

Латинская транскрипция	Перевод на русский язык
1410 16 Juli prope Hastenrode in campo prelii nostri Principi presuli eximio, patri reverendo, domino Alberto, episcopo Poznaniensi, sincere nobis dilecto Wladislaus dei gratia rex Polonie etc. Princeps presul eximie, pater reverende! Heri audientibus nobis missarum sollempnia magister generalis cruciferorum cum omni sua potencia, quam habuit, ad nostros appropinquans exercitus, siciens nobiscum preliari et nostrorum effundere sanguinem innocentem, nobis et duci Witolto, fratri nostro carissimo, duos gladios direxil sic inquiens: «Vobis duos gladios dirigimus in vestrum subsidium, ut hodie nobiscum per conflictum campestrem duellare debeatis; et locum certaminis nobis indicite, aut a nobis indicendum ipsum requiratis!» Quibus taliter in manswetudine animi nostri respondimus: «Gladios nobis per vos missos suscepimus et suscipere volumus: vobiscum invocato Christi nomine volumus per conflictum decertare; locum autem certaminis vobis indicare nolumus neque scimus, sed omnipotens deus, qui cuncta regit et disponit universa, locum, in quo vobiscum pugnaturi sumus, iam nobis preparavit!» Denique statim sine mora exercitibus nostris ordinatis et instructis ipsos dimisimus contra hostes transituros in conflictum, ubi	1410, 16 июля возле Остероде на поле нашего сражения. Первому из достойнейших достопочтимому отцу господину Альберту, епископу Познаньскому, искренне нам любезному Владислав божьей милостью король Польши и т.д. Первый из достойнейших, досточтимый отец! Когда мы по обыкновению слушали мессу Господню, великий магистр крестоносцев со всеми своими силами, которые только имел, к нашим приблизился войскам, жаждая с нами сразиться и наших пролить кровь невинную, нам и князю Витовту, брату нашему возлюбленному, два меча прислал, с такими словами: «Вам два меча посылаем в помощь, так как сегодня с нами в полевой битве сразиться должны; а место боя нам укажите, или мы сами его укажем». На что так в кротости души нашей ответили: «Мечи нам вами посланные принимаем и принять желаем: с вами, взывая к имени Христа, в битве сойтись хотим; место же боя вам указать не позволяем и не мы решаем, но всемогущий Бог, который всем правит и вселенную организует, место в котором с вами сражаться будем, уже нам приготовил». Наконец сами с твёрдостью и без промедления войска наши приготовили и, построив, направили против врага, идущего в битву. Там не мужеством руки нашей либо многочисленностью народов вооружённых, но единственно

non in virtute brachii nostri vel gentis armatorum multitudine; sed solius dei potestate et virtute, qui nos semper ab adversis dignatur preservare, paucis valde de nostris communibus, nullis notabilibus interfectis, omnes exercitus inimicorum prostravimus et ipsum magistrum generalem cum marschalcone, Schwartzepurck et Helbinensi ac aliis multis commendatoribus, cruciferis barbatis, peremimus in gladio et captivos infinitos ad nostra tentoria deduximus et habemus captivatos, inter quos ducem Conradum juniorem, ducem Stetynensem Casimerum et alios hospites valde multos, quorum numerum ignoramus, recepimus et in captivitatem duximus; sicque hostibus prostratis et in fugam conversis, qui remanserunt superstites licet pauci, ipsos in propria persona fuimus insecuti et insequi exercitibus per quatuor aut citra miliaria mandavimus, ubi infiniti ex ipsis fugientibus sunt perempti et alii in undis fugientes sunt submersi. Nos vero deo nostro de triumpho nobis concesso gratias agentes per duo miliaria et ultra ipsos insequentes ad tentoria nostra rediimus sani et incolumes nobis divina clementia favente et fortuna. Ideo paternitatem vestram petimus et hortamur, quatenus divine pietatis clementiam, que nobis nullis nostris meritis precedentibus tanta donavit beneficia, velitis deprecari, ut eandem pietatem in nobis continuare dignetur et concedere in hostibus incepte	божьим могуществом и мужеством, которые нас всегда от достойных противников хранят, очень немногих из наших войск и никого из знатнейших не потеряв, все вражеские войска уничтожили и самого великого магистра с маршалом, Шварцбургского и Эльбингского, а также других многих комтуров, крестоносцев бородатых предали мечу и пленных бесчисленных к нашим шатрам согнали. И имеющихся пленников, среди которых были князь Конрад младший и князь Щецинский Казимир и другие враги столь многочисленные, что числа их не знаем, приняли и в плен отправили. И так врагов подавили и в бегство обратили, тех же немногих, которым остаться в живых было позволено, сами собственной персоной преследовали и преследованию предавались до четырёх миль. Там бесчисленное множество обращенных в бегство было убито и многие бегущие в водах утонули. Мы истинному Богу нашему за нашу победу выражали сильную благодарность на протяжении двух миль; и после самого преследования к шатрам нашим вернулись здоровым и невредимым вследствие божьей милости и покровительства фортуны. Потому к отцовским чувствам вашим обращаемся и взываем, а также к божьей милости обращаемся, что нам не за наши столь значительные прошлые заслуги дарует добро. Мы счастливы молить, как и ранее, о милости к нам, сохранении достоинства и позволении достигнутый успех над врагами обратить полной победою.

victorie friumphum conservare.	
Datum prope Hastenrode in campo prelii nostri feria quarta in crastino divisionis apostolorum.	Дано возле Остероде в нашем военном лагере в среду на следующий день после дня рассеяния апостолов.
Etiam cum feria sexta mane a civitate nostra Hoestein recedere voluimus, venerunt ad nos nobiles terrigene de districtu et civitate Heldenburg alias Holdenstein, civitatem et castrum bona valde nostre subicientes dicioni.	Также когда в пятницу утром из города нашего Хоештейна выйти изволили, прибыли к нам земские нобили из повета и города Хельденбурга, по-другому Хольденштейна, они город и замок, хорошо укреплённый, нам во власть отдали.
Ad relacionem domini Nicolai regni Polonie vicecancellarii.[423]	Сообщение господина Николая, вице-канцлера Королевства Польского.

423 Гагуа, Р.Б. Лісты Ягайлы і ананімная «Хроніка канфлікту» як крыніцы па даследаванню Грунвальдскай бітвы / Р.Б. Гагуа // Гістарычны альманах. – 2007. – Т. 13. – с. 118–140.

2. Отрывки из трудов Энеа Сильвио Пикколомини (Папы Римского Пия II), и его компиляторов, сообщающие о битве при Грюнвальде

2.1 Энеа Сильвио Пикколомини. «О Владиславе, короле Польши» из «О мужах выдающихся».

Латинская транскрипция	Перевод на русский язык
Ladislaus rex Poloniae, natione Tártarus infidelis; nam gentilis erat; propter regnum habendum, secta sua dimissa, Christianum se fecit. Quid enim regni causa non faciunt homines? Tunc in regno erat Wilhelmus dux Austriae, qui reginam filiam Caroli regis Hungariae in uxorem habuerat, et regnum Poloniae in dotem receperat. Sed Poloni gentilem potius, quam Theutonicum regem habere volentes, Wladislaum vocant, Wilhelmum expellunt, reginamque veterís regis conjugem novo regi tradunt. Sed illa concubinam se non conjugem dicens, nunquam sponte cum illo conjacuit, nec ex eo prolem habuit, mortüaque est. Éxinc alia sibi conjux data est, ex qua jam centennis sobolem suscepit, Catonem in hoc et Maxenissam superans, nisi adjutorem habuerit. Bellam huic atrox cum Prutenis fuil. Horum circiter duceñta hominum millia in illo praelio fuere, veneratque in ejus auxilium Vitoldus dux Lituaniae. Circumventi erant Poloni, dum inordinati essent. Sed Pru-teni volentes uti occasione, mittunt araldos, qui Polonos instruant de suo adventu parentque se in bellum; animosum consilium magis, quam prudens; quis enim hostem jam diffidatum moneat: mittunt quoque	Владислав, король Польши, пребывая в неверии татарского племени, язычником был; но, королевство себе приобретя, христианином стал. Как же получилось, что в королевстве не было короля? Тогда королем был Вильгельм, герцог Австрийский, женой которого стала дочь Карла, короля Венгрии, который получил королевство Польское в приданое. Но поляки язычника предпочли поскольку, Тевтонское государство обрести возжелали, Владислава призвали, Вильгельма выгнали, и прежнюю королеву замуж новому королю отдали. Но она сказала, что никогда по доброй воле с ним брачное ложе не разделит, и дитя от него не будет, так как мертвым родится. После этого невесте дары были поднесены, среди которых также сотня соболей была, однако Катона и Максентия превзойдя, от всего отказалась. В то время жестокая война с пруссами случилась. Тогда около 200 человек рыцарей в битве сошлись, и на помощь пришел Витовт, князь Литовский. Окружены были поляки, в то время, когда они не были построены. Хоть пруссы хотели воспользоваться случаем, оставили поле, которым поляки воспользовались для своего наступления и мести в войне; смелым план был в большей степени, чем благоразумным; ибо неприятель дары

signa regi chirothecas, Vitoldo gladium. His rex Poloniae territus, nam Missam audiebat, nescit quid respondeat. Sed Vitoldus accipio, inquit, muñera Prutenorum, libens; nam et hunc gladium parturum mihi hodie victoriam spero. Paravit igitur mox cohortes. Committitur praelium, jam Poloni in fugam versi erant magnaque caede tenebantur. Sed Vitoldus hortatus suos praelium instaurat, redíreque Polonos in praelium jubet, tantumque viriliter instat, ut fugatis Prutenis, suos victos Víctores fecerít Obtruncati sunt in eo bello quadringénti milites ordinis et infracti alíí, moxque tota fere Pruscia, excepto Castro Beatae Mariae in potestatem Polonorum venit. Sed Ulricus eos postea expulit, de quo suo loco dicemus. Wladislaus cum Sigismundo plures lites habuit de regno Bohemo, saepius se intromisit; sed numquam obtinuit. Mortuüs est duobus filiis relictis Wladislao et Casimiro, quorum alter Poloniam, alter Lituañiam sortitus est; rumor tamen est, eos fuisse, cujusdam militis filios, non regís.[424]	прислал: королю рыцарскую перчатку, а Витовту меч. В то время король Польши мессу слушал, не зная, что ответить. Однако Витовт сказал, что примет дар пруссов охотно, ибо с этим мечом на победу надеются. Тогда начали готовиться к наступлению. Началась битва, но тотчас поляки в бегство обратились, и большая резня была. Но Витовт обратился с призывом продолжать битву, и продолжили поляки с торжествующими возгласами, и мужественно наступали, так, чтобы обратить в бегство пруссов, и, одержав победу, победителями были. Убито и ранено в этой войне было 400 рыцарей ордена, и в скором времени оказалась Пруссия, за исключением замка Блаженной Марии, во власти поляков. Хоть Ульрих и был могущества лишён, мы здесь своё место обрели. Владислав с Сигизмундом постоянно воевали с королевством Богемским, часто на него нападали, но никогда его не завоевали. Умерли оба сына его, Владислав и Казимир, один правивший Польшей, второй Литвой; однако был слух, что сыновья были от рыцаря, а не короля.

[424] Piccolomineus, AE. S. De wiris illustribus / AE. S. Piccolomineus. – Stuttgardle: Sumtibus Societatls Litterbarle Stuttgardiensls, 1842. – P. 47–48.

2.2 Энеа Сильвио Пикколомини. «О Ливонии», Арундельский манускрипт.

Латинская транскрипция	Перевод на русский язык
Extraxerunt ambe partes validissimas atque ingentes copias; Poloni Lituani et Tartarí adjuncti erant, quos duxerat Vitoldus. Theutonici fratres ex tota Germania vires consciverant. Postquam prope ad viginti ferme stadia uterque consedit exercitus spe plenus et impatiens more Pruthenicorum magister caduceatorem, qui bellum regi denunciaret et dúos enses, in quis staret victoria, misit facta potestate, ut quem vellet hostis eligeret; alterum sibi remitti iussit. Accepit Vladislaus alacer nuntium donatoque caduceatore uno retento gladio remisit alterum. Mox iussi milites arma induere bellique signum datum; quadraginta milia equitum in ambobus castris fuisse proditum invenio; Vladislaus Tártaros ac Lituanos primum inire certamen iussit, ex Polonis subsidiarias acies elegit. Contra Pruthenus auxilia in postremis habuit, florentem ordinis sui militiam in exercitus fronte collocavit. Commisso prelio inermes quodammodo Tartarí ac Lituani magna strage cesi sunt. Urgebat tamen multitudo nec terga daré Polonus metuens audebat. Atrox pugna supra cadavera occisorum edebatur. Nec iam vulnerare Prutenus alacer quarn vulnera recipereTartarus videbatur; protractum est diu certamen; perada ingens occisio. Lituani Tartarique veluti pecudes mactabantur. At cum novus semper hostis ernergeret defessi tanta cede peracta Theutones	Собрали выступившие стороны сильнейшие и огромнейшие армии. Поляки, литовцы и татары, которыми предводительствовал Витовт, объединены были. Немецкие братья из всей Германии мужей собрали. Когда уже приблизительно в двадцати стадиях друг от друга войска стояли полные надежд, и нетерпеливого нрава магистр крестоносцев герольда, который королю войну объявил и два меча, [которые должны были показать], чья будет победа, прислал в знак могущества, из которых пожелал, чтобы [один] враги выбрали, другой же себе вернуть приказал. Принял король охотно нунция и подаренный посредством герольда один меч оставил, другой вернул. Тотчас же приказал рыцарям оружие предоставить и к войне подал знак, сорок рыцарей конных в обоих лагерях были найдены; Владислав татарам и литовцам первыми бой начать приказал, из поляков же оставил резерв. Против пруссов армию резервную на конец держал, против цвета Ордена своих рыцарей в армии выставил. Союзники по сражению обессилели, и таким образом татар и литовцев много пало в кровавой резне. Давили всё-таки числом, а не тем, что на фланге поляки проявили мужество. В кровавом бою убитых становилось всё больше. И уже увидели татары, что пруссы не могут наносить раны так быстро, как ранения в ответ наносятся, долго тянется битва, [и] славные уже пали. Литовцы и татары вырезались будто жертвенные животные. Но врагов постоянно свежие подкрепления появлялись, и немцы

versare ferrum vix poterant et iam remissius pugnabant. Quod ubi Vladislaus animadvertit, tum primum Polonorum aciem validam ac ferro rigentem immittit; fit súbita irruptio instauraturque prelium. Non tulere Theutones recentis agminis impetum; impar pugna recentis ac fatigati militis fuit. Oritur mox fuga ex parle fratrum, ferit terga Polonus. Magister ordinis ubi suos cederé videt nec iam ullam in auxilio spem esse animadvertit, cum lecta militum manu hosti sese obiectans occiditur; fit fedior fuga nec prius Theutonicus fugere quam Polonus persequi desistit. Pereunt in eo bello ex parte fratrum multa hominum milia. Ínter quos viri primarii, quos vocant commendatores, equestri dignitate insignes cum ipso magistro circiter sexcenti, nec Polonis incruenta victoria cessit, Tartaris ac Lituanis magna ex parte cesis. Bellum hoc anno décimo et quadringentesimo supra millesimum gestum est post Christi salvatoris ortum. Pruscia fortunam regis secuta omnis excepto burgo Marie ad victorem defecit. Sed interveniente Sigismundo cesare pax inter fratres et Polonum constituta est percussumque fedus, pecunia Polono data. Pruscia reddila fratribus…[425]	столь ослабели, что отступили, с трудом поднимая оружие, и перестали сражаться. Как только это Владислав увидел, он сперва полякам приказав приготовиться, вооружившись, послал их в атаку, и битва возобновилась. Не было для немцев свежих вливаний, не могли они больше сражаться, поскольку измучены рыцари были. Вскоре началось с непрестанными мольбами бегство со стороны братьев, вырезаемых польскими мечами. Магистр Ордена, когда увидел своих павших и понял, что уже нет надежды на помощь, пал с отборным рыцарством под ударами вражеской руки, немцы же обратились в бегство, и бежали пока поляками не были отрезаны. Погибло в этой битве со стороны братьев рыцарей множество людей, между которыми мужи первые, которые зовутся комтурами, всадники облечённые достоинством, с самим магистром около шестисот, но не бескровную победу поляки одержали: татар и литовцев множество с их стороны было убито. Война эта в год 1410 случилась после Христа Спасителя появления. Пруссия королю, которому удача улыбнулась, вся за исключением Мариенбурга, как победителю покорилась. Но посредством Сигизмунда императора мир между братьями и Польшей был установлен, и добились успеха, деньги Польше выплатив. Пруссия была возвращена (братьям)…

[425] Ejusdem Enee Silvii Senensis episcope de Livonia // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1870. – B. 4. – S. 231–235.

2.3 Неизвестный компилятор Пия II. «О Ливонии», Чигизский манускрипт.

Латинская транскрипция	Перевод на русский язык
Vladislaus rex Polonie fratrem suum Vitoldum pro gubernatore in Lytwania relinquens solus Polonice terre fines tutabatur. At ipsi domini cruciferi cum auxiliariis suis tempus opportunum cernentes contra Vitoldum coadunati una cum Livoniensibus moverunt prelium. Non tulit hoc Vladislaus rex Polonie, qui tam Polonis quam eciam Lytwanis dominabatur; quin eciam fratrem juvare dignum erat. Quare eidem Vitoldo contra magistrum cruciferorum misit suppetias, quibus sic una cum Lytwanis coadunatis ipsum magistrum cruciferorum et Livonienses coercuerunt ac multos occiderunt. ínter quos Sifridum prepositum Rigensem hominem bellicosum neci dederunt. Venerat idem Vitoldus uhique dominia cruciferorum vastando usque Thorunii sicque magna abducens spolia in Lytwaniam est reversus. Commoti ex hoc domini cruciferi contra regem Polonie Vladislaum, qui fratri contra ipsos suppecias dederat, ceperunt terram Cuiaviensem devastare atque in Poloniam incursiones faceré vastantes Polonorum fines per ignem et gladium. Vladislaus videns serpentes in sinu nutritos debacchari prelium contra cruciferos terre sue invasores instaurat, ascitis sibi Lytwanis, Rutenis atque Tartarorum magna multitudine. Econtra Theutonici fratres ex tota Germania	…Владислав, король Польши, брата своего Витовта правителем Литвы оставил, один Польской земли границы охраняя. Но сами господа крестоносцы с помощниками своими, удобное время увидев, против Витовта собрались вместе с ливонцами пойти войной. Не было тогда защиты от Владислава, короля Польши, который равно как в Польше, так и в Литве господствовал, который брату помощником достойным был. Поэтому этому самому Витовту против магистра крестоносцев послал помощь, которая таким образом вместе с литовцами выступив, самого магистра крестоносцев и ливонцев покарали многих убив. Среди которых Зигфрида, командира Рижского, человека воинственного, позорно убили. Также беспрестанно Витовт опустошал везде ленные владения крестоносцев и под Торунем захватив богатую добычу в Литву вернулся. Собрались поэтому господа крестоносцы против короля Польши Владислава, который против самих братьев поддержку оказывал, захватили и опустошили землю Куявскую, а также набеги делали, польское пограничье опустошая огнём и мечом. Владислав, видя, что змей извивающихся вырастил, в гневе войну против крестоносцев, в его земли вторгавшихся, возобновил, собрав у себя литовцев, русских и татар в большом числе. Напротив немецкие братья из всей Германии мужей себе созвали, которых около

vires sibi consciverant, quibus prope XL milia equitum preter suos in adiutorium tota Germania prius perosa Polonos miserat. Venientes itaque uterque exercitus ad XX stadia in campo qui dicitur Fride-naw consedit. Aderat dies divisionis apostolorum, qui 15. mensis Julii celebratur, agebaturque tunc annus ab incarnatione Domini 1410. A mane itaque illius diei nebulis celum tegentibus ac paucis imbribus irrorantibus ceptum est prelium. Vladis-laus Tártaros et Litwanos in acie posuerat, quos primum certamen inire iussit; cum gravi armatura Polonorum ipse quasi in subsidiaria ope circa castra sua remansit. Contra Prutenorum magister auxilia in postremis locavit, florentem ordinis sui militiam in exercitus fronte ponens. Commisso prelio inermes quidem Tartarí et Lytwani magna strage cesi sunt; urgebat tamen multitudo nec terga daré sinebat Polonorum exercitus. Atrox igitur pugna super cadavera occisorum edebatur, nec tantum vulnerabat Prutenus alacer quantum excipere vulnus Tartarus ipse vel Lytwanus videbatur. Protractum est ad aliquot horas certamen, peracta ingens occisio, parte ex utraque Lytwani, Ruteni Tartarique tanquam pecudes mactabantur. Magister Prutenorum more impaeiens caduceatorem regí Polonie in castris suis tunc missarum solempnia audienti cum duobus cruentatis gladiis misit eidem	пятнадцати тысяч всадников, не считая своих, на помощь вся Германия издавна преисполненная ненависти к полякам прислала. И сошлись, таким образом, обе армии в поле, называемом Фрогенау, расположившись в двадцати стадиях друг от друга в День Рассеяния Апостолов, который в 15 [день] месяца июля празднуется, сблизившись там, в год от рождества Господня 1410. И увлажнилось поэтому небо, мглой в тот день покрывшись, и небольшой дождь оросил сражение. Владислав татар и литовцев на острие расположил, первыми в бой идти приказал, с тяжеловооружёнными поляками сам как бы во вспомогательном резерве возле лагеря остался. Напротив прусский магистр помощь на потом оставив, цвет рыцарства Ордена своего выставил во главе армии. Сойдясь в битве, поэтому безоружные татары и литовцы понесли тяжёлые потери, давили (крестоносцев) однако численностью, а не опорой на плечи поляков. В жестокой же битве пало трупов сверх меры, и стало видно, что пруссы не так быстро раны наносят как сами от татар или литовцев получают. Тянулся около часа бой, когда самые славные пали с обеих сторон, литовцы русские и татары как животные в жертву приносились. Магистр прусский по обычаю неспокойного времени герольда королю Польши в лагерь тогда со своими письмами формального содержания с двумя окровавленными мечами послал, равно обвиняя, чтобы от битвы не отказывался, как павший духом, но принял тут же участие, и

insinuans, ut bellum non detrectaret sed pocius cernerét suos iam defecisse et ipsos gladios in suorum strage cruéntatos acciperet atque se ipsum cum reliqua multitudine defensaret. Interim rege in tentorio moram agente finem misse exspectando, venit frater suus Vitoldus increpans moras regis, eo quod omnes auxiliarii exercitus iam defecissent. Rex Deo se commendans lacrimas fudit atque sic equum suum conscendit ac Polonorum aciem va-lidam ferro rigentem contra Prutenos emittit. Fit súbita mulacio: instauratum est de novo prelium. Defessi Theutones prius tanta cede peracta ferrum versare vix poterant remissiusque pugnabant. E diverso Poloni ex pausacione álacres et furibundi adversarios passim audacter sternebant. Non tulere Theutones recentis agminis impetum, ideo retrocedentes vacillabant. Oritur mox turpis fuga ex parte fratrum cruciferorum: sed feriebant ubique terga Poloni; nec prius Alemani fugere quam Poloni persequi desistebant. Magister ordinis ubi suos cederé videt, nec iam ullam in auxiliis spem esse animadvertit, collecta suorum fratrum atque militum manu hostibus se sponte obiecit non christiauis sed infidelibus, ut sic pocius contra infideles dimicans periret. si moriundurn utique esset . Occiditur tándem una cum quadraginta sui ordinis primariis fratribus, quos commendalores vocant, atque sexcentis aliis equestris ordinis mililibus: vix ex	сами мечи, собственной кровью окровавленные, принял и также себя с оставшимся множеством защитил. Когда король в шатре по обычаю был на богослужении, конца мессы дожидаясь, пришёл Витовт, брат его, укоряя короля за его нравы, и что послать на помощь все войска не хочет. Король, Божьей себя предоставив защите, пролил слёзы и, вскочив на своего коня, тотчас же в битву силой оружия несгибаемого вступил. Произвёл **[он этим]** неожиданную перемену: сражение возобновилось снова. Павшие духом немцы, ранее понёсшие столь большие потери и уже с трудом поднимавшие оружие, к битве вернулись. От руки выступивших против них поляков, до крови жадных разгневанных противников, всюду храбро приняли смерть. Не проявился в немцах новый прилив мужества, поэтому, оказавшись в плохом положении, уступили. С мольбами непрестанными началось бегство со стороны крестоносцев: но давили поляки повсюду и сзади, и прежде, чем обратится в бегство, гонимые поляками, крестоносцы отступали. Магистр Ордена, когда увидел своих вырезаемыми, и уже не было более надежды на подкрепления, собрал рукой (твёрдой) братьев и рыцарство, [и] без подкреплений против врагов выступил, не христиан, но неверных, и таким образом против неверных в яростном сражении обрёл смерть, поскольку было оно смертельным. Пал, в конце концов, вместе с сорока своего Ордена первейшими братьями, которые зовутся комтурами, и шестьюстами другими конными

hac pugna quingenti ex omni exercitu Prutenorum atque diversarum gentium aufugerunt, cesis ut ferunt prope octuaginta milibus hominum. Circa spolia occisorum ad octo dies immoratum est. Poloni collectis quinquaginta tribus adversariorum pocioribus vexillis cum máxima occisorum preda cum triumpho in Cracoviam reversi sunt, ad sepulcrum divi Stanislai quod ibidem in arce habetur omnia vexilla suspendentes, que usque in hunc cernuntur diem. Prussia fortunam regis sequuta ad ipsum defecit excepto Burgo Marie. Tándem interveniente cesare Sigismundo pax inter utrosque firmata fuit.[426]	рыцарями Ордена, с трудом пятистам из всей армии и разных народов удалось бежать, вырезано и убито было около восьмидесяти человек рыцарского достоинства. Мародёрством занимались до восьми дней. Поляки собрали народов разных важнейших пятьдесят хоругвей с очень большой добыче забранной у убитых и с триумфом в Краков вернулись, у гроба Святого Станислава, который также в саркофаге находится, все знамёна вывесили, где и находятся по настоящий день. Пруссией удачливый король овладел за исключением города Марии. В конце концов, посредничеством императора Сигизмунда между двумя сторонами был заключён мир.

426 Der Bericht der Chigi'schen Handschrift // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1870. – B. 4. – S. 235–237.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Biskup, M. Grunwaldzka bitwa. Geneza – przebieg – znaczenie – tradycje / M. Biskup. – Wyd. 1. – Warszawa: Interpress, 1991. – 211 s.
2. Bitwa pod Dąbrównem. (Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum Cruciferis anno Christi 1410) // Monumenta Poloniae Historica – Pomniki dziejowe Polski / hrsg. Bielowski A. – Lwów, 1872. – T. 2. – S. 897–904.
3. Caro, J. Geschichte Polens // Geschichten der Europäischen Staaten. – Gotha: Heeren and Ukert, 1869. – B. 3. – 703 s.
4. Codex diplomaticus Prussicus / hrsg. von Johannes Voigt. – Königsberg: Gebrüdern Bornträger – Wilhelm Koch, 1836–1861. – T. 1–6.
5. Codex diplomaticus Lithuanie e codicibus manuscriptis in archivo secreto Regiomontano asservatis / ed. E. Raczyński. – Poznań–Vratislaviae: Sigismundi Schletter, 1845. – 392 s.
6. Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae. 1376–1430 // Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia / Collectus opera A. Prochaska. – Cracoviae: Academia Literarum Crac.,Sumptibus Academiae Literarum Crac., Typis Vlad. L. Anezye et Com, 1882. – T. 6. – 1114 s.
7. Cronica conflictus Polonie Regis cum Cruciferis Anno 1410 // Biblioteka Kórnicka Polskiej Akademii Nauk. – Sygn. BK 01506. – 20 s.
8. Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruceferis anno Christi 1410. // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 434–439.
9. Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum Cruciferis anno Christi 1410. Z rękopisu Biblioteki Kórnickiej / wyd. Dr. Zygmunt Celichowski. – Poznań: Nakł. Biblioteki Kórnickiej, 1911. – 31 s. (kart 10).
10. Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum Cruciferis. [Электронный ресурс] http://www.laborunion.lt/memo/modules/sections/index.php?op=viewarticle&artid=4. – Дата доступа: 18.03.2009.
11. Daniłowicz, I. Skarbiec dyplomatów papiezkich, cesarskich, krolewskich,książęcych; uchwał narodowych, postanowień różnych władz i urzędów, posługujączch do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiej i ościennzch im krajów / wyd. J.Sidorowicz. – Wilno: w drukarni A. H. Kirkora i sp., 1860. – 391 s.
12. Das Soldbuch des Deutchen Ordens 1410/1411 / Red. S. Ekdahl. – Köln–Wien: Böhlau, 1988. – 206 s.
13. Der Bericht der Chigi’schen Handschrift // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1870. – B. 4. – S. 235–237.
14. Ejusdem Enee Silvii Senensis episcope de Livonia // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1870. – B. 4. – S. 231–235.

15. Ekdahl, S. Die "Banderia Prutenorum" des Jan Dlugosz, eine Quellen zur Schlacht bei Tannenberg 1410. Untersuchungen zu Aufbau, Entstehung und Quellenwert der Handschaft / von S. Ekdahl. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1976. – 315 s.
16. Ekdahl, S. Die Flucht der Litauer in der Schlacht bei Tannenberg / S. Ekdahl // Zeitschrift für Ostforschung. – 1963. – № 12. – S. 11–19.
17. Ekdahl, S. Die Schlacht bei Tannenberg 1410. Quellenkritische Untersuchungen. Einführung und Quellenlage. / S. Ekdahl. – Berlin: Duncker & Humblot, 1982. – Bd. I. – 378 s.
18. Enee Silvii episcope Senensis de situ et origine Pruthenorum // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1870. – B. 4. – 219 s.
19. Franciscani Thorunensis Annales Prussici (941 – 1410) // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 13–399.
20. Górski, K. Jana Długosza Banderia Prutenorum. / K. Górski. – Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1958. – 308 s.
21. Grunwald. 550 lat chwaly / opracowali J.St. Kopczewski, M.Siuchniński. – Warszawa: Państwowe Zakrady Wydawn. Szkolnych, 1960. – 392 s.
22. Heveker, K. Die Schlacht bei Tannenberg: Inaugural-Dissertation zur Erlangund der Doktorwürde genehmigt von der philosophischen Fakultat der Friedrich-Wilhelms-Universität / K. Heveker. – Berlin: Verlag von Georg Nauck, 1906.
23. Index Tabularii Ordinis S. Mariae Theutonicorum, Regesten zum Ordensbriefarchiv, 1198 – 1454 // Regesta historico-diplomatica Ordinis S. Mariae Theutonicorum 1198 – 1525 / hrsg. von E. Joachim, W. Hubatsch. – Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1948. – 874 s.
24. Johanns's von Posilge officials von Pomesanien, Chronic des landes Preussen (von 1360 an, fortgesetzt bis 1419) // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – S. 13–399.
25. Jurgėla, C. Tannenberg (Eglija-Grunwald) 15 july 1410 / C. Jurgėla. – New York: Lith. Veterans Assoc. «Ramove», 1961. – 104 p.
26. Klein A. Banderia apud Grunwald. Chorągwie polski pod Grunwaldem. / A. Klein, N. Sekunda, K. Czernielewski. – Łódź: Aleksander s.c., 2000 – 117 s.
27. Köhler, G. Die Entwickelung des Kriegswesens und der Kriegsführung in der Ritterzeit von Mitte des 11. Jahrhunderts bis den Hussiten Kriegen / G. Köhler. – Wroclaw: Wydawn. PAN, 1886 – 1887. – B. 2–3.
28. Korta, A. Strategia i taktyka bitwy grunwaldzkiej / A. Korta // Nasza myśl. – 1949. – R. 3, № 7–8. – S. 83–91.
29. Kronika konfliktu Władysława króla polskiego z Krzyżakami w roku pańskim 1410 / pod. red. J. Danka, A. Nadolski. – Olsztyn: Muzeum Warmii i Mazur: Towarzystwo Przyjaciół Muzeum, 1983. – 16 s.

30. Kronika konfliktu Władysława króla polskiego z Krzyżakami w roku pańskim 1410 / pod. red. J. Danka, A. Nadolski. – Olsztyn: Muzeum Warmii i Mazur, 1984. – 17 s.
31. Kronika konfliktu Władysława króla polskiego z Krzyżakami w roku pańskim 1410 / pod. red. J. Danka, A. Nadolski. – Olsztyn: Muzeum Warmii i Mazur, 1986. – 17 s.
32. Kuczyński, S. Kto dowodził w bitwie pod Grunwaldem / S. Kuczyński // Nauka i sztuka / Lodzkie Tow. Nauk.– Wrocław: Ossolineum; 1947. – T. 5. – S. 171–210.
33. Kuczyński, S. Wielka Wojna z Zakonem Krzyżackim w latach 1409 – 1411 / S. Kuczyński. – Wyd. 2. – Warszawa: Min. Obrony Nar., 1960. – 622 s.
34. Kuczyński, S. Wielka Wojna z Zakonem Krzyżackim w latach 1409 – 1411 / S. Kuczyński. – Wyd. 1. – Warszawa: Min. Obrony Nar., 1955. – 551 s.
35. Kuczyński, S. Wielka Wojna z Zakonem Krzyżackim w latach 1409 – 1411 / S. Kuczyński. – Wyd. 6. – Warszawa: Min. Obrony Nar., 1989. – 690 s.
36. Kuczyński, S. Bitwa pod Grunwaldem / S. Kuczyński; red. W. Wieczorek. – Katowice: Śląsk, 1987. – 258 s.
37. Kujot, S. Rok 1410. Wojna / S. Kujot // Roczniki Towarzstwa naukowego w Toruniu. – Toruń: TN, 1910. – T. 17. – S. 56–378.
38. Łowmiański, H. Recenzyia I wydania „Wielkoj Wojny” S. M. Kuczyńskiego / H. Łowmiański // Kwartalnik Historyczny. – 1955. – № 4. – S. 228–229.
39. Nadolski, A. Remarques sur l’art militaire de l’Ordre Teutonique aux de la bataille de Grunwald (Tannenberg) / A. Nadolski // Das Kriegswesen der Ritterorden im Mittelalter. – Toruń: TNT, 1991. – S. 19–26.
40. Nadolski, A. Grunwald 1410 / A. Nadolski. – Wyd. 2. – Warszawa: Bellona, 1996. – 146 s.
41. Nadolski, A. Grunwald: problemy wybrane / A. Nadolski. – Olsztyn: OBN, 1990. – 242 s.
42. № 1 – 1387. II. 20. Ліст вялікага князя Ягайлы // Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах / Склалі: ак. В.К.Шчарбакоў, К.І.Кернажыцкі, Д.І.Даўгяла. – Менск, 1936. – Т. 1. – С. 210–211.
43. Piccolomineus, AE. S. De wiris illustribus / AE. S. Piccolomineus. – Stuttgardle: Sumtibus Societatls Litterbarle Stuttgardiensls, 1842. – 68 p.
44. Prochaska, A. Jan Długosz a Cronica conflictus o grunwaldzkiej bitwie / A. Prochaska // Kwartalnik Historyczny. – 1910. – T. 24, Z. 3–4. – S. 407–421.
45. Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1866. – B. 3. – 730 s.
46. Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.Strehlke. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1870. – B. 4. – 800 s.
47. Spieralski, Z. Czy koniec sporów o Grunwald? / Z. Spieralski // Zapiski historyczne / Państwowe Wydawn. Nauk.; red. M. Biskup. – Poznań, 1974. – T. 39, Z. 2. – S. 89–101.
48. Szajnocha, K. Jadwiga i Jagiełło / K. Szajnocha // Dzieła Karola Szajnochy. – Lwow: Z drukarni E. Winiarza, 1861. – T. 4. – 396 s.

49. Thunert, F. Der grosse Krieg zwishen Polen und dem Deutschen Orden 1410 bis 1 Februar 1411 / F. Thunert // Zeitschrift des Westpreussischen Geschichtsvereins. – Danzig, 1886. – Bd. 16. – S. 37–104.
50. Turnbull, S. Tannenberg 1410. Disaster for the Teutonic Knights / S. Turnbull. – Oxford: Osprey, 2003. – 96 p.
51. Voigt, J. Geschichte Preussens von den ältesten Zeiten bis zum Untergange der Herrschen Ordens / J. Voigt. – Königsberg: Grafe und Unzer, 1836. – B. 6–7.
52. Weber, L. Preußen vor 500 Jahren in culturhistorischer, statistischer und militairischer Beziehung nebst Special-Geographie / L. Weber – Danzig, 1878.
53. Zakrewski, I. Bitwa pod Grunwaldem / I. Zakrewski // Rozcnik Poznańskiego towarystwa przyjacół nauk. – Poznań: Wydawn. Poznanskie, 1890. – T. 17, Z. 2. – S. 11–28.
54. Асіноўскі, С. Сумленна прынялі свой лёс... / С. Асіноўскі // Беларуская мінуўшчына. – 1995. – № 3. – С. 2–6.
55. Барбашев, А. Танненбергская битва / А. Барабашев // Журн. М-ва нар. просвещ. – 1887. – Т. 154, № 12. – С. 151–194.
56. Гагуа, Р.Б. Великая война с Тевтонским орденом 1409 – 1411 гг. в исследованиях С.-М.Кучиньского / Р.Б. Гагуа // Весн. Гродн. дзярж. ун-та імя Я.Купалы. Сер. 1, Гуманітарныя навукі. – 2006. – № 3 (39). – С. 9–13.
57. Гагуа, Р.Б. Вялікая вайна Вялікага Княства Літоўскага і Каралеўства Польскага з Тэўтонскім ордэнам у 1409–1411 г. / Р.Б. Гагуа // Гіст. альманах. – 2003. – Т. 8. – С. 145–166.
58. Гагуа, Р.Б. Западноевропейская и американская историография Великой войны с Тевтонским орденом в 1409 – 1411 годах / Р.Б. Гагуа // Весн. Гродн. дзярж. ун-та імя Я.Купалы. Сер. 1, Гуманітарныя навукі. – 2005. – № 3 (33). – С. 35–42.
59. Гагуа, Р.Б. Литовская историография Великой войны с Тевтонским орденом (1409 – 1411) / Р.Б. Гагуа // Problemy cywilizacyjnego rozwoju Bialorosji, Polski, Rosji i Ukrainy od końca XVIII do XXI wieku: zb. nauk. art. / Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego; pod red. P. Franaszka, A.N. Nieczuchrina. – Kraków, 2007. – Wydanie 1. – S. 89–92.
60. Гагуа, Р.Б. Лісты Ягайлы і ананімная «Хроніка канфлікту» як крыніцы па даследаванню Грунвальдскай бітвы / Р.Б. Гагуа // Гістарычны альманах. – 2007. – Т. 13. – С. 118–140.
61. Гагуа, Р.Б. Несколько замечаний по поводу участия в сражении при Грюнвальде хоругви из Мейсена / Р.Б. Гагуа // Актуальные проблемы из историчесого прошлого и современности в общественно-гуманитарных и социо-религиоведческих науках Беларуси, ближнего и дальнего зарубежья: материалы междунар. науч.-теор. конф., Витебск, 19–20 апреля 2007 г. / Вит. гос. ун-т; редкол.: В.А. Космач (гл. ред.) [и др.]. – Витебск, 2007. – Ч. 1. – С. 215–216.
62. Гагуа, Р.Б. Проблема бегства армии ВКЛ в битве под Грюнвальдом / Р.Б. Гагуа // Славянскі свет: мінулае і сучаснае: матэрыялы Рэсп. навук. канф.,

26 сакавіка 2004 г.: в 3 ч. / Бел. дзярж. пед. ун-т; рэдкал.: А.П. Жытко (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2004. – Ч. 1. – С. 17–22.
63. Гагуа, Р.Б. Роль экономических источников в исследовании Грюнвальдской битвы. / Р.Б. Гагуа // Социально-экономическое и гуманитарное развитие Белорусского общества в XXI веке: материалы респ. науч. конф. студентов, магистрантов, аспирантов, Минск, 16 декабря 2004 г. / Бел. гос. экон. ун-т; редкол.: И.Л. Василец [и др.]. – Минск, 2005. – С. 457–459.
64. Гагуа, Р.Б. Российская и белорусская историография сражения при Грюнвальде / Р.Б. Гагуа // Весн. Гродн. дзярж. ун-та імя Я.Купалы. Сер. 1, Гуманітарныя навукі. – 2003. – № 2 (20). – С. 15–22.
65. Гагуа, Р.Б. Хроніка канфлікту Ўладіслава караля Польшчы з крыжакамі ў год хрыстоў 1410 / Р.Б. Гагуа // Беларускі археаграфічны штогоднік. – 2005. – № 6. – С. 61–69.
66. Гейсман, П.А. Поход великого князя Димитрия Иоанновича Донского от Москвы к Дону и сражение на Куликовом поле 8 сентября 1380 / П.А. Гейсман // Военный сборник. – Киев, 1910. — № 7. – С. 14–20.
67. Грыцкевіч, А. Барацьба Вялікага княства Літоўскага і Рускага (Беларуска-Літоўскай дзяржавы) з Тэўтонскім ордэнам у канцы XIV – першай палове XV ст. / А. Грыцкевіч // Адраджэнне: Гіст. Альманах/ Склад. і навук. рэд. А.П. Грыцкевіч. – Мінск, 1995. – Вып. 1. – С. 36–61.
68. Дельбрюк, Ганс. История военного искусства в рамках политической истории / Г. Дельбрюк. – СПб: Наука, Ювента, 1996. – Т. 3: Средневековье. – 430 с.
69. Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 216 с.
70. Краўцэвіч, А.К. Тэўтонскі ордэн: ад Ерусаліма да Грунвальда / А.К. Краўцэвіч. – Мінск: Асвета, 1993. – 52 с.
71. Сагановіч, Г. Вялікая вайна 1409 – 1411 / Г. Сагановіч // Вялікае княства Літоўскае: энцыкл.: у 2 т. – Мінск,: «Беларуская энцыклапедыя» імя Пятруся Броўкі, 2005. – Т. 1. – С. 473–474.
72. Сагановіч, Г. Грунвальд у беларускай гістарыяграфіі / Г. Сагановіч // Беларускі гістарычны агляд [Электронный ресурс]. – Т. 9. – Сшытак 1–2. – Режим доступа: http://www.lingvo.minsk.by/~bha/09/Sahanovic.htm. – Дата доступа: 15.05.2006.
73. Сагановіч, Г. Русіны пад Грунвальдам (Дуброўнай) у 1410 г. / Г. Сагановіч // Беларускі гістарычны агляд [Электронный ресурс]. – Т. 11. – Сшытак 1–2, (20–21) снежань 2004. – Режим доступа: http://kamunikat.net.iig.pl/www/czasopisy/bha/11-1-2/02.htm. – Дата доступа: 12.04.2007.
74. Семянчук, А.А. Беларуска-Літоўскія летапіс і польскія хронікі / А.А.Семянчук. – Гродна: Выдавецтва ГрДУ імя Я. Купалы, 2000. – С. 162.

75. Тарасов К. Погоня на Грюнвальд. Исторический роман. – Минск: ПКМП «Оракул», 1992. – 288 с.
76. Хроника Быховца // Полн. собр. русских летописей: в 35 т. / Под ред. Б.А. Рыбакова. – М.: Наука, 1975. – Т 32.
77. Хроника Литовская и Жмойтская // Полн. собр. русских летописей: в 35 т. / Под ред. Б.А. Рыбакова. – М.: Наука, 1975. – Т 32.
78. Цярохін, С. Грунвальдская бітва 1410 / С. Цярохін // Энцыкл. гіст. Беларусі: у 6 т. – Мінск, 1996. – Т. 3. – С. 157–159.
79. Чаропка, В. Удзел войска ВКЛ у Грунвальдскай бітве / В. Чаропка // Беларускі гістарычны часопіс. – 2000. – № 2. – С. 14–22.

РЕЗЮМЕ

На протяжении уже нескольких столетий сражение при Грюнвальде 15 июля 1410 года притягивает внимание исследователей из Польши, Германии, России, Литвы, Беларуси и других стран Европы и североамериканского континента. Многие историки рассматривают данное событие как один из ключевых моментов в истории средневековой Европы. Поражение армии Тевтонского ордена под Грюнвальдом привело к геополитическим и территориальным изменениям в самом сердце Европы и во многом определило дальнейшую историческую судьбу ряда европейских государств.

Поскольку в битве приняли участие, кроме прочих, также воины с территории современной Беларуси, сражение при Грюнвальде стало объектом пристального внимания со стороны белорусских историков, журналистов, писателей и поэтов.

В то же время сражение в белорусской историографии до настоящего времени рассматривается исключительно с национальных позиций и представляется как апогей всенародной борьбы за сохранение своего этноса, культуры и религии, а основные заслуги в победе приписываются, как правило, только предкам современных белорусов.

При реконструкции хода Грюнвальдской битвы отечественными исследователями допускается ряд серьёзных ошибок и неточностей.

Несмотря на то, что в данное время известно огромное количество источников для исследования событий, связанных с битвой, большинство из них не стали предметом специального изучения на постсоветском пространстве, либо, при обращении к ним историки ограничивались лишь поверхностным анализом.

На данный момент, как в отечественной, так и в зарубежной исторической науке не существует единого мнения о познавательной ценности, исторической достоверности и значимости тех или иных источников для исследования сражения при Грюнвальде.

В связи с этим создание русскоязычной монографии, посвященной одному из важнейших источников для реконструкции событий битвы – «Хронике конфликта Владислава, короля Польши в год Христов 1410» – является важным шагом в исследованиях относительно одного из крупнейших сражений средневековья.

Монография «Грюнвальд в источниках: «Хроника конфликта…»» состоит из введения, четырёх глав и заключения. Вместе с исследованием помещены транскрипция оригинального латинского теста хроники и её перевод на русский язык. В приложениях помещены латинские тексты с переводами нескольких писем Ягайлы с поля битвы и реляции Энеа Сильвио Пикколомини о сражении при Грюнвальде.

В первой главе «Источники и историография» автор обратился к обзору публикаций текста «Хроники конфликта…» начиная с XIX века и краткому анализу работ источниковедческого характера, посвящённых хронике.

Впервые манускрипт был обнаружен в библиотеке графов Дзялыньских в Курнике (Польша) польским историком Августом Беловским в XIX столетии. Первая публикация хроники была осуществлена немецким исследователем Эрнстом Штрельке в третьем томе монументального собрания источников по истории Пруссии – «Scriptores rerum Prussicarum». Впоследствии «Хроника конфликта…» ещё дважды – в 1872 и в 1911 годах –
публиковалась на языке оригинала. Только в 1983 году появился перевод «Хроники конфликта…» на польский язык, белорусский перевод был опубликован в 2005 году, а русский перевод до настоящего момента не публиковался вообще.

Обращаясь к анализу источниковедческих работ, посвящённых «Хронике конфликта…», автор рассматривает высказанные в исторической науке точки зрения относительно степени достоверности «Хроники конфликта…», её авторстве и времени создания.

Так, сравнивая сообщения о сражении при Грюнвальде в «Истории Польши» Яна Длугоша и «Хронике конфликта…», Антони Прохаска, Франц Тунерт, Карл Хевекер и Станислав Куйот сочли заслуживающими большего доверия реляции «отца польской истории», в то время как Михал Бобжиньски, Александр Семкович, Стефан Мария Кучиньски, Марьян Бискуп и Свен Экдаль отдали предпочтение хронике.

Автор отмечает, что «Хроника конфликта…» остается до настоящего времени недостаточно исследована в исторической науке. В связи с этим остается нерешённым ряд вопросов, таких как место и время ее создания. Остаётся невыясненным авторство источника.

Версия о существовании более обширного и подробного варианта летописи, послужившего прототипом для создания дошедшего до нас сокращённого списка, выдвинутая в исторической науке, позволяет исследователям заниматься спекуляциями в отношении тех или иных аспектов реконструируемых событий сражения.

Во второй главе ««Внешний» анализ «Хроники конфликта…»» осуществлена развёрнутая характеристика рукописи, рассмотрен вопрос о времени создания хроники и её авторстве, подвергнута критическому анализу версия о существовании обширного варианта летописи.

В первом разделе второй главы автор производит внешнее описание рукописи: им приводятся сведения о бумаге, на которой написана хроника, указываются размеры листов манускрипта, количество страниц, использованные при её написании шрифты и почерки.

Во втором разделе, на основании компаративного текстового анализа различных источников XV столетия, автор приходит к ряду важных умозаключений. Время создания хроники относится к периоду с ноября 1410 по январь 1411 г.

Обращаясь к вопросу об авторстве хроники, автор рассматривает две возможные кандидатуры: Збигнева Олесьницкого и Миколая Тромбы. Основываясь на общности в стиле написания хроники с эпистолярными

источниками польской королевской канцелярии и личностной характеристике кандидатов, автор признаёт автором «Хроники конфликта…» Миколая Тромбу.

Версия о существовании более обширного варианта признается не более чем домыслом некоторых историков.

Третья глава «Сравнительный анализ «Хроники конфликта…» в отношении источникового корпуса для исследования Грюнвальдского сражения» состоит из шести разделов: 3.1 «Хроника конфликта…» и хроники Тевтонского ордена; 3.2 «Хроника конфликта…» и проблема бегства армии Великого княжества Литовского в битве при Грюнвальде; 3.3 «Хроника конфликта…» и письма королевской канцелярии Ягайлы: вопрос об участии польского короля в сражении при Грюнвальде; 3.4 «Хроника конфликта…» и реляции о Грюнвальдской битве в трудах Энеа Сильвео Пикколомини; 3.5 «Хроника конфликта…» и «История Польши» Яна Длугоша; 3.6 Вопрос о командовании союзными войсками в сражении при Грюнвальде.

В данной главе проводится сравнительный анализ сообщений «Хроники конфликта…» с реляциями о Грюнвальдской битве европейских нарративных и эпистолярных источников.

Первый раздел главы посвящён анализу хроники относительно Торуньских анналов и продолжению хроники помезанского официала Яна фон Поссильге. Автор приходит к выводу, что сообщения «Хроники конфликта…» в своей основе коррелируются со свидетельствами летописей Тевтонского ордена, однако с привнесением в нарратив идеологической окраски каждой стороной.

Во втором разделе поднимается проблема бегства армии Великого княжества Литовского во время Грюнвальдского сражения. Автор задаётся вопросом: являлось ли отступление армии Витовта заранее спланированным манёвром (так называемая версия «заманного бегства») либо являлось реальным бегством с поля боя.

После анализа источникового корпуса автор приходит к заключению, что часть армии Витовта под натиском хоругвей крестоносцев была обращена в бегство либо была вынуждена отступить. Однако крестоносцы не сумели развить свой успех, поскольку, бросившись преследовать противника, расстроили боевые порядки и, возвращаясь, попали в окружение и были уничтожены.

В третьем разделе данной главы автором рассматривается вопрос об участии польского короля в Грюнвальдской битве. После компаративного текстового анализа содержания писем Ягайло и сообщений «Хроники конфликта…», автор пришёл к выводу, что король принимал непосредственное участие в сражении, находясь на поле боя, и осуществлял верховное командование польской армией во время битвы, хотя лично рыцарство в бой не вел, удовольствовавшись преследованием обращенного в бегство врага.

В четвертом разделе рассматриваются реляции о Грюнвальдской битве Энеа Сильвио Пикколомини относительно текста хроники, вследствие чего автор приходит к заключению, что Чигизский манускрипт, является значительно переработанной компиляцией Пия II, что позволяет рассматривать

его в качестве отдельного исторического источника для исследования событий сражения при Грюнвальде. Чигизский манускрипт обладает относительно высокой степенью достоверности и представляет ценные сведения для прояснения ряда частных вопросов битвы: проливает свет на тактические планы сторон, а также содержит точные данные по потерям Тевтонского ордена.

В пятом разделе автором проводится компаративный анализ «Истории Польши» Яна Длугоша и «Хроники конфликта…». Отмечается, что сведения о сражении при Грюнвальде, приведенные Яном Длугошем, имеют определённые расхождения с версией, представленной хроникой: в источниках по-разному описано продвижение союзников к месту сражения, имеются различия в описании захвата замка Домбровно, по-разному изображён ход сражения.

Автор приходит к выводам, что Ян Длугош не ставил перед собой целью правдивое описание событий Великой войны, а пытался обосновать справедливый и законный характер позиций Польского королевства и Великого княжества Литовского в конфликте с Тевтонским орденом. Указывает на ряд серьёзных противоречий, допущенных Яном Длугошем при описании похода союзных войск в Пруссию.

Одновременно автор приходит к ряду выводов, касательно военной организации армий, принявших участие в сражении при Грюнвальде.

Также он считает, что под Грюнвальдом сражались не пятьдесят польских хоругвей, к чему склоняется абсолютное большинство исследователей, а пятьдесят одна. Рассмотрев вопрос о построении армий во время битвы, автор пришёл к заключению, что хоругви, будучи автономными боевыми единицами, имеющими свое собственное знамя и командира, сражались в виде клиньев, причем численность хоругвей могла существенно различаться, а во время сражения общая координация действий отдельных хоругвей практически не осуществлялась.

Автором отмечается значительное сходство военной организации Тевтонского ордена, Польского королевства и Великого княжества Литовского, что, в свою очередь, свидетельствует о существовании в начале XV столетия единых стандартов формирования и комплектования армий в Центральной Европе. В связи с этим формирование хоругвей происходило согласно определенной «иерархии», начиная от отрядов верховного сюзерена и заканчивая хоругвями, которые формировались по территориальному либо родовому признаку.

В шестом разделе главы рассмотрен вопрос о верховном командовании союзными войсками и сражении при Грюнвальде. После рассмотрения основных версий, высказанных в историографии, согласно которым непосредственное командование осуществляли Зиндрам из Машковиц, Витовт, Ягайло или кто-либо из чешских наемных рыцарей – Ян Сокол или Ян Жижка, отмечается, что подобная ситуация возникла в связи с тем, что разные историки отдают предпочтения сообщениям различных источников.

Автор склоняется к версии, что во время сражения при Грюнвальде командование польской армией осуществлял король, в то время как литовскими хоругвями командовал Витовт, однако при этом само командование армиями практически сводилось к введению в битву свежих отрядов.

Четвертая глава монографии «Реконструкция общего хода сражения при Грюнвальде» посвящена решению ряда вопросов, до настоящего времени носящих дискуссионный характер в исторической науке, таких как прибытие войск к месту сражения, локализация армий на поле боя, тактический ход сражения.

Первый раздел четвёртой главы, «Дислокация армий на поле боя», посвящен реконструкции расположения армий на основе данных «Истории Польши», «Хроники конфликта…» и других источников. Исходя из этого, автор приходит к выводам, что польское рыцарство располагалось в лесу к югу от холма, который был расположен примерно в двух километрах к югу-западу от озера Лубень, а армия Витовта – к северу. Соответственно, армия крестоносцев располагалась на противоположном холме. С учетом рельефных особенностей местности, хоругви Ягайлы и Витовта не могли быть выстроены в прямую линию, а находились под углом друг к другу, что коррелируется с описанием битвы в источниках.

Во втором разделе, «Ситуация накануне сражения», рассматривается передвижения и местоположение противников утром 15 июля 1410 года, действия главнокомандующих при обнаружении врага, определяется время начала битвы.

В разделе «Начало сражения при Грюнвальде. Миф о смоленских полках» автор на основании синтеза сообщений источников производит реконструкцию событий, произошедших на первом этапе боя.

Отмечается, что особенности расположения армий на поле боя определили то обстоятельство, что первая сшибка произошла между армией Витовта и хоругвями Фридриха фон Валенрода.

Обращаясь к распространённой среди исследователей версии, основанной на реляциях Яна Длугоша о том, что смоленские полки сыграли решающую роль в Грюнвальдском сражении и спасли положение, предотвратив поражение союзных армий, автор приходит к выводу, что сообщение Яна Длугоша о трех смоленских полках – всего лишь очередное недоразумение. Вероятно, что хоругвь из Смоленска была всего одна. Она находилась на стыке позиций, занимаемых армиями Польши и Великого княжества литовского, откуда была оттеснена к польским отрядам во время прорыва ударом Фридриха фон Валенрода боевого построения армии Витовта и обращения в бегство части его отрядов. Таким образом, говорить о судьбоносном влиянии на сражение со стороны смоленских воинов нет абсолютно никаких оснований.

В четвертом разделе, «Вступление в битву польских хоругвей, окружение части армии крестоносцев, ввод в бой резервов Ульрихом фон Юнгингеном и разгром войск Тевтонского ордена», автором на основе данных «Хроники

конфликта…», орденских манускриптов и «Истории Польши» Яна Длугоша проводится реконструкция событий заключительных этапов битвы.

При подведении итогов отмечается, что Ян Длугош использовал «Хронику конфликта» наряду с хроникой Яна фон Поссильге и Чигизской рукописью в качестве источников для написания «Истории Польши», в то время как ряд документов Ордена ему были неизвестны. Вследствие этого, «Хроника конфликта…», хроника Яна фон Поссильге и Чигизский манускрипт являются примарными источниками для исследования Грюнвальдского сражения. Следовательно, их познавательная ценность намного выше реляций Яна Длугоша. Таким образом, концепции сражения, основанные на сообщениях Яна Длугоша, требуют радикального пересмотра, в то время как анализ «Хроники конфликта…» позволяет успешно решить ряд вопросов относительно битвы при Грюнвальде, которые до настоящего момента носили в историографии дискуссионный характер.

«Хроника конфликта…» представляет одно из самых подробных и достоверных описаний сражения при Грюнвальде из всех известных нарративных реляций. По всей видимости, хроника была создана в период с ноября 1410 по январь 1411 года, вероятно, Миколаем Тромбой.

Обращение к «Хронике конфликта…» позволяет разрешить те недоразумения, которые допустил в своей компиляции Ян Длугош, послужившие поводом для разногласий среди исследователей при реконструкции хода Грюнвальдской битвы.

«Хроника конфликта…» представляет собой характерный памятник средневековой европейской литературы, который позволяет современному человеку окунуться в атмосферу XV века и более адекватно понять мысли, поступки, желания людей, чьи действия определили ход истории Европы.
Автор питает надежду, что она поможет с новых позиций подойти к трактовке событий Великой войны с Тевтонским орденом 1409 – 1411 годов, и поднимет отечественные исследования в данной области на новый, более высокий уровень.

SUMMARY

For centuries the battle of Grunwald on July 15th, 1410 draws the researchers' attention from Poland, Germany, Russia, Lithuania, Belarus, other European countries, and the USA. Many historians consider this event as one of the key moments in medieval European history. The defeat of the Teutonic Order's army near Grunwald led to geopolitical and territorial changes in the heart of Europe and determined further historical fate for a number of European countries.

Since the warriors from the territory of modern Belarus also took part in the struggle, the battle of Grunwald became a subject of rapt attention from side of Belarusian historians, journalists, writers and poets.

At the same time the battle in Belarusian historiography to this day has been viewed exclusively from the national position and is represented as the apogee of nation-wide struggle for ethnic, cultural and religious preservation; besides that, the main merit for the victory is usually arrogated to the modern Belarusians' ancestors.

When reconstructing the course of the battle of Grunwald Belarusian researchers make a range of serious mistakes and inexactitudes.

Though there is an enormous quantity of sources for the research which are connected with the battle events, most of them haven't become a subject of special study at post-Soviet area or while adverting to them the historians contented themselves with perfunctory analysis.

At the very moment there's no agreement in cognitive value, historical authenticity and concernment of the sources for the research of the battle of Grunwald in Belarusian as well as in foreign historical science.

As a result of it, creation of Russian-language monograph devoted to one of the most significant sources for the reconstruction of the battle events – 'Cronica Conflictus Wladislai Regis Poloniae cum Cruciferis Anno Christi 1410'– is an important step in the researches of one of the first-rate medieval fights.

The monograph 'Grunwald in sources: "Cronica Conflictus…"' consists of an introduction, four chapters and a conclusion. Along with the research there is also the original Latin text transcription of the chronicle and its translation into Russian. There are Latin texts of some of the king Jagiello's letters from the battlefield and Aeneas Silvius Piccolomini's reports about the battle of Grunwald with the translation in the appendices.

In the first chapter named 'Sources and Historiography', the author appeals to the publication survey of 'Cronica Conflictus…' text dated at the beginning of the 19th century, and a brief work analysis of the source studying character devoted to the chronicle.

The manuscript was found in the count of Dzyalynsk's library in Kurnic (Poland) by Polish historian August Bielowski in the 19th century. The chronicle was first published by German researcher Ernest Strehlke in the third volume of the monumental collection of sources on Prussia's history: 'Scriptores Rerum Prussicarum'. Afterwards 'Cronica Conflictus…' was published twice, in 1872 and 1911 in its original language. Only in 1983 the Polish translation appeared,

Belarusian translation was released in 2005, and Russian translation hasn't been published yet.

Addressing to the analysis of source-studying works dedicated to 'Cronica Conflictus…', the author examines uttering points of view which exist in historical science regarding the credibility value of 'Cronica Conflictus…', its authorship and the time of creation.

Thus, comparing the statements about the battle of Grunwald in Jan Dlugosz's 'Historia Polonicae' and 'Cronica Conflictus…', Anthony Prochaska, Francis Thunert, Karl Heveker and Stanislaw Kujot thought that the reports of Polish history father is more trustworthy, whereas Michael Bobrzycski, A. Siemkowicz, Stephen Mary Kuczycski, Marion Biskup and Sven Ekdahl showed preference for the chronicle.

The author marks out that 'Cronica Conflictus…' remains under-investigated in the historical science to the very moment. In view of it there is a range of unsettled questions such as place and time of its creation and authorship.

The version of existence of more extensive and detailed variant of annals which served as a prototype for creation of the list presented to us, allows the researchers to speculate while reconstructing events of the battle as regards in one or another aspects.

In a detailed description of the manuscript entertains the question of the chronicle time creation and its authorship. The version of the existence of more extensive annals variant was critically analyzed in the second chapter named '"Cronica Conflictus…" "External" Analysis'.

In the first part of the second chapter the author makes an external description of the manuscript: he lists the information about the paper, on which the chronicle was written, states the size of the manuscript sheets, the number of pages, the type and handwriting used when creating it.

In the second part of the second chapter the author comes to a range of important interferences as a result of a comparative analysis of various sources of the15th century. The creation of the chronicle is dated to the period from November, 1410 till January, 1411.

Raising the issue of the chronicle authorship, the author considers two candidacies: Zbigniew Olesnicki and Nicolaus Tromba. Relying on the likeness in the style of chronicle writing and epistolary sources of Polish royal chancellery and the description of two personalities of the candidates, the author votes for the Nicolaus Tromba.

The version of a more extensive variant existence votes just the conjecture of some historians.

The third chapter called 'The Comparative Analysis of "Cronica Conflictus…" Considering the Source Studying Body for the Battle of Grunwald Research' consists of six parts: 3.1. 'Cronica Conflictus…' and Teutonic Order's Chronicles. 3.2. 'Cronica Conflictus…' and the Problem of the Flight of Lithuanian Army in Grunwald Battle. 3.3. 'Cronica Conflictus…' and the Letters of Jagiello's Royal Chancellery: the Question of the Polish King's Taking Part in the Fight of Grunwald.

3.4. ‘Cronica Conflictus…’ and the Reports about Grunwald Battle in Aenea Silvio Piccolomini’s Proceedings. 3.5. ‘Cronica Conflictus…’ and ‘Historia Polonicae’ by Jan Dlugosz. 3.6. ‘The Question about the Allied Troops Command in the Battle of Grunwald’.

In this chapter, the comparative analysis of ‘Cronica Conflictus…’ reports is carried out with the reports concerning the battle of Grunwald in various European narrative and epistolary sources.

The first part of the chapter deals with the chronicle analysis relative to Torun’s annals and the continuation of the chronicle by Pomezanian official Jan von Posilge. The author comes to the conclusion that the ‘Cronica Conflictus…’ reports correlate with the data of the Teutonic Order’s chronicle, with each side adding the ideological colouring to the description.

In the second part of the chapter, the question of the flight of the Grand Duchy of Lithuania army’s flight in the battle is brought up. The author wonders if the retreat of Vytaut’s army was a put-up maneuver (so-called version of ‘entrapping’ flight) or it was a real runaway from the battlefield.

After finishing the source body analysis, the author comes to the conclusion that the part of Vytaut’s army, pressured by the crusaders’ banners, was sent fleeing or was reluctant to retreat. But crusaders were not able to develop their success. As long as they threw themselves into pursuing the enemy, they broke their ranks, were surrounded and killed while coming back.

In the third part of this chapter, the author examines a question of the King of Poland’s participation in the battle of Grunwald. After comparative text analysis of Jagiello’s letters and ‘Cronica Conflictus…’ reports the author comes to the conclusion that the king participated in the struggle, was at the battlefield and was a supreme commander in chief in Polish army though he didn’t lead the knights into the fight but pursued the enemy which was put to rout.

In the fourth part, Aenea Silvio Piccolomini’s communiqué on the battle of Grunwald was compared to the chronicle text. The author concluded that Chigi’s manuscript is a considerably altered Pia’s II compilation that enables us to regard it as a separate historical source for the research of Grunwald events. Chigi’s manuscript has a high degree of reliability and gives valuable information, which helps to clear up a number of questions concerning the battle. It throws daylight upon tactical plans of both sides and contains precise information about the Teutonic Order’s losses.

In the fifth part, the author carries out a comparative analysis of Jan Dlugosz’s ‘Historiae Polonicae’ and ‘Cronica Conflictus…’. It is noted that information about the battle of Grunwald given by Jan Dlugosz differs from the chronicle version; the advance of allies to the place of battle is described in a different manner in the sources; there are differences in the capture of Gilgenburg (Dombrowno) castle, also, the description of the struggle is different.

The author comes to the conclusion that Jan Dlugosz did not plan to make a truthful description of Great War events, but tried to substantiate a just and legal character of the Polish and Lithuanian positions in the conflict with the Teutonic

Order.

The author shows a range of serious contradictions of the Jan Dlugosz's description of the march of allied troops in Prussia.

At the same time, the author comes to a number of conclusions concerning the military organization of armies which took part in the battle of Grunwald.

The author considers that there were not fifty Polish banners near Grunwald (that most of the researchers admit), but fifty one. While examining the question about army's formation at the time of the battle, the author comes to the conclusion that the Banners, being an autonomous combat unit and having their own banner and commanding officer, fought in the form of a wedge and the Banners' strength could considerably be different, and at the time of the fight the planned coordination of the actions of detached Banners was not carried out.

The author notes a considerable similarity in military organization of the Teutonic Order, the Kingdom of Poland and the Grand Duchy of Lithuania, which testifies the existence of a single standard army formation and recruitment at the beginning of the 15th century in Central Europe. In connection with this, the Banners' formation was done according to the appointed hierarchy starting from supreme suzerain's detachment and ending the banners which were formed on the basis of the territory or kin.

In the sixth part of the chapter, the question about high command of allied troops and the battle of Grunwald is examined. After consideration of the main versions founded in historiography, according to which the direct command was realized by Zyndram of Maszkowice, Vytaut, Jagiello or someone of Czech hired knights – Jan Sokol or Jan Zizka, the author remarks that such situation has come into being because of showing preference to various sources.

The author tends to the opinion that the King was in command of Polish army and Vytaut commanded the Lithuanian Banners, but the role of the army command was reduced to putting fresh detachments into the fight.

The fourth chapter of the monograph, 'The Reconstruction of the General Course of Events in Grunwald Battle', is dedicated to the solution of a range of questions which to the very time has a debatable character in historical science, such as the arrival of troops to the battlefield, the allocation of the armies and the tactical march of events.

The first part of the fourth chapter, 'The Distribution of Armies at the Battlefield', is devoted to the reconstruction of the armies' position, relying on 'Historiae Polonicae', 'Cronica Conflictus…', and other sources. Based on the above mentioned sources, the author comes to the conclusion that the Polish knighthood was located in the forest to the South of the hill approximately two km southwest of Lake Lubien with the Vytaut's army to the north of it. Therefore the crusaders' army was located at the opposite hill. Subject to relief peculiarity of the surroundings Jagiello's and Vytaut's armies were not able to be formed into a straight line but were located angularly to each other, which correlates with description of the fight in the sources.

In the second part, 'The Situation on the Eve of the Battle', the movements and

the Location of the Enemies in the Morning of 15 July, 1410, and the Commander in Chiefs' actions are analyzed; also, the time the battle began is identified.

In the part named 'The Beginning of Grunwald Battle, the Myth about the Smolensk Banners' the author carries out the reconstruction of the events at the first stage of the struggle based on the synthesis of the information found in the sources.

The author notes that the peculiarities of armies' disposition at the battlefield decided that the first passage of arms took place between Vytaut's armies and Friedrich von Wallenrode's Banners.

Addressing to the version widespread among researchers and founded on Jan Dlugosz's communiqué, viewing the Smolensk Banners playing the most important role in the battle of Grunwald and having rescued the situation staving off defeat of the allied armies, the author comes to the conclusion that Jan Dlugosz's reports concerning three Smolensk Banners are nothing but another inexactitude. It is likely that there have been only one Smolensk Banner. It was located at the joint of positions occupied by the Polish-Lithuanian armies. After that it was forced back to Polish detachment when Friedrich von Wallenrode's army broke Vytaut's battle formation and took flight. Thus, there is no reason to speak about any crucial influence from the side of Smolensk soldiers on the battle.

In the fourth part, 'Polish Banners Coming into the Battle, the Encirclement of the Part of the Crusaders' Army, Putting Reserves by Ulrich von Jungingen into the Struggle and the Defeat of the Teutonic Order's Army', the author carries out the reconstruction of the events of the final battle stages, based of information from 'Cronica Conflictus…', the Order's manuscripts and Jan Dlugosz's 'Historiae Polonicae'.

In the summary, the author marks that Jan Dlugosz used 'Cronica Conflictus…' along with Jan von Posilge's chronicle and Chigi's manuscript as the resources for the creating of 'Historiae Polonicae', while he did not learn about a number of Order's documents. As a result of it, 'Cronica Conflictus…', Jan von Posilge's chronicle and Chigi's manuscript are the primary sources for the research of the Grunwald battle. Thereby the concepts founded on Jan Dlugosz's reports need radical revision, while 'Cronica Conflictus' analysis makes it possible to solve a number of questions concerning the battle of Grunwald, which to the very moment have a debatable character.

'Cronica Conflictus…' is one of the most detailed and trustworthy descriptions of all known narrative communiqués telling about the battle of Grunwald. In all probability, the chronicle was likely created by Nicolaus Tromba from November, 1410 to January, 1411.

Addressing to 'Cronica Conflictus…' makes it possible to resolve those misunderstandings which Jan Dlugosz made in his compilation and which has aroused disagreement among researchers in the reconstruction of the battle of Grunwald.

'Cronica Conflictus…'is a typical monument of medieval European literature, which allows a modern person to plunge into the atmosphere of the 15th century and better understand people's thoughts, deeds, wishes, and the actions, which

determined the course of European history.

The author cherishes the hope that it will help to approach an interpretation of Great War events with the Teutonic Order of 1409–1411 from new positions and to raise the researches of our country in this field to a higher level.

Научное издание

Руслан Гагуа

Грюнвальд в источниках: «Хроника конфликта Владислава, короля Польши, с крестоносцами в год Христов 1410»

Монография

Ответственный за выпуск *П.С. Кравцов*

Редактор *С.В. Сухобокова*
Компьютерный дизайн *А.А. Пресный*

Подписано в печать 02.09.2009. Формат 60x84/16.
бумага офсетная. Гарнитура «таймс». Ризография.
Усл. печ. л. 12,3. Уч.-изд. л. 12,6.
Тираж 200 экз. Заказ № 870

Отпечатано в редакционно-издательском отделе
Полесского государственного университета
225710, г. Пинск, ул. Днепровской флотилии, 23.